Пусть гаснет свобода

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦАISS
П836

2-э

№ 2664.
335
П. 61.

ossé: Les garanties de la liberté

Prix: 40 коп., 1 fr.

В. А. ПОССЕ

BIBLIOTHÈQUE GEORGES KOUKLINE

ЦА155
П636

ГАРАНТІИ СВОБОДЫ

изъ книги

«Теорія и практика пролетарскаго соціализма»

ЖЕНЕВА

1905

2-103.

ЦАISS
П836

1100
28

В 6502 у

2010 г.
У 82

#2664
335
П.61

Глава VIII.

Національная автономія и всемірная федерація.

I.

Коммунальная или общинно-союзная организація обществъ ведетъ къ объединенію человѣчества, а не къ распаденію его на множество небольшихъ, совершенно «независимыхъ» другъ отъ друга группъ, какъ это нѣкоторые думаютъ. «Зависимость» общинъ и ихъ союзовъ другъ отъ друга будетъ очень сильной и постоянно возрастающей, но эта зависимость не подчиненности, а взаимопомощи.

Если всмотрѣться и вдуматься въ современный «государственный порядокъ», то нельзя не придти къ заключенію, что *централизація разъединяетъ людей* и что только свободная федерація снизу кверху можетъ установить между людьми тѣсную связь, дѣйствительное объединеніе. Народы, централизованные въ русскомъ или въ австрійскомъ государствѣ, разъединены національною враждою, которая непремѣнно исчезла бы, какъ только каждой народности или національности была бы предоставлена возможность составить самостоятельный національный союзъ общинъ, который могъ бы на равныхъ правахъ вступить въ союзъ или федерацію съ другими національными союзами, независимо отъ того входили ли тѣ или другія общины въ составъ Россіи, Германіи, Австріи, Венгріи и т. д. Только свободная федерація общинъ и ихъ союзовъ при одновременномъ уничтоженіи централизованныхъ «государствъ» и государственныхъ границъ можетъ разрѣшить національный вопросъ въ смыслѣ братскаго объединенія различныхъ національностей, изъ кото-

рыхъ каждая получитъ возможность свободно развивать положительныя стороны своей національности, свой языкъ, свою литературу, свое искусство.

Побѣда пролетаріата устанавливаетъ равенство, но не однообразіе и, уничтожая государство, не уничтожаетъ національностей.

У пролетаріевъ нѣтъ отечества, но невѣрно было бы сказать, что у нихъ нѣтъ національности. Мы видимъ, что у пролетаріевъ по большей части угнетенныхъ небольшихъ народностей, съ развитіемъ классового сознанія идетъ рука объ руку и развитіе самосознанія національнаго, которое, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ буржуазнымъ «націонализмомъ» или шовинизмомъ. «Самое понятіе объ идеалѣ человѣка замѣчаетъ Драгомановъ*) — составляется и *продолжаетъ составляться* у людей изъ отвлеченія лучшихъ сторонъ индивидуумовъ, корпорацій (какъ видовъ труда) и націй, и потому прогрессъ самого этого идеала вовсе не требуетъ стиранія всѣхъ разнообразностей человѣка, а, напротивъ того, ихъ постояннаго развитія. Космополитизмъ и гуманизмъ исключаютъ только національныя антипатіи, національную исключительность, призываютъ къ стиранію національныхъ недостатковъ».

Можно, конечно, думать, что въ соціалистическомъ обществѣ въ концѣ концовъ исчезнетъ различіе, вызываемое національностью, хотя дифференціація личныхъ особенностей будетъ возрастать, но и для приближенія къ этому идеалу необходимо предварительное освобожденіе всѣхъ національностей, признаніе ихъ полной равноправности.

Стремленіе крупныхъ націй «поглотить» мелкія неизбѣжно вызываетъ у послѣднихъ отпоръ и болѣзненно обостренное національное чувство. Для того, чтобы слиться, національностямъ приходится сначала отмежеваться. Замѣчательно, что знаменитый «Интернаціоналъ», выдвигая на первый планъ международность рабочаго движенія, состоялъ изъ ряда *національныхъ* союзовъ и при этомъ не считался съ государственными границами, признавая за равный съ другими и польскій національный союзъ, хотя Польша

*) «Историческая Польша и Великорусская Демократія».

была раздѣлена между тремя государствами. Впрочемъ польская національность, въ виду трагически-величественной исторіи ея народа, пользовалась нѣсколько исключительнымъ признаніемъ со стороны даже Маркса, который въ началѣ своей публицистической и общественной дѣятельности къ другимъ славянскимъ національностямъ относился съ недостойнымъ этого великаго мыслителя высокомѣріемъ и презрѣніемъ.

Въ 1848 г. по поводу панславянскаго конгресса въ Прагѣ, на которомъ Бакунинъ выступилъ съ манифестомъ, требующимъ независимости всѣхъ славянскихъ народностей, Марксъ разражается въ своей «Новой Рейнской газетѣ» буквально слѣдующими тирадами:

«Какъ это было бы хорошо, если бы кроаты, пандуры и казаки образовали передовой отрядъ европейской демократіи, если бы посолъ Сибирской республики передалъ свои грамоты въ Парижѣ! Конечно, блестящая перспектива, но чтобы европейская демократія ждала бы ихъ осуществленія,—этого не станетъ требовать и самый горячій панславистъ и кстати какъ разъ тѣ націи, спеціальной независимости которыхъ требуетъ манифестъ — спеціальные враги демократіи. Мы повторяемъ: кромѣ поляковъ, русскихъ и въ крайнемъ случаѣ славянъ Турціи ни одинъ славянскій народъ не имѣетъ будущаго на томъ простомъ основаніи, что у всѣхъ остальныхъ славянъ нѣтъ самыхъ необходимыхъ историческихъ, географическихъ, политическихъ и промышленныхъ условій для самостоятельности и жизнеспособности».

«Мы знаемъ теперь, гдѣ сосредоточены враги революціи: въ Россіи и въ австрійскихъ славянскихъ земляхъ, и никакія фразы, никакія указанія на неопредѣленное демократическое будущее этихъ странъ не остановитъ насъ отъ того, чтобы обращаться съ нашими врагами, какъ врагами. И если Бакунинъ въ концѣ концовъ восклицаетъ: «По истинѣ ничего не долженъ лишиться славянинъ, выиграть долженъ онъ! По-истинѣ онъ долженъ жить! И мы будемъ жить. Пока у насъ оспаривается малѣйшая часть нашихъ правъ, пока единый членъ нашего общаго тѣла держится отдѣленнымъ и оторваннымъ, до

тѣхъ поръ мы будемъ бороться за права, будемъ непримиримо бороться на жизнь и смерть, пока, наконецъ, славянство не будетъ стоять великимъ, свободнымъ и независимымъ» — если революціонный панславизмъ говоритъ это серьезно и гдѣ дѣло *идетъ о фантастически-славянской національности*, которая совершенно оставляетъ въ сторонѣ революцію, тамъ мы знаемъ, что дѣлать. Тогда борьба, «непримиримая борьба на жизнь и смерть» съ предающимъ революцію славянствомъ; *истребительная борьба и терроризмъ безъ всякихъ стѣсненій*—не въ интересахъ Германіи, но въ интересахъ революціи!»

Не знаю, отказался ли Марксъ отъ этихъ словъ впослѣдствіи, но теперь смѣяться надъ жизнеспособностью «австрійскихъ» и «венгерскихъ» славянъ не рѣшится, вѣроятно даже такой ученый попугай ученыхъ людей, какъ Плехановъ.

Что касается спеціально до кроатовъ, надъ которыми Марксъ издѣвается, такъ сказать, «въ первую голову», то не можемъ не привести слѣдующаго поучительнаго факта, сообщаемаго въ статьѣ одного *венгерскаго* соціалиста о всеобщей стачкѣ на венгерскихъ желѣзныхъ дорогахъ, происходившей въ апрѣлѣ 1904 года *).

«Когда поѣздъ, привезшій обратно загребскихъ стачечниковъ изъ Будапеста, подъѣхалъ къ Загребской станціи, кроатскіе и *венгерскіе* желѣзнодорожные служащіе *единодушно* запѣли *кроатскій національный гимнъ*».

Это былъ единодушный протестъ стачечниковъ какъ господствующей венгерской, такъ и угнетенной кроатской національности противъ *венгерскаго національнаго государства*.

Венгерскіе пролетаріи, протестующіе гимномъ кроатской національности, не признаваемой за равноправную венгерскимъ правительствомъ! Могъ-ли это представить себѣ Марксъ?! Справедливость требуетъ замѣтить, что онъ былъ строгъ и не справедливъ не къ однимъ славянамъ.

*) Эта въ высшей степени интересная стачка, моментально остановившая все желѣзнодорожное движеніе въ Венгріи, произошла уже послѣ того, какъ глава о «средствахъ и способахъ борьбы» была напечатана.

Призывая Германію къ революціонной войнѣ съ Даніей изъ-за Шлезвинга-Гольштиніи, Марксъ обрушивается вообще на всѣхъ скандинавцевъ (шведовъ, норвежцевъ, датчанъ).

«Право Германіи противъ Даніи — право цивилизаціи противъ варварства, прогресса противъ застоя. Если бы даже существовали договоры съ Даніей, что очень сомнительно, то право это важнѣе всѣхъ договоровъ. такъ какъ это право историческаго развитія.

«Датчане — народъ, стоящій въ самой безграничной коммерческой, промышленной, политической и литературной зависимости отъ Германіи. Извѣстно, что фактическая столица Даніи не Копенгагенъ, а Гамбургъ, что Данія всѣ свои литературныя, точно также какъ матерьяльныя жизненныя средства получаетъ черезъ Германію и что датская литература — за исключеніемъ Хольберга — жалкій пересказъ нѣмецкой. Какъ не безсильна была издавна Германія, все же у нея есть удовлетвореніе, что скандинавскія націи и особенно Данія попали подъ ея господство, что по отношенію къ нимъ она еще прогрессивна и революціонна. Скандинавизмъ — форма, подъ которой датчане призвали поддержку норвежцевъ и шведовъ противъ Германіи.

«Скандинавизмъ состоитъ въ увлеченіи жестокой, грязной, пиратской, древнесѣверной національностью, этою глубокой скрытностью, которая свои чувства и мысли не можетъ превращать въ слова, но въ поступки, а именно въ грубость противъ женщинъ, постоянное похмѣлье (Betrunkenheit) и кровожадное бѣшенство, смѣняемое слезливой сантиментальностью». «Война противъ Даніи—дѣйствительно революціонная война...» *)

Что бы сказалъ теперь Марксъ, видя, что, благодаря упорной борьбѣ, алкоголизмъ въ Норвегіи быстро уменьшается, въ то время, какъ въ Германіи усиливается?! А сколько силы, выдержки и самоотверженія показываетъ въ своей борьбѣ скандинавскій пролетаріатъ! Не пришлось бы германскому пролетаріату

*) Цитировано по Мерингу «Geschichte der deutschen Socialdemocratie». Первое изд. т. I стр. 374.

кое-чему поучиться у шведскаго, напримѣръ, умѣнью завоевывать свои права всеобщими стачками.

Ошибка Маркса показываетъ, какъ опасно отрицать «жизнеспособность и право на самостоятельное существованіе» какой-бы то ни было національности. Мы не рѣшимся этого сдѣлать даже по отношенію къ бурятамъ. Что касается до саркастическаго замѣчанія Маркса по поводу «Сибирской республики», то, право, она кажется намъ нисколько не менѣе вѣроятной, чѣмъ республика Германская.

Полная равноправность всѣхъ даже столь презираемыхъ Марксомъ австрійско-славянскихъ національностей признана нынѣ огромнымъ большинствомъ сознательнаго пролетаріата.

Такъ, напр., національная равноправность и свободная федерація положена въ основу программы національностей, принятой соціалдемократами Австріи на ихъ общемъ Брюннскомъ партейтагѣ 1899 г. Эта программа имѣетъ большое значеніе для разрѣшенія національнаго вопроса не только въ Австріи, но и въ Россіи. Мы приведемъ ее цѣликомъ, въ буквальномъ переводѣ, такъ какъ врядъ ли она извѣстна большинству русскихъ соціалдемократовъ, органъ которыхъ, вѣроятно, сознательно не познакомилъ ихъ ни съ одной изъ иностранныхъ соціалдемократическихъ программъ. «Искра» хорошо понимаетъ, что она можетъ «господствовать» лишь при невѣжествѣ своего «народа». Она, по прекрасному выраженію Плеханова, направленному по адресу Мартова, «выясняетъ истину, урѣзывая ее».

«Такъ какъ національная сумятица въ Австріи — гласитъ брюннская программа — парализуетъ всякій политическій прогрессъ и всякое культурное развитіе народовъ, такъ какъ эта сумятица объясняется прежде всего политической отсталостью нашихъ общественныхъ учрежденій и такъ какъ въ частности продолженіе національнаго спора является однимъ изъ тѣхъ средствъ, которыми господствующіе классы обезпечиваютъ себѣ свое господство и препятствуютъ всякому сильному проявленію дѣйствительныхъ народныхъ интересовъ,

партейтагъ заявляетъ:

Окончательное урегулированіе вопроса о національ-

нальностяхъ и языкахъ въ Австріи въ смыслѣ одинаковаго права, и равноправности, и разума является прежде всего культурнымъ требованіемъ, а потому лежитъ въ жизненныхъ интересахъ пролетаріата; оно возможно только въ истинно-демократическомъ общежитіи, которое основано на всеобщемъ равномъ и прямомъ избирательномъ правѣ, въ которомъ устранены всѣ феодальныя привиллегіи въ государствѣ и въ странахъ, ибо лишь въ подобномъ общежитіи рабочіе классы, составляющіе въ дѣйствительности элементы, поддерживающіе государство и общество, могутъ сказать свое слово;

охрана и развитіе національныхъ особенностей всѣхъ народовъ въ Австріи возможны лишь на основѣ одинаковаго права и при избѣжаніи всякаго угнетенія, поэтому слѣдуетъ бороться прежде всего противъ всякаго бюрократически государственнаго централизма точно также, какъ противъ феодальныхъ привиллегій отдѣльныхъ странъ.

При этихъ предварительныхъ условіяхъ, и только при нихъ будетъ возможно установить въ Австріи вмѣсто національнаго раздора національный порядокъ и притомъ съ признаніемъ слѣдующихъ руководящихъ принциповъ:

1. Австрію слѣдуетъ превратить въ демократическое союзное государство національностей.

2. На мѣсто историческихъ коронныхъ земель образуются національно отграниченныя самоуправляющіяся единицы, законодательство и управленіе которыхъ сосредоточивается въ національныхъ палатахъ, избранныхъ на основаніи всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права.

3. Всѣ самоуправляющіяся области одной и той же націи образуютъ вмѣстѣ національно единый союзъ, который завѣдуетъ своими національными дѣлами совершенно автономно.

4. Право національнаго меньшинства охраняется спеціальнымъ закономъ имперскаго парламента.

5. Мы не признаемъ никакой національной привиллегіи и поэтому отвергаемъ требованіе государственнаго языка; насколько необходимъ посредническій языкъ, устанавливается имперскимъ парламентомъ.

Партейтагъ, какъ органъ международной соціалде

мократіи въ Австріи, высказываетъ убѣжденіе, что на основѣ этихъ руководящихъ положеній возможно соглашеніе народовъ. Онъ торжественно заявляетъ, что признаетъ право каждой національности на національное существованіе и національное развитіе;

но что народы могутъ достигнуть всякаго прогресса своей культуры лишь въ тѣсной солидарности, а не въ мелочномъ спорѣ другъ съ другомъ, что въ особенности рабочій классъ всѣхъ языковъ, какъ въ интересѣ каждой отдѣльной націи, такъ и въ интересѣ всеобщемъ, твердо держится международнаго боевого товарищества и братства и долженъ вести свою политическую и профессіонально-союзную борьбу объединенными сомкнутыми рядами».

Принципы «брюннской программы», сводящіеся къ признанію автономіи національностей и замѣнѣ государственнаго централизма свободной федераціей народовъ при полной ихъ равноправности лежатъ, дѣйствительно, «въ жизненныхъ интересахъ пролетаріата» и примѣнимы не только къ народамъ, населяющимъ Австрію, но и ко всему человѣческому обществу. Признаніе ихъ уже принесло большую пользу въ дѣлѣ объединенія разноплеменнаго пролетаріата, заключеннаго въ границы Австріи, гдѣ соціалдемократическая партія организована въ согласіи съ принципами брюннской программы на національно-федеративныхъ началахъ. Эти принципы должна бы признать и «россійская соціалдемократія», если бы она была, дѣйствительно борющимся пролетаріатомъ, населяющимъ Россію, но, такъ какъ въ дѣйствительности она представляетъ лишь кружки интеллигентовъ, подчиненныхъ искровскимъ іезуитамъ, то ей чужды положенія брюннской программы.

«Не дѣло пролетаріата» — заявила «Искра» въ № 33 — «проповѣдывать федерализмъ и національную автономію».

«Искра», такимъ образомъ, въ національномъ вопросѣ становится на точку зрѣнія, какъ разъ противоположную той, изъ которой исходили соціалдемократы различныхъ народностей Австріи, провозглашая принципы брюннской программы.

II.

Разрѣшеніе національнаго вопроса въ смыслѣ дѣйствительнаго признанія національной автономіи и федеративнаго союза народностей требуетъ уничтоженія государственныхъ границъ, которыя отнюдь не совпадаютъ съ границами этнографическими или національными. Искусственно раздѣленъ не только польскій народъ, но и малорусскій, армянскій, литовскій и т. д.

Фактически «государственныя» границы уничтожитъ лишь пролетарская революція, но представителямъ международнаго соціализма необходимо уже и нынѣ признать національные союзы независимо отъ существующихъ «государствъ», тѣмъ болѣе, что пролетаріатъ, вопреки приказамъ «Искры» объединяется въ національныя», а не въ «государственныя» соціалистическія партіи.

Въ воображеніи Плехановыхъ и Мартовыхъ имѣется «всероссійская» соціалдемократическая партія, но въ дѣйствительности мы имѣемъ партіи польскую, литовскую, латышскую, украинскую, армянскую и т. д. Одной изъ главныхъ задачъ соціалистическихъ партій является, конечно, пропаганда и агитація, которую успѣшно можно вести только «на родномъ языкѣ», а «родной языкъ» является основнымъ выраженіемъ національности. Необходима, слѣдовательно, «національная» соціалистическая литература, «національный» соціалистическій періодическій органъ, «національные» соціалистическіе агитаторы и руководители, необходима, однимъ словомъ, «національная» организація или партія, необходима для успѣха пролетарскаго дѣла, какъ для него же необходимо, чтобы національныя организаціи или партіи объединились на федеративныхъ началахъ въ одинъ великій пролетарскій «интернаціоналъ».

Къ сожалѣнію, соціалистическіе политики, составляющіе «международное соціалистическое бюро», которое распоряжалось на послѣднемъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Амстердамѣ, до того проникнуты государственнымъ духомъ, что не могутъ примириться съ существованіемъ національныхъ соціалистическихъ партій и признаютъ законными лишь партіи государственныя.

Правда, «бюро» признало законными партіи поль-

скую и чешскую и дало имъ право голоса на конгрессѣ, хотя фактически не существуетъ государствъ, ни польскаго, ни чешскаго, но здѣсь, вѣроятно, было принято во вниманіе существованіе «царя польскаго» въ титулѣ россійскаго императора и богемской короны св. Венцеслава, вѣнчаться которой хотятъ заставить австрійскаго императора представители чешской буржуазіи.

Нѣтъ, кромѣ шутокъ, отношеніе «международнаго бюро» и руководимаго имъ амстердамскаго соціалистическаго конгресса къ національнымъ соціалистическимъ партіямъ даже съ централистической точки зрѣнія крайне непослѣдовательно и попросту нелѣпо.

На февральской конференціи «международнаго соціалистическаго бюро», занимавшейся подготовленіемъ амстердамскаго конгресса были отклонены, главнымъ образомъ, по настоянію Плеханова просьбы литовской и армянской соціалдемократическихъ партій признать Литву и Арменію особыми націями и дать представителямъ ихъ пролетаріата равныя права съ представителями пролетаріата другихъ націй въ смыслѣ самостоятельнаго участія въ бюро и на конгрессѣ.

Въ то же время бюро признало основательнымъ требованіе люксембургской соціалдемократіи на признаніе Великаго Герцогства Люксембурга особой «націей» съ двумя голосами въ бюро и на конгрессѣ.

Люксембургъ представляетъ такое же небольшое нѣмецкое герцогство, какъ какой-нибудь Рейсъ или Липпе, и только вслѣдствіе дипломатическихъ и династическихъ случайностей не включенъ формально въ Германскую имперію, хотя и объединенъ съ ней таможенной линіей.

Населеніе Люксембурга (около 800.000 чел.), говоритъ по-нѣмецки и въ своемъ «гимнѣ» поетъ, что «люксембурцы — нѣмцы и нѣмцами хотятъ остаться». Тѣмъ не менѣе Люксембургъ признанъ «націей», Литвѣ же съ ея $2^1/_2$ милліонами литовцевъ, говорящихъ на совершенно своеобразномъ и очень богатомъ языкѣ, въ этомъ отказано.

Если бы въ княжествѣ рулетки знаменитомъ Монако нашлось нѣсколько соціалистовъ, имъ, навѣрно, дали бы право представлять на конгрессѣ монакскую націю, такъ какъ Монако представляетъ независимое

государство, почти умѣщающееся на рулетномъ столѣ; признать же за націю литовцевъ, латышей, украинцевъ для соціалистическихъ бюрократовъ представляется невозможнымъ, ибо ни одинъ изъ этихъ народовъ не представляетъ независимаго государства.

Рѣшеніе «бюро» было, впрочемъ, не окончательнымъ, послѣднее слово въ этомъ отношеніи долженъ былъ сказать конгрессъ. Многіе ожидали, что конгрессъ серьезно займется вопросомъ о правѣ національнаго представительства независимо отъ государственной самостоятельности, но конгрессъ интересовался лишь словесною дуэлью между Жоресомъ и Бебелемъ и безъ преній передалъ вопросъ о правѣ представительства національныхъ партій на безаппеляціонное рѣшеніе «бюро».

Не знаемъ, осталось ли «бюро» при своемъ прежнемъ рѣшеніи по отношенію къ литовцамъ и армянамъ, но оно принуждено было сообщить конгрессу, что представитель украинской соціалистической партіи протестуетъ противъ отказа признать Украину за особую націю. Этотъ протестъ среди театральной шумихи конгресса прошелъ совершенно незамѣченнымъ. Мы знаемъ также, что представителю латышской соціалдемократической партіи было отказано въ правѣ національнаго голоса и предложено присоединиться къ искристамъ или соціалистамъ-революціонерамъ. Онъ безъ протеста присоединился въ качествѣ «госпитанта» къ искристамъ; къ нимъ же съ протестомъ присоединились представители еврейскаго Бунда, которому бюро отказало въ правѣ на особый голосъ. Характерно, что бундистъ, пытавшійся пояснить на конгрессѣ, почему Бундъ требуетъ права на особое представительство и особый голосъ независимо отъ «россійской соціалдемократической партіи» нашелъ необходимымъ заявить, что Бундъ стоитъ не на національной, а на государственной точкѣ зрѣнія, т. е. Бундъ требовалъ особаго отдѣльнаго голоса не какъ представитель еврейской націи, а какъ представитель сильной организаціи въ предѣлахъ русскаго государства. Было бы послѣдовательнѣе, если бы Бундъ высказался и противъ національной и противъ государственной точки зрѣнія, если бы онъ требовалъ себѣ права на самостоятельное представительство въ качествѣ рабочей

организаціи, объединяющей нѣсколько тысячъ пролетаріевъ, совершенно независимо отъ того, что они русскіе подданные.

Вообще, если откинуть принципъ представительства національнаго, то слѣдовало бы принять принципъ предствительства организаціоннаго, т. е. допускать представителей всѣхъ рабочихъ партій и организацій, независимо отъ націи или государства и при голосованіяхъ принимать во вниманіе число членовъ, входящихъ въ каждую партію или организацію. Тогда бы конгрессъ гораздо больше представлялъ международную волю пролетаріата, чѣмъ теперь, когда англійскіе трэдъ-юніоны съ ихъ 2 милліонами пролетаріевъ не пользовались даже однимъ голосомъ, а лишь частью его, а Катаяма съ его очень проблематичной японской соціалистической партіей, въ которой, по его собственнымъ словамъ, полиція насчитываетъ не болѣе 3000 членовъ, пользовался двумя голосами. Все это конгрессу необходимо было серьезно обдумать, если бы у него дѣйствительно было желаніе серьезно обсуждать серьезные вопросы.

Каутскій ошибочно предполагалъ*), что амстердамскому конгрессу придется посвятить много времени для разрѣшенія трудностей, вытекающихъ изъ понятій «національность» и пытался самъ выяснить этотъ вопросъ, но это ему не удалось, хотя, по обыкновенію, онъ и высказалъ нѣсколько отдѣльныхъ вѣрныхъ мыслей.

Онъ указываетъ, что тамъ, гдѣ нѣсколько націй живутъ вмѣстѣ въ одномъ государствѣ, но говорятъ на разныхъ языкахъ, соціалистическая пропаганда неизбѣжно должна быть многоязычной, что въ свою очередь вызываетъ необходимость особыхъ національныхъ организацій.

Онъ признаетъ, что «для *цѣлей пропаганды* организація пролетаріата должна быть *національной* и потому *раздѣленной***) по національностямъ, но съ другой стороны «для цѣлей *борьбы*» онъ считаетъ необходимымъ единую организацію, обхватывающую всѣ націи.

---

*) «Zum Internationalen Kongress». Die Neue Zeit 6 August 1904.
**) Подчеркнуто всюду въ подлинникѣ.

«Нелегко—говоритъ Каутскій—найти форму организаціи, которая удовлетворяетъ этимъ обоимъ другъ другу видимо противорѣчащимъ условіямъ» и тотчасъ прибавляетъ: «Раньше всего эта проблема выдвинулась въ Австріи и тамъ она разрѣшена наиболѣе совершеннымъ образомъ». Въ Австріи, какъ мы знаемъ, проблема дѣленія и объединенія разрѣшена очень просто, а именно федераціей національныхъ организацій. Другого рѣшенія этой проблемы, намъ кажется, нельзя придумать, но оно чрезвычайно просто и примѣнимо къ пролетаріату всѣхъ національностей во всемъ мірѣ. Но то, что превосходно для Австріи, то по мнѣнію Каутскаго не подходитъ къ Россіи.

«Это государство — говоритъ онъ — заключаетъ въ себѣ на ряду съ большой русской національностью (въ европейской Россіи 76 милліоновъ, изъ нихъ опять таки 17 милліоновъ малороссовъ) еще многочисленные обломки народовъ всевозможнаго рода, какъ то: 7 мил. поляковъ, $2^1/_2$ мил. литовцевъ, 1 мил. латышей, 2 мил. финляндцевъ, столько же грузинъ, 1 мил. армянъ, 5 м. евреевъ и т. д.). Изъ всѣхъ нихъ рекрутируется русскій пролетаріатъ и съ развитіемъ пролетарскаго движенія образуется для каждой изъ этихъ націй особая соціалистическая литература и организація. И число ихъ будетъ все расти. Но, если повсюду трудно различныя національныя организаціи одного государства соединять въ общую организацію, то вдвойнѣ трудно это въ Россіи, гдѣ каждая организація должна быть тайной, и гдѣ внутреннее общеніе при рѣдкомъ населеніи, огромныхъ разстояніяхъ и недостаткѣ въ средствахъ передвиженія столь незначительно. Здѣсь каждая организація въ каждой мѣстности гораздо болѣе предоставлена сама себѣ, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, здѣсь связь различныхъ организацій, если онѣ принадлежатъ къ той же національности, слаба, ихъ объединеніе и руководство центральнымъ органомъ менѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, можетъ быть формально и болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь покоится на «веществахъ невѣсомыхъ» (Imponderabilien).

«Къ этимъ «невѣсомымъ» принадлежатъ и постановленія международныхъ конгрессовъ. Отъ того, каковы будутъ эти постановленія при повѣркѣ мандатовъ, зависитъ усиленіе національнаго раздробленія или на-

ціональнаго объединенія русскаго (!) соціализма. Не требуется пояснять, какъ важно было бы послѣднее какъ разъ въ данный моментъ, какъ вредно было бы, если бы международный конгрессъ къ своему девизу: «пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь» прибавилъ: «пролетаріи Россіи, разъединяйтесь по націямъ!»

Ясностью и послѣдовательностью эти разсужденія не отличаются. Все, что говоритъ Каутскій объ особыхъ условіяхъ Россіи, какъ разъ доказываетъ необходимость и неизбѣжность національныхъ соціалистическихъ организацій, образованіе которыхъ совсѣмъ не разъединяетъ пролетаріатъ разныхъ національностей, а подготовляетъ его объединеніе на федеративныхъ началахъ для совмѣстной сознательной борьбы, предварительнымъ условіемъ которой является пропаганда и агитація на родномъ языкѣ. Но у Каутскаго въ дѣло вмѣшиваются «невѣсомыя вещества» и на сцену появляется «*русскій*» пролетаріатъ, рекрутируемый изъ поляковъ, финляндцевъ, латышей и т. д. и какой-то «русскій» соціализмъ, который «объединится», если конгрессъ постановитъ не признавать литовскихъ, армянскихъ, финляндскихъ и т. д. мандатовъ. Въ дѣйствительности подобныя «невѣсомыя» скорѣе могутъ помѣшать объединенію пролетаріата Россіи, а не содѣйствовать ему; смѣшно въ самомъ дѣлѣ думать, чтобы русскій соціализмъ, подъ которымъ Каутскій, вѣроятно, подразумѣваетъ не то искровское «меньшинство», не то Плеханова, могъ бы поглотить польскія, финляндскую, латышскую, литовскую, малорусскую и т. д. соціалистическія партіи. О поглощеніи не можетъ быть рѣчи, возможно лишь федеративное объединеніе, а для него необходимо признаніе ряда равноправныхъ организацій.

Отказъ признать національныя организаціи въ предѣлахъ Россіи кажется Каутскому важнымъ не только «для развитія русской соціалдемократіи», но и «для самого конгресса». Здѣсь на сцену выступаютъ «національныя государства», встревоженныя многочисленностью негосударственныхъ націй.

«Великая нація — пишетъ Каутскій — какъ большая, такъ и маленькая имѣетъ одинъ голосъ. Составляемое этимъ преобладаніе маленькихъ націй еще значительно увеличилось бы, если бы каждой націи

Россіи и вообще восточной Европы, какъ бы ни была незначительна ея организація, дать голосъ. Съ другой стороны отдѣльное государство получаетъ черезъ это множественный вотумъ. Австрія располагаетъ уже теперь четырьмя голосами на международномъ конгрессѣ — нѣмецкая Австрія, Венгрія, Чехія, Польша, въ делегаціи которой преобладаетъ, конечно, элементъ галиційскій. Если въ русской делегаціи на ряду съ великоруссами признать еще представителей малороссовъ, литовцевъ, латышей, финновъ, армянъ, грузинъ, евреевъ, какъ особыя націи съ особымъ избирательнымъ правомъ, то Россія получитъ восемь голосовъ (независимо отъ Польши, которую мы причисляемъ къ Австріи) — почти столько же, сколько всѣ государства Западной Европы вмѣстѣ.

Каутскій, какъ видите, никакъ не можетъ отрѣшиться отъ «государственной» точки зрѣнія, не можетъ отказаться отъ признанія какихъ-то особыхъ правъ за «государствами» по сравненію съ націями; даже Венгрію онъ причисляетъ къ Австріи. Ему представляется чѣмъ-то не суразнымъ, что финляндцы, латыши, литовцы и т. д. получатъ на конгрессѣ право голоса, такъ какъ это дастъ «Россіи» цѣлыхъ 8 голосовъ, но онъ не предлагаетъ отнять право голоса у Люксембурга, Болгаріи, Сербіи, Румыніи и другихъ «государствъ», гдѣ борющагося пролетаріата сравнительно очень мало. Тотъ же государственный предразсудокъ тяготѣетъ и надъ «международнымъ соціалистическимъ бюро».

А между тѣмъ представителямъ международнаго соціализма необходимо ясно и опредѣленно разъ навсегда признать права всѣхъ націй и протестовать противъ насилія «государствъ», въ которыя эти націи втиснуты противъ своей воли. Можно бы большимъ націямъ дать больше голосовъ, чѣмъ маленькимъ, но соціалистамъ, провозглашающимъ право всѣхъ націй на самостоятельное существованіе, нельзя требовать превращенія финновъ, литовцевъ, латышей, поляковъ и т. д. въ русскихъ только потому, что ихъ давитъ русское государство.

«Слѣдовало-бы думать — заявила на Мюнхенскомъ партейтагѣ Роза Люксембургъ—«что, если стоишь подъ господствомъ того же капитализма, подъ давленіемъ

того же классового государства, подъ палкой той же полиціи и классовой юстиціи, то имѣешь и тѣ же интересы и слѣдовало бы образовать общую партію для охраны этихъ интересовъ. Эта истина должна быть хорошо извѣстна даже соціалдемократическимъ груднымъ младенцамъ.»

Очень рѣшительно и очень просто! Удивительно только, что сама Роза Люксембургъ на международныхъ конгресахъ и въ международномъ бюро представляетъ особую польско-литовскую соціалдемократическую партію, совершенно независимую отъ партіи россійской.

Зачѣмъ ея ученики и сторонники, составляющіе соціалдемократію Царства Польскаго и Литвы примыкаютъ на конгресахъ къ польской, а не къ русской делегаціи?

Дѣло не такъ просто, такъ какъ кромѣ общаго гнета есть отдѣльный языкъ.

Гнетъ является общимъ въ сущности для пролетаріевъ всѣхъ странъ, и даже гнетъ государственной власти носитъ международный характеръ. Возьмите хотя-бы кенигсбергскій процессъ, гдѣ русская и прусская прокуратура дѣйствовала въ полномъ единеніи противъ прусскихъ пролетаріевъ, помогавшихъ пропагандѣ русскихъ, латышскихъ и литовскихъ пролетаріевъ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы нѣмецкіе, латышскіе, литовскіе и русскіе пролетаріи могли образовать единую партію безъ автономныхъ національныхъ организацій, но, по нашему мнѣнію, тѣсный федеративный союзъ русской, еврейской, латышской, литовской и т. п. партій пролетаріата въ Россіи съ германской соціалдемократической партіей былъ бы въ высшей степени важенъ для успѣха пролетарской борьбы.

Пролетаріатъ долженъ стремиться къ тому, чтобы государственныя границы не препятствовали федераціи національныхъ соціалистическихъ партій, которыя, какъ намъ кажется, могли бы организоваться тоже до извѣстной степени независимо отъ государственныхъ границъ. Примѣромъ такой внѣ-государственной партіи, стремящейся охватить пролетаріатъ, какъ въ Россіи, такъ и въ Австріи, является «Украинская соціалистическая партія.»*)

*) См. статію Плохоцкаго «Нѣсколько словъ объ украинскомъ соціализмѣ» въ «Жизни» за 1902 г.

Какъ эта партія, такъ и русинскіе соціалдемократы признаютъ единымъ цѣлымъ весь малорусскій или русинскій народъ «отъ Карпатъ до Кавказа», «отъ Дона до Сана», всюду, гдѣ только раздается «родная рѣчь», независимо отъ того страдаетъ ли этотъ народъ подъ игомъ россійскаго или австрійскаго государства.

«Мы, русинскіе соціалдемократы — говоритъ ихъ декларація, прочитанная на общеавстрійскомъ партейтагѣ въ Брюннѣ — стоимъ на почвѣ международной солидарности пролетаріата всѣхъ національностей въ Австріи и знаемъ, что только въ братскомъ союзѣ и нашъ народъ, который одной изъ своихъ частей принадлежитъ къ этому государству, можетъ завоевать національную независимость. Однако *мы не желаемъ упускать изъ виду фактъ, что въ границахъ этого государства живетъ только часть нашего народа и что за кордономъ громадное большинство украинскаго народа подъ ярмомъ царскаго абсолютизма принуждено терпѣть полное лишеніе національныхъ правъ, долженствующее вести къ его національной смерти.* Мы убѣждены, что международное могущество пролетаріата разовьется только тогда, когда каждый народъ будетъ вершителемъ своей исторіи. Мы знаемъ, что соціальное и политическое освобожденіе обусловливаетъ и національную эмансипацію. Поэтому русинскіе соціалдемократы стремятся къ національной свободѣ всего своего народа, чтобы соединенный и освобожденный малорусскій народъ сталъ въ качествѣ равноправнаго члена въ ряду народовъ.»

«Международное соціалистическое бюро», какъ мы указывали выше, держится иного мнѣнія, и не согласилось признать Украину за особую націю, но оно не можетъ уничтожить малорусскій языкъ, какъ не могли его уничтожить ни россійскіе, ни австрійскіе бюрократы.

III

Среди русскихъ революціонеровъ было не мало группъ и лицъ, придававшихъ огромное значеніе федеративному переустройству Россіи съ предоставленіемъ національностямъ, включеннымъ въ нее, права на

полное отдѣленіе. Первымъ смѣло высказавшимся въ этомъ направленіи былъ М. А. Бакунинъ, и Драгомановъ отчасти правъ, говоря, что, когда въ Россіи появится партія приверженцевъ «федеральныхъ идей», «тогда имя М. А. Бакунина получитъ новыя права на благодарность, какъ имя одного изъ предшественниковъ партіи, которая не только одна можетъ быть названа дѣйствительно интернаціональною (безъ сокрытія подъ фирмою космополитизма жала германизаціи, мадъяризаціи, полонизаціи, обрусѣнія и т. п., какъ у государственниковъ), но и въ частности для Россіи представляетъ единственное условіе сколько-нибудь раціональнаго направленія политической и соціальной жизни въ этомъ чудовищно большомъ государствѣ».

Уже въ своей извѣстной брошюрѣ «Народное Дѣло», изданной въ 1862 г., Бакунинъ отъ имени «русской революціонной партіи» заявляетъ:

«Хотимъ самоуправленія народнаго-общиннаго, волостнаго, уѣзднаго, областнаго и, наконецъ, государственнаго, съ царемъ или безъ царя, все равно и какъ захочетъ народъ. Но чтобы не было въ Россіи чиновничества и *чтобъ централизація бюрократическая замѣнилась вольною областною федераціей.*

«Хотимъ, чтобъ Польшѣ, Литвѣ, Украинѣ, Финляндіи и Латышамъ прибалтійскимъ, а также и Кавказскому краю была возвращена полная свобода и право распоряжаться собою и управлять по своему произволу безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства, прямого или косвеннаго.

«Хотимъ братскаго, а если будетъ возможно, федеративнаго союза съ Польшей, Литвой, Украиной, прибалтійскими жителями и съ народами Закавказскаго края...»

Далѣе идетъ обѣщаніе «искать тѣснаго союза« съ Италіей, съ мадъярами. румынами и греками.

Къ сожалѣнію смѣлая и вѣрная мысль о «вольной областной федераціи всѣхъ освобожденныхъ народовъ» испорчена не только перспективою «царя» но и примѣсью панславизма, который совершенно не вяжется съ братскимъ союзомъ *всѣхъ* народовъ.

Выразивъ желаніе установить братскій или федеральный союзъ съ «народами Закавказскаго края», которыхъ къ славянамъ никакъ отнести нельзя, Баку-

нинъ неожиданно устремляется «къ осуществленію завѣтной славянской мечты: къ созданію *великой и вольной федераціи Всеславянской*», въ которой должна проявиться «единая и нераздѣльная общеславянская сила.»

Національная автономія и федерація, за которыя, по нашему мнѣнію, долженъ высказаться сознательный пролетарій, имѣютъ цѣлью совсѣмъ не обособленіе національностей, а, напротивъ уничтоженіе національныхъ предразсудковъ и установленіе тѣсной взаимной связи, которая возможна лишь между равноправными; эта равноправность, такъ сказать, идейно или морально нарушается Бакунинымъ, когда онъ говоритъ объ «единой и нераздѣльной общеславянской силѣ» и о какомъ-то особомъ «дѣлѣ славянскомъ». Пролетарій стремится установить такой строй, при которомъ торжествовала бы совсѣмъ не «общеславянская» или «общегерманская», «общеанглосаксонская» и т. д. сила, а сила общечеловѣческая, при которой всѣ и каждый служатъ прежде всего дѣлу человѣчества. Осуществленію этого идеала препятствуетъ между прочимъ національная вражда; первымъ условіемъ для ея устраненія является, по нашему мнѣнію, освобожденіе «націй негосударственныхъ» изъ подъ гнета «націй государственныхъ», вотъ почему пролетаріатъ долженъ стоять за національную автономію; но автономныя націи не могутъ жить обособленно; въ ихъ жизненныхъ интересахъ вступить между собою въ тѣсный союзъ, объединиться на федеративныхъ началахъ и здѣсь, конечно, желателенъ не «всеславянскій», а «всечеловѣческій союзъ»; во всякомъ случаѣ союзы будутъ заключаться прежде всего въ зависимости отъ территоріальной, хозяйственной и культурной *близости*, а не отъ племеннаго родства, разъ «націи», на которыя разбилось это «племя» *не имѣютъ общаго языка*, не живутъ въ сосѣдствѣ и стоятъ на разныхъ культурныхъ ступеняхъ.

Поляки, напр., несомнѣнно раньше вступятъ въ федеративный союзъ съ нѣмцами и венграми, чѣмъ съ болгарами и сербами; латыши, которыхъ тоже можно причислить къ славянскому племени, скорѣе могутъ заключить союзъ съ эстами, принадлежащими къ финско-угорской расѣ, чѣмъ съ кроатами и т. д. Драго-

мановъ, доказывая, что «по существу своему идея космополитизма и человѣчества вовсе не противна идѣи національности, а представляетъ только дальнѣйшее ея развитіе», замѣчаетъ: «союзъ всего человѣчества есть только общій союзъ частныхъ союзовъ, которые всего легче могутъ заключаться въ средѣ уже по природѣ объединенныхъ между собою языкомъ, сходствомъ психическимъ и сосѣдствомъ индивидуумовъ, общинъ и племенъ извѣстныхъ національностей и тѣмъ болѣе, что расположеніе этихъ національностей во времена безсознательной колонизаціи почти всегда совпадало съ границами естественныхъ бассейновъ, географическихъ и хозяйственныхъ.»

Это совершенно вѣрно, но отсюда слѣдуетъ также и то, что національная связь исчезаетъ, когда теряется единство языка, психическое сходство и сосѣдство.

Несомнѣнно, что при свободномъ построеніи пролетарскаго общества образованіе союзовъ общинъ будетъ опредѣляться не только національною связью, выражающеюся, главнымъ образомъ, въ общности языка, но и общностью территоріи. Тамъ, гдѣ національности перемѣшаны, какъ, напр., въ Прибалтійскомъ или Западномъ краѣ, не только областные союзы общинъ, но и самыя общины, будутъ, вѣроятно, объединять лицъ различныхъ національностей, что, конечно, не помѣшаетъ образованію на ряду съ общинами и союзами общинъ территоріальными, союзовъ національныхъ для совмѣстнаго служенія задачамъ, тѣсно связаннымъ съ единствомъ національнаго языка.

Въ виду всего этого «великая и вольная федерація всеславянская» представляется намъ мало вѣроятной, но то, что Бакунинъ говоритъ о ея характерѣ, вполнѣ примѣнимо къ великой и вольной федераціи всечеловѣческой, федераціи и болѣе вѣроятной, и болѣе желательной, чѣмъ федерація всеславянская.

«Каждый народъ, великъ или малъ, будетъ вмѣстѣ вольнымъ и братски съ другими народами связаннымъ членомъ, чтобъ каждый стоялъ за всѣхъ и всѣ за каждаго и чтобъ не было въ братскомъ союзѣ особенныхъ государственныхъ силъ, чтобъ не было ничьей гегемоніи...»

Свои федеративныя идеи Бакунинъ неоднократно

развивалъ и защищалъ послѣ 1862 года, постепенно очищая ихъ отъ злополучнаго «панславизма». Многое, что онъ высказывалъ объ организаціи будущаго общества въ 60-хъ и 70-хъ годахъ и теперь еще поражаетъ своею *свѣжестью*.

Такъ въ рѣчи на конгрессѣ «Лиги мира и свободы» 1868 г.*) Бакунинъ выставляетъ принципъ, по которому «прошедшее не должно связывать настоящаго, а настоящее не можетъ связывать будущаго» и по которому «неограниченное право принадлежитъ живущимъ поколѣніямъ.»

Во имя свободы каждаго населенія большаго или малаго, слабаго или сильнаго, а также каждой отдѣльной личности, Бакунинъ отрицаетъ «историческое право» и «политическую неотразимость государства» и требуетъ «признанія для личностей, также какъ и для ассоціацій, общинъ, провинцій и націй права свободнаго удаленія изъ союзовъ...»

На основаніи этихъ принциповъ онъ просто и ясно разрѣшаетъ пресловутый вопросъ о границахъ Польши, вопросъ, не мало испортившій крови нѣкоторымъ польскимъ и русскимъ революціонерамъ, «дѣлившимъ» между собою Украйну, Бѣлоруссію и Литву.

Въ программѣ, составленной имъ для «Gmina», органа образовавшагося въ Цюрихѣ общества «Towarzystwo socyalistyczne polskie», онъ, по словамъ Драгоманова, въ § 5 заявляетъ слѣдующее:

«Противники всякаго панства (государства) мы, разумѣется, отвергаемъ такъ называемыя историческія права и границы. Для насъ Польша начинается и существуетъ дѣйствительно только тамъ, гдѣ чернорабочіе люди сознаютъ себя и хотятъ быть поляками, и кончается тамъ, гдѣ, отвергая особый польскій союзъ, они хотятъ быть вольными членами другихъ народныхъ союзовъ.»

Это, по нашему мнѣнію, единственно правильное разрѣшеніе вопроса о «національныхъ границахъ», не только польскихъ, но и русскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и т. д.

Подобно Бакунину и Герценъ былъ горячимъ сто-

*) См. Г. А. Куклинъ: «Итоги революціоннаго движенія въ Россіи». Отд. I, стр. 46.

ронникомъ національной автономіи и федераціи; въ «Колоколѣ» можно найти превосходныя страницы въ духѣ бакунинскихъ «федеративныхъ идей».

Подобно Бакунину Герценъ въ вопросѣ о національныхъ границахъ отвергаетъ «историческія права».

«Но скажите» — пишетъ онъ въ 1859 г. въ своемъ второмъ письмѣ къ польскому патріоту — «что же мы за наслѣдники вѣнскаго конгресса, что будемъ расписывать какая полоса земли куда принадлежитъ, *не спросясь людей на ней живущихъ*. Да вѣдь такъ парижскіе дипломаты совѣщались о томъ, чего слѣдуетъ желать и чего не слѣдуетъ желать румынамъ въ Молдо-Валахіи.»

Отвѣчая на вопросъ, кому (Россіи или Польшѣ) должна «принадлежать» Малороссія, Герценъ говоритъ:

«У насъ людей изгнанія, печальныхъ свидѣтелей столькихъ неудачныхъ сочетаній и распаденій, не можетъ, не должно быть и рѣчи о томъ, кому должна *принадлежать* та или другая часть населенной земли. Въ Малороссіи живутъ люди, люди подавленные рабствомъ, но не настолько сломанные правительствомъ и помѣщикомъ, что потеряли всякое чувство народности, совсѣмъ напротивъ, родовое сознаніе у нихъ очень развито... что же это будетъ за шагъ къ ихъ освобожденію, когда, снимая московскія цѣпи, имъ скажутъ, что они должны *принадлежать* Польшѣ.

«Развяжемъ-же имъ руки, развяжемъ-же имъ языкъ, пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна, и тогда пусть они скажутъ свое слово, перешагнутъ черезъ кнутъ къ намъ, черезъ правежъ къ вамъ, или если умны, протянутъ намъ обоимъ руки на братскій союзъ и независимость отъ обоихъ.

«Вотъ почему я такъ высоко цѣню федерализмъ. Федеральныя части связаны общимъ дѣломъ, и никто никому не *принадлежитъ*, ни Женева Берну, ни Бернъ Женевѣ. Въ 1851 г. католическая реакція въ Фрибургскомъ кантонѣ вывела изъ терпѣнія протестанскій Муртенъ. Жители Муртена рѣшили отложиться отъ кантона, дѣло не состоялось, но никому и въ голову не пришло говорить о томъ, принадлежитъ-ли Муртенъ кантону или нѣтъ. Федеральныя единства могутъ даже существовать при такомъ антагонизмѣ, какой народится между Сѣверными Штатами и Юж-

ными въ Америкѣ. Централизація, жертвующая самобытностью частей, стремящаяся къ полицейскому однообразному фрунту, убивающая все индивидуальное, характерное, мѣстное, всегда будетъ качаться между Николаемъ и Бонапартомъ».

Бакунинъ и Герценъ возставали противъ государственной централизаціи и проповѣдовали федерацію, исходя, главнымъ образомъ, изъ представленія объ идеальномъ по ихъ мнѣнію устройствѣ общества; нѣкоторые другіе сторонники федерализма приходили къ тѣмъ же выводамъ, исходя изъ прошлаго, опираясь на факты всемірной и въ частности русской исторіи. Таковъ былъ одинъ изъ самыхъ вдумчивыхъ русскихъ ученыхъ профес. Казанскаго университета Щаповъ, искренность антигосударственныхъ убѣжденій котораго русское правительство почтило своимъ преслѣдованіемъ.

Въ своей вступительной лекціи, прочитанной въ 1876 г., Щаповъ прямо заявляетъ себя сторонникомъ начала «областности», противополагаемаго имъ началу «централизаціи».

«Скажу напередъ — заявилъ онъ — не съ мыслью о государственности, не съ идеей централизаціи, а съ идеей народности и областности я вступаю на каѳедру русской исторіи.

Въ настоящее время, кажется, утвердилось убѣжденіе, что главный фактъ въ исторіи есть самъ народъ, духъ народный, творящій исторію, что сущность и содержаніе исторіи есть жизнь народная. Это убѣжденіе уже не ново; его начали проводить, осуществлять и въ наукѣ русской исторіи. Но вотъ другое начало, которое еще не сознано ясно въ нашей наукѣ: *начало областности* — позвольте мнѣ его такъ выразить. У насъ доселѣ господствовала въ изложеніи русской исторіи идея централизаціи, развилось даже какое то чрезмѣрное стремленіе къ обобщенію, къ систематизаціи разнообразной областной исторіи; всѣ разнообразныя особенности, направленія и факты провинціальной исторической жизни подводились подъ идею государственнаго развитія...

«...Между тѣмъ, намъ кажется, ни въ одной европейской исторіи такъ несвойственно, невозможно подобное изложеніе, какъ въ исторіи обширнѣйшаго

въ свѣтѣ государства русскаго... Областной элементъ былъ самымъ жизненнымъ, господствующимъ началомъ, главнымъ мотивомъ историческаго движенія до централизаціи; онъ выдержалъ энергическую вѣковую борьбу съ соединительной, централизующей силой государства; онъ многозначительно выразился въ *смутное время*, во время этой великой борьбы областныхъ общинъ, проявлялся въ земскихъ соборахъ въ XVII вѣкѣ, сказался въ разнообразныхъ областныхъ бунтахъ, демократическихъ и инородческихъ, надѣлалъ чрезвычайно много хлопотъ правительству въ теченіе всего XVIII и въ началѣ XIX столѣтія, во время этой длинной процедуры учрежденія губерній и провинцій, возбуждая въ либеральныхъ умахъ въ знаменитое время тайныхъ обществъ разные планы и проекты относительно конституціоннаго устройства областей и т. д. — и мы, изучая русскую областную исторію, оставляемъ почти безъ вниманія этотъ *областной элементъ*, сколько загадочный, столько же быть можетъ, *зиждительный, плодотворный элементъ нашей будущей цивилизаціи*».

Но особенно много для историческаго обоснованія и пропаганды федеральнаго принципа сдѣлалъ проф. Кіевскаго университета малороссъ М. Драгомановъ, который, подобно сибиряку Щапову, не избѣжалъ конфликта съ русскимъ правительствомъ и умеръ въ изгнаніи.

Обладая огромными историческими знаніями, Драгомановъ умѣлъ показать связь «федеральныхъ идей» съ освободительнымъ движеніемъ въ разныхъ странахъ, но свою федеральную программу онъ строилъ, подобно Бакунину, независимо ни отъ какихъ такъ называемыхъ «историческихъ» преданій и «государственныхъ претензій».

Централизмъ, даже самый революціонный былъ ему ненавистенъ, такъ какъ онъ хорошо зналъ, что централисты-якобинцы французской революціи «въ политико-административномъ отношеніи явились только завершителями дѣла Ришелье и Людовика XIV и въ свою очередь отцами Наполеоновщины».

Говоря о крупныхъ русскихъ дѣятеляхъ и мыслителяхъ, видящихъ въ вольной федераціи единственно возможную форму будущаго политическаго строя,

нельзя, конечно, не упомянуть П. А. Кропоткина. Въ своей извѣстной книгѣ «Хлѣбъ и Воля» онъ справедливо указываетъ, что «каждому экономическому фазису соотвѣтствуетъ въ исторіи свой политическій фазисъ».

«Нельзя говоритъ онъ — разрушить теперешнюю форму собственности, не вводя вмѣстѣ съ тѣмъ и новаго строя политической жизни», и этотъ новый строй свободнаго общества, взявшаго въ свои руки общее наслѣдіе, — землю, фабрики и т. д. — можетъ быть, по мнѣнію Кропоткина лишь такой организаціей, которая основана «на свободномъ союзѣ и вольной федераціи». Увѣренность, что въ основѣ будущаго общества будетъ лежать децентрализація и федерація, Кропоткинъ могъ почерпнуть, между прочимъ, изъ замѣченнаго имъ факта, что *хозяйственная жизнь* уже въ современномъ обществѣ начинаетъ проявлять тенденцію къ децентрализаціи.

Въ своемъ изслѣдованіи «Fields, Factories and Workshops» Кропоткинъ рядомъ цыфровыхъ данныхъ доказываетъ, что промышленность всѣхъ родовъ децентрализируется, распространяясь по всему земному шару.

«Каждый народъ поочередно дѣлается промышленной націей, и приближается время, когда всѣ народности Европы, Соединенные Штаты и даже самые отсталые народы Азіи и Америки будутъ вырабатывать все то, что имъ необходимо».

«Наступающей эпохѣ европейской исторіи предстоитъ разрѣшить задачу, какимъ образомъ выращивать хлѣбъ и производить мануфактурные товары для того же народа, который занимается обработкой земли и мануфактурнымъ производствомъ. Каждый районъ долженъ сдѣлаться собственнымъ производителемъ и потребителемъ какъ мануфактурныхъ товаровъ, такъ и продуктовъ земледѣлія».

Понятно, какую твердую научную опору стремленіе къ политической децентрализаціи находитъ въ этой теоріи децентрализаціи хозяйственной.

Само собой разумѣется, что указываемая Кропоткинымъ территоріальная децентрализація промышленности отнюдь не противорѣчитъ несомнѣнной капиталистической концентраціи.

Большинство русскихъ революціонныхъ группъ 60-хъ и 70-хъ годовъ находилось подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ бакунинскихъ идей, такъ что въ программахъ и въ программныхъ заявленіяхъ этого времени часто встрѣчается требованіе федеративнаго переустройства Россіи.

Программа газеты «Народное Дѣло», выходившей заграницей съ 1868 по 1870 г., требуетъ «полной воли для всѣхъ народовъ, нынѣ угнетенныхъ имперіей, съ правомъ полнѣйшаго самораспоряженія, на основаніи ихъ собственныхъ инстинктовъ, нуждъ и воли; дабы — говоритъ она — федерируясь снизу вверхъ, тѣ изъ нихъ, которые *захотятъ* быть членами русскаго народа, могли бы создать сообща дѣйствительно вольное и счастливое общество въ дружеской и федеративной связи съ *такими же* обществами въ Европѣ и въ цѣломъ мірѣ».

Лавровскій «Впередъ» въ своей первой программной статьѣ, помѣщенной въ т. I 1873 г. заявляетъ, что съ развитіемъ прогресса «начало государственное и централизаціонное все болѣе уступаетъ началу свободной федераціи все болѣе мелкихъ общественныхъ единицъ».

«Именно въ замѣнѣ искусственной и случайной группировки личностей существенными и сознанными противуположеніями ихъ, именно въ увеличеніи автономнаго начала въ мелкихъ группахъ коммунъ и свободныхъ союзовъ на счетъ централизаціоннаго начала современныхъ легальныхъ государствъ заключается, по нашему мнѣнію, политическій прогрессъ человѣчества».

«Всѣ нынѣшнія централизаціонныя политическія программы намъ прямо враждебны». Говоря о Польшѣ редакція «Впередъ» называетъ своимъ братомъ и союзникомъ всякаго поляка, который «поставилъ интересы хлоповъ выше интересовъ шляхты, кто бьется за идеалъ европейской федераціи свободныхъ общинъ».

«Въ будущей федераціонной Европѣ границы между федеративными единицами будутъ имѣть крайне мало значенія. Если бы нашимъ единомышленникамъ пришлось говорить во всероссійскомъ земствѣ о вопросѣ между Польшей и Россіей, они предложили бы, конечно, чтобы каждая община рѣшила самостоя-

тельно, независимо отъ всей предыдущей исторіи, къ какой національности, къ какому государственному (!) или соціальному центру она потянетъ».

Тотъ же федеральный принципъ выставляется въ передовой статьѣ № 48 газеты «Впередъ», написанной Лавровымъ, гдѣ указывается, что общежитіе, осуществляющее принципъ коллективизма предполагаетъ, между прочимъ, «свободную федерацію, какъ типъ всякаго общежитія». Эта статья появилась въ 1876 г. Два года спустя революціонная группа «Общины», во главѣ которой стояли П. Аксельродъ, Н. Жуковскій, Д. Клеменсъ и З. Ралли, заявляетъ, что задача соціально-революціонной партіи, состоящая «въ обезпеченіи трудящемуся населенію безбѣднаго существованія, свободнаго развитія своихъ способностей и удовлетворенія потребностей», можетъ быть осуществлена *лишь въ свободномъ союзѣ автономныхъ общинъ*, при коллективномъ и равноправномъ пользованіи орудіями труда и средствами ко всестороннему развитію личности при порядкѣ общежитія, гарантирующемъ полную свободу лица въ группѣ и группы (общины) въ союзѣ равноправныхъ группъ (общинъ)».

«*Мы смотримъ* — говоритъ программное заявленіе «Общины» — *на вольную федерацію общинъ, какъ на первый шагъ, съ котораго должна начаться новая фаза общественнаго развитія* *)».

Программа знаменитаго революціоннаго общества «Земля и Воля» въ своихъ основныхъ чертахъ совпадаетъ съ программой «Общины», но «землевольцы» считали своими учителями не группу русскихъ эмигрантовъ, а Разина, Пугачева и ихъ сподвижниковъ, въ «программу» которыхъ, по увѣреніямъ землевольцевъ, входило, между прочимъ, «учрежденіе казачьихъ круговъ», т. е. «вольныхъ, автономныхъ общинъ съ выборными, отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли».

Программу «народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ» (Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ) землевольцы считали программой громаднаго большинства русскаго народа и въ ихъ время, т. е. въ 70-ые годы XIX вѣка.

---

*) См. Г. Куклинъ. «Итоги» отд. I стр. 84.

«Земля и Воля» въ 1879 г., какъ извѣстно, распалась на «Черный Передѣлъ» и «Народную Волю». «Черный Передѣлъ», въ которомъ ближайшее участіе принимали Аксельродъ и Плехановъ, остался вѣренъ идеямъ «Земли и Воли» и усиленно подчеркивалъ свою враждебность «государственности и централизаціи».

Въ «Письмѣ къ бывшимъ товарищамъ», помѣщенномъ въ № 1 «Чернаго Передѣла», дается превосходная характеристика якобинцевъ, вчитаться и вдуматься въ которую мы усиленно совѣтуемъ искристамъ прежде, чѣмъ повѣрить современному Плеханову, что каждый соціалдемократъ долженъ быть террористомъ à la Робеспьеръ или согласиться съ его вѣрнымъ ученикомъ Ленинымъ, что «якобинецъ, неразрывно связанный съ организаціей пролетаріата, сознавшаго свои классовые интересы, это и есть революціонный соціалдемократъ».

„Сторонники по преимуществу правительственной иниціативы — пишетъ «чернопередѣлецъ» своимъ бывшимъ товарищамъ — якобинцы представляютъ себѣ, во имя громкихъ и высокихъ принциповъ, думать и дѣлать все, что имъ угодно. Абстрактно понимая свободу, они во имя ея уничтожаютъ монополіи, привилегіи, цехи и другія корпораціи, и въ то же время во имя той же свободы издаютъ декреты, лишающіе рабочихъ права ассоціацій, сходокъ, стачекъ, т. е. естественнаго права самозащиты. Якобинство (говоритъ Прудонъ) было главною причиною паденія свободы во Франціи, и оно же съ 1804 по 1815 г. грозило уничтоженіемъ ся во всей Европѣ. Наполеонъ I, образованный въ школѣ Робеспьера, который былъ для него всегда великимъ геніемъ, захвативъ власть, сдѣлался тотчасъ же идоломъ якобинцевъ. Оттого они и прозвали его *Робеспьеромъ на конѣ*. Его 18 брюмера можно считать какъ бы отомщеніемъ за 9 термидора. Онъ наполнилъ якобинцами свой главный штабъ, свои совѣты, свою администрацію и всѣхъ возвелъ въ дворянство. За то и секта выказала ему свою признательность; она изобрѣла формулу посвященія: «императоръ значитъ — революція, императоръ значитъ — демократія».

Таковъ якобинизмъ, какимъ рисуетъ его Прудонъ, этотъ честный и талантливый защитникъ народныхъ

правъ и интересовъ. Онъ совершенно правъ, утверждая, что политическая свобода якобинцевъ привела во Франціи къ политическому рабству наполеоновскаго абсолютизма. Но было бы несправедливо думать, что якобинцы стремились къ этому сознательно. Для лучшихъ представителей его политическая свобода была не пустое слово, не пустой звукъ, брошенный на вѣтеръ, а искреннее. глубокое убѣжденіе, выработанное у нихъ подъ вліяніемъ древнихъ классиковъ и современной имъ философіи. Это была своего рода религія, «благая вѣсть», которой они мечтали обновить одряхлѣвшее общество и водворить царство Свободы, Равенства и Братства. Мечтатели сложили голову за эту свободу, но сами вырыли ей яму, сами разбили тотъ кумиръ, которому поклонялись! Виновата та система, тѣ способы и пріемы борьбы, которыми они хотѣли реализировать свой идеалъ, свою «единую нераздѣльную республику».

«Въ послѣднихъ трехъ словахъ скрываются причины и послѣдствія ихъ пораженія и гибели. Что такое «единая нераздѣльная республика»? Это—абсолютная монархія Людовика XIV, говорившаго, что «государство—это я», это—имперія Наполеона, утверждавшаго, что «имперія—это революція, демократія».

«*Въ основѣ ихъ одинъ принципъ — государственность и централизація: авторитетъ и иниціатива власти, съ одной стороны, безгласность и подчиненіе массы — съ другой.*

«*Разъ революціонная партія выставила на своемъ знамени этотъ принципъ, она — партія реакціи и застоя. Она теряетъ почву подъ ногами, лишается довѣрія и поддержки массы и, слѣдовательно, сама себя обрекаетъ на пораженіе и смерть.*"

Слова, по-истинѣ золотыя, и для искровской партіи, быть можетъ, пророческія!

Программа «Народной Воли», сильно отклонившейся отъ «Земли и Воли», во многомъ расходилась съ программой «Чернаго Передѣла», но федеративный принципъ, предполагающій общинно-областное устройство будущаго общества, остался дорогъ большинству народовольцевъ.

Программа рабочихъ членовъ партіи Народной Воли, этотъ, по нашему мнѣнію, самый замѣчательный

документъ, оставленный намъ народовольцами, указываетъ, что «государственное устройство должно быть основано на союзномъ договорѣ всѣхъ общинъ» и «каждая община въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ вполнѣ независима и свободна».

«Свобода общины — говоритъ программа далѣе — т. е. право ея вмѣстѣ со всѣми общинами и союзами вмѣшиваться въ государственныя дѣла и направлять ихъ по общему желанію всѣхъ общинъ, не дастъ возникнуть государственному гнету, не допуститъ того, чтобы безнравственные люди забрали въ свои руки страну, разоряли ее въ качествѣ разныхъ правителей и чиновниковъ и подавляли свободу народа, какъ это дѣлается теперь».

«Русское государство, по характеру и условіямъ жизни населенія, дѣлится на области, самостоятельныя во внутреннихъ своихъ дѣлахъ, но связанныя въ одинъ общерусскій союзъ».

«*Народы насильственно присоединенные къ русскому царству, вольны отдѣлиться или остаться въ общерусскомъ союзѣ*».

Намъ уже приходилось говорить, что Марксъ очень заинтересовался программой рабочихъ членовъ «Народной Воли» и испещрилъ присланный ему экземпляръ различными отмѣтками. Слова о предоставленіи народамъ право отдѣлиться онъ не только подчеркнулъ, но и отмѣтилъ на поляхъ крестомъ.

Въ противоположность къ «программѣ рабочихъ членовъ партіи» въ программѣ Исполнительнаго комитета федеративный принципъ, если и высказанъ, то сравнительно слабо и неопредѣленно.

Несомнѣнно, что между русскими революціонерами конца 70-хъ годовъ было не мало, если не сознательныхъ, то безсознательныхъ якобинцевъ-централистовъ, вліяніе которыхъ ослабляло федеративную тенденцію партіи «Народной Воли».

«А сколько среди насъ — писалъ Аксельродъ въ статьѣ «Переходное время партіи» — такихъ, которые склоняются къ якобинству, даже и не подозрѣвая этого! Правда, у насъ очень мало *сознательныхъ* и *послѣдовательныхъ* якобинцевъ, но вѣдь безсознательныхъ и есть злѣйшій врагъ человѣческаго счастья и развитія».

Для выясненія отношенія «Народной Воли» къ федеративному принципу очень важно письмо Желябова къ Драгоманову, относящееся къ 1880 г. *)

«Насъ, *убѣжденныхъ автономистовъ* — писалъ Желябовъ — винятъ въ централизмѣ... за Учредительное собраніе.

Во-первыхъ, не хотятъ понять, что Учредительное собраніе въ нашихъ глазахъ только ликвидаціонная коммиссія, а, во-вторыхъ, можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такія, за которыя нѣтъ реальной поддержки, а есть иступленные враги? гдѣ наши феніи, Парнель? Таково положеніе вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденіе за существеннѣйшее благо, — а ставишь ближайшей задачей требованія политическія; видишь спасеніе въ распаденіи имперіи на автономныя части, и требуешь Учредительнаго собранія».

Желябовъ, какъ будто, и самъ думалъ, что учредительное собраніе противорѣчитъ распаденію имперіи на автономныя части; оно также мало противорѣчитъ этому «спасенію», какъ политическія требованія — «существеннѣйшему благу», экономическому освобожденію.

Распаденіе имперіи на автономныя части несомнѣнно должно повести къ соединенію этихъ частей въ федерацію, которая послѣ пролетарской революціи навѣрное охватитъ пространство даже болѣе обширное, чѣмъ современная Россія. Съ нашей точки зрѣнія «распаденіе имперіи» является лишь необходимымъ условіемъ для болѣе тѣсной связи между различными національными и областными группами населенія; свободную федерацію мы считаемъ связью болѣе тѣсною и крѣпкою, чѣмъ государственная централизація. Для установленія этой связи необходимо, конечно, учредительное собраніе, которое можно назвать, если хотите, конгрессомъ. Этотъ «конгрессъ» будетъ съ одной стороны, какъ справедливо указываетъ Желябовъ, ликвидаціонной комиссіей, съ другой — собра-

*) Драгомановъ приводитъ отрывки изъ этого письма въ своей уже не разъ цитированной нами книгѣ «Историческая Польша и Великорусская демократія».

ніемъ для совмѣстной выработки началъ новой взаимной общественной зависимости, которая въ данномъ случаѣ совпадетъ съ *взаимопомощью*.

Возникшій одновременно съ «Народной Волей» и просуществовавшій такъ недолго «Сѣверный Союзъ русскихъ рабочихъ» въ первыхъ двухъ пунктахъ своей программы говоритъ о «ниспроверженіи существующаго политическаго и экономическаго строя государства» и объ «учрежденіи свободной народной федераціи общинъ».

Сѣверный союзъ состоялъ, какъ извѣстно, исключительно изъ рабочихъ и объявилъ себя примыкающимъ къ соціалдемократической партіи Запада.

Такимъ образомъ первые сознательные русскіе рабочіе-соціалдемократы ясно и опредѣленно высказались за свободную федерацію свободныхъ общинъ.

Но первые русскіе соціалдемократы-интеллигенты въ своей программѣ, выработанной въ Женевѣ, требовали демократической конституціи и законодательнаго собранія, но ни однимъ словомъ не упоминали о замѣнѣ централизованнаго государства федераціей общинъ или областей. Мы говоримъ о группѣ «Освобожденія труда», состоявшей изъ нѣсколькихъ эмигрантовъ, не задолго до того руководившихъ «Черным Передѣломъ».

Съ тѣхъ поръ для русскихъ соціалдемократовъ вопросъ о федераціи какъ бы не существовалъ. Впервые снова выдвинула его въ своемъ проектѣ программы организація «Жизни», выставивъ требованіе союзно-областной или федеративной республики съ правомъ каждой области на полное отдѣленіе. Но господствующая искровская или якобинско-іезуитская соціалдемократія постаралась убить проектъ «Жизни» презрительнымъ молчаніемъ; въ своемъ же проектѣ, какъ группа якобинская, она требовала «сосредоточенія всей верховной государственной власти въ рукахъ законодательнаго собранія», а какъ группа іезуитская добавляла фразу о «признаніи права на самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ составъ государства», поясняя ее заявленіемъ, что «не дѣло пролетаріата проповѣдывать федерализмъ и національную автономію».

Соціалисты-революціонеры относятся несравненно

сочувственнѣе къ національной автономіи и федеративному устройству общества, чѣмъ искристы; въ «Револ. Россіи» было нѣсколько статей, очень горячо отстаивающихъ эти начала, но въ общемъ и у партіи соціалистовъ-революціонеровъ въ отношеніи къ вопросу о вольной федераціи вольныхъ союзовъ общинъ проявляются неопредѣленность и колебанія.

Такъ въ «Манифестѣ партіи соц.-рев.», выпущенномъ въ 1900 г., среди выставляемыхъ партіей требованій мы не находимъ замѣны централистическаго государства федераціей.

Въ проектѣ программы соц.-рев., опубликованномъ въ № 46 «Рев. Рос.» мы, правда, встрѣчаемъ федеративное начало, но формулировано оно, по нашему мнѣнію, недостаточно опредѣленно. Въ «политической и правовой области» проектъ требуетъ «установленія демократической республики, съ широкой автономіей областей и общинъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ; возможно болѣе широкаго примѣненія федеративнаго начала къ отношеніямъ между отдѣльными національностями» и, наконецъ, «признанія за ними безусловнаго права на самоопредѣленіе».

Выраженія «*широкая* автономія», «возможно болѣе *широкое* примѣненіе федеративнаго начала», «*безусловное* право» являются, конечно, многообѣщающими, но мы предпочли, если бы партія просто заявила, что она стремится къ установленію свободной федераціи общинъ и областей, свободной въ томъ смыслѣ, что каждая община и область могутъ отдѣлиться даже въ томъ случаѣ, если онѣ русскія, а не инородческія.

Намъ кажется, что пролетарская партія должна ясно и опредѣленно высказаться не только за свободу національности, но и за свободу *каждой* общины и *каждаго* союза общинъ или области. Какъ необходимо вполнѣ опредѣленное отношеніе къ этому вопросу, показываетъ слѣдующая любопытная дискуссія на небываломъ съѣздѣ искристовъ. Ленинъ былъ противъ слова «областное» въ программномъ пунктѣ, гласящемъ: «широкое мѣстное и *областное* самоуправленіе».

«Это слово очень неясно — говорилъ Ленинъ — и можетъ быть истолковано въ томъ смыслѣ, что соціалдемократія требуетъ раздѣленія всего государства на многія области».

Либеръ, представитель Бунда, остаивалъ слово «областное», такъ какъ слова мѣстное самоуправленіе означаетъ самоуправленіе деревень и городовъ, областное же союзъ деревень и городовъ.

Онъ, такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, совершенно правильно высказался за самоуправленіе общинъ и за самоуправленіе союзовъ городскихъ и сельскихъ общинъ.

Но тутъ, конечно, вмѣшался «урѣзыватель истины» Мартовъ и со свойственнымъ ему апломбомъ заявилъ, что аргументація Либера «не имѣетъ ничего общаго съ соціалдемократической аргументаціей». *За самовольные союзы общинъ мы стоять не можемъ*», восклицаетъ онъ.

У этого каррикатурнаго якобинца, видимо, уже просыпается желаніе подавлять *самовольные* (какое характерное выраженіе!) *союзы* общинъ, т. е. союзы, организовавшіеся по своей волѣ, безъ разрѣшенія центральныхъ властей. Но громадное пространство Россіи и опытъ нашего централизованнаго управленія даетъ «поводъ» строгому къ «самовольнымъ союзамъ» Мартову «считать необходимымъ и цѣлесообразнымъ существованіе областнаго самоуправленія для такихъ крупныхъ единицъ, какъ Финляндія, Польша, Литва и Кавказъ. Въ виду этого Мартовъ предлагаетъ внести въ программу «областное самоуправленіе для тѣхъ окраинъ, которыя по своимъ бытовымъ условіямъ и составу населенія отличаются отъ собственно-русскихъ мѣстностей».

Для «собственно-русскихъ мѣстностей громадное пространство Россіи и опытъ нашего централизованнаго управленія» не дали, увы, «повода» собственно-русскому Мартову признать цѣлесообразность областного самоуправленія!

Характерно, что представители кавказскихъ комитетовъ очень обрадовались милостивому отношенію Мартова къ областному самоуправленію «крупныхъ» и тне «Костровно-русскихъ» мѣстностей.

«собственъ поддерживаетъ предложеніе тов. Мартова—повѣтствуютъ протоколы съѣзда — и считаетъ, что включеніе его въ программу партіи будетъ имѣть широкое агитаціонное значеніе и привлечетъ въ парію новыя силы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и въ томъ

числѣ и у насъ *на Кавказѣ, идея областного самоуправленія очень популярна.*

Карскій (представитель тифлисскаго комитета) находитъ, что областное самоуправленіе необходимо именно потому, что нѣкоторыя мѣстности очень сильно отличаются по своимъ бытовымъ условіямъ и могутъ развиваться лишь при предоставленіи имъ автономіи.

Русовъ (предст. Бакинскаго комитета): Я присоединяюсь къ предложенію тов. Мартова о введеніи требованія областного самоуправленія и необходимости особаго указанія на наши окраины.»

Мы не станемъ, конечно, возражать противъ необходимости областного самоуправленія для Кавказа, но мы думаемъ, что пролетаріатъ долженъ высказаться противъ «соціалдемократическаго» самовластія, недопускающаго «самовольныхъ союзовъ общинъ» въ «собственно-русскихъ мѣстностяхъ».

Горячая защита идеи «областнаго самоуправленія» со стороны кавказскихъ комитетовъ въ высшей степени поучительна: централизмъ до такой степени отвратителенъ трудовымъ массамъ нашихъ окраинъ, что мѣстнымъ искристамъ приходится дѣлаться автономистами, разъ они не хотятъ быть окончательно отрѣзанными отъ мѣстнаго пролетаріата.

Сторонниковъ одной и нераздѣльной россійской республики врядъ-ли вообще можно найти среди не «собственно-русскаго» пролетаріата.

Финляндскому пролетаріату, какъ извѣстно, и въ голову не приходитъ считать свою страну Россіей, и онъ, вѣроятно, очень удивился бы, если бы узналъ, что «россійскіе соціалдемократы» обсуждаютъ на своихъ съѣздахъ, недоступныхъ его представителямъ, слѣдуетъ ли дать Финляндіи областное самоуправленіе или нѣтъ?

Пролетарская Финляндія никогда не согласится быть поглощенной единствомъ Россіи, но она, навѣрное охотно вступитъ въ федеративный союзъ, какъ съ русскими, такъ и шведскими областями.

Пролетарская Польша? не она ли стоитъ за россійскій централизмъ? Кто рѣшится *искренно* и серьезно утверждать, что польскій рабочій не желаетъ возстановленія Польши?

Мнѣ здѣсь невольно вспоминается одно мѣсто изъ

статьи г. Ст. «Современная весталка»*), гдѣ авторъ полемизируетъ съ Южаковымъ, заявившимъ о долгѣ «помнить, что часть польской націи желаетъ устроиться съ нами и отъ насъ зависитъ въ значительной степени будущность этого желанія.»

Послѣ словъ Южакова «часть польской націи» г. Ст. дѣлаетъ въ скобкахъ замѣчаніе: «буржуазная часть, г. Южаковъ! какъ это хорошо извѣстно всякому, хотя немного знакомому съ польскими дѣлами».

Мы имѣемъ рѣдкое удовольствіе вполнѣ согласиться съ сотрудникомъ журнала г. Плеханова.

Г. Ст. совершенно правъ! Всякому, хотя немного знакомому съ польскими дѣлами, извѣстно, что *только* буржуазная часть польской націи «желаетъ устроиться съ нами» и почему она жслаетъ, недурно указано Розой Люксембургъ въ ея брошюрѣ «Промышленное развитіе Польши». Роза Люксембургъ привела поучительныя данныя, что польской буржуазіи выгодны русскіе рынки, не отдѣленные отъ нея таможенной заставой, что ей даже выгодна русская внѣшняя и отчасти внутренняя политика, но она не привела никакихъ данныхъ, что это выгодно польскому пролетаріату, она не доказала, что борьба польскаго пролетаріата за національное освобожденіе противъ русской государственной власти, по мнѣнію Розы Люксембургъ, неизмѣнно покровительствующей польской буржуазіи, что эта борьба противорѣчитъ борьбѣ классовой. Намъ необходимо это констатировать, въ виду того что сторонники Р. Люксембургъ, образовавшіе «Соц.-Демокр. Партію Царства Польскаго и Литвы» ушли съ невиданнаго съѣзда искристовъ, заподозривъ этихъ послѣднихъ въ польскомъ сепаратизмѣ, который, по ихъ мнѣнію, представляетъ страшное зло для польскаго пролетаріата. Они ушли, возмущенные тѣмъ, что «Искра», комментируя свою программу, позволила польскому пролетаріату ставить своимъ лозунгомъ свободную независимую польскую республику.

Это фактъ въ исторіи небывалый! Польскіе революціонеры не хотятъ вступать въ союзъ съ русскими революціонерами изъ за того, что тѣ сочувствуютъ

*) «Заря», № 2-3, стр. 255.

свободной польской республикѣ. Не правъ-ли тогда г. Южаковъ?! Не пролетаріи-ли составляютъ ту часть націи, которая «желаетъ устроиться съ нами«?

Оттолкнула отъ «Искры» польскую соціалдемократію фраза о свободной республикѣ, привлекло же заявленіе о томъ, что проповѣдывать національную автономію и федерацію не дѣло пролетаріата.

Если бы «соціалдемократія Польши и Литвы» дѣйствительно, представляла собою польскій и литовскій пролетаріатъ, то мы бы, признаться сказать, были нѣсколько смущены этимъ эпизодомъ. Не легко защищать принципъ автономіи и федераціи, если такой по всему своему складу независимый пролетаріатъ, какъ польскій и литовскій, тяготѣетъ къ централизованному русскому государству и возмущается при мысли о свободной польской республикѣ.

Но намъ кажется, что пролетаріатъ Польши и Литвы тутъ совсѣмъ не при чемъ; и почтенный соціалдемократъ Царства Польскаго и Литвы г. Варшавскій представлялъ *въ данномъ случаѣ* не «классовое сознаніе» польскаго пролетаріата, а взгляды германской соціалдемократки Розы Люксембургъ. Мы знаемъ, что требованіе польской независимости отнюдь не вредитъ успѣхамъ польской соціалистической партіи, уничтожить которую поставила своей задачей Роза Люксембургъ. Мы знаемъ, что даже столь смѣлая Роза Люксембургъ не осмѣлилась бы потребовать на международномъ конгрессѣ, чтобы «Польша» была раскасирована между Россіей, Австріей и Германіей, мы знаемъ, что и она и ея ученики хотятъ непремѣнно представлять польскую націю, мы знаемъ, что, собираясь соединиться съ русской соціалдемократіей, они все же непремѣннымъ условіемъ ставили сохраненіе, какъ «подзаголовка», своего теперешняго названія: Соціалдемократія Царства Польскаго и Литвы.

Это требованіе «подзаголовка» указываетъ, какъ намъ кажется, на *безсознательное* стремленіе къ національной автономіи, такъ какъ мы не хотимъ думать, чтобы оно вызывалось тѣмъ же стремленіемъ къ пышнымъ титуламъ, которое побуждаетъ русскихъ самодержцевъ сохранять «подзаголовокъ» — «Царь Польскій», «Великій Князь Финляндскій» и пр. и пр. Что касается спеціально *Литвы*, то тамъ, хотя и

противъ воли Плеханова и Люксембургъ, имѣется своя Литовская Соціалдемократическая Партія, которая въ основу своей политической программы ставитъ требованіе «*демократической литовской республики, соединенной федеративно съ союзными народами, находящимися на той же ступени общественнаго и политическаго развитія*».

Латыши не требуютъ для себя самостоятельной республики, но ихъ соціалдемократическая партія является несомнѣнно сторонницей федеративнаго принципа.

Объ *украинцахъ* нечего и говорить. Всѣ ихъ революціонныя и соціалистическія партіи всегда стояли и стоятъ за автономію Украйны. Въ украинской соціалистической литературѣ требованіе *союзно-областной* республики и признаніе права за каждой областью на полное отдѣленіе, выставленныя «Жизнью», были встрѣчены очень сочувственно. Остается еще поставить вопросъ объ отношеніи къ національной автономіи и федераціи еврейскаго пролетаріата.

Мы говорили уже, что Бундъ въ лицѣ своего заграничнаго представителя заявилъ на Амстердамскомъ конгрессѣ, что онъ стоитъ на государственной, а не на національной точкѣ зрѣнія, что онъ не требуетъ признанія евреевъ особой націей. Пусть такъ! Но неужели представители Бунда станутъ отрицать, что ростъ классового сознанія еврейскаго пролетаріата идетъ рука объ руку съ ростомъ національнаго сознанія въ самомъ благородномъ и лучшемъ значеніи этого понятія?! Еврейскій пролетаріатъ не хочетъ быть болѣе паріей, «жидомъ», но онъ хочетъ остаться евреемъ и требуетъ къ себѣ, какъ еврею, такого же уваженія, какого требуетъ или долженъ требовать къ себѣ русскій пролетарій. Національное достоинство поднимается у него вмѣстѣ съ достоинствомъ личнымъ. Этотъ культурный подъемъ національнаго достоинства скорѣе, чѣмъ что-нибудь другое, сблизитъ евреевъ съ другими націями и уничтожитъ антисемитизмъ. Но, если еврейскій пролетаріатъ и не хочетъ національной автономіи, то во всякомъ случаѣ онъ не сторонникъ государственнаго централизма, это видно хотя-бы изъ того, что онъ организуется въ отдѣльную партію, которая очень ревниво отстаиваетъ свою автономность.

Стремленіе негосударственныхъ націй освободиться отъ гнета современныхъ «національныхъ» государствъ должно облегчить уничтоженіе государства вообще и созданіе снизу вверхъ свободной федераціи свободныхъ областей, образованныхъ изъ самоуправляющихся общинъ, но основнымъ двигателемъ въ этомъ направленіи является классовая борьба пролетаріата. Цѣль ея — демократизмъ и соціализмъ, а ихъ непремѣннымъ условіемъ является коммунальное или общинно-федеральное устройство общества. Это положеніе мы отчасти уже пояснили, особенно въ главѣ о «государствѣ и общественномъ самоуправленіи», дальнѣйшимъ поясненіемъ и развитіемъ его послужитъ то, что намъ придется еще сказать о гарантіяхъ народной и личной свободы, а также о мѣрахъ, устраняющихъ режимъ частной собственности. Что касается до программной формулировки общинно-федеральнаго принципа, то наиболѣе простой и ясной будетъ, кажется, слѣдующая:

Федерація областныхъ и національныхъ союзовъ самоуправляющихся общинъ.

При этой формулировкѣ мы избѣгаемъ слово «республика», которое слишкомъ тѣсно связано съ понятіемъ «государство» и не ставимъ союзы общинъ и областей въ зависимости отъ какихъ бы то ни было государственныхъ границъ; ясно изъ этой формулировки и то, что пролетарское общество не устраивается сверху внизъ, а свободно организуется *снизу вверхъ*.

Глава IX.

Гарантіи народной и личной свободы.

I.

Господство буржуазіи международно, но формы, въ которыхъ оно проявляется въ разныхъ странахъ, не одинаковы. Главное орудіе этого господства — государственная власть — видоизмѣняется въ зависимости отъ историческихъ судебъ каждой страны; ея сила, ея форма, ея отношеніе къ личности и народу опредѣляется вопервыхъ классовой борьбой въ періоды, предшествовавшіе торжеству капитализма и буржуазіи, составомъ господствующаго класса, его большею или меньшею однородностью; затѣмъ современною классовою борьбою пролетаріата, ея продолжительностью и интенсивностью, составомъ пролетаріата, его большею или меньшею однородностью; наконецъ, положеніемъ тѣхъ народныхъ слоевъ, которые еще не дифференцировались въ два класса съ противоположными интересами, и ихъ большею или меньшею близостью съ одной стороны къ пролетаріату, съ другой къ буржуазіи. Получается очень сложная картина очень сложныхъ политическихъ режимовъ. Чтобы оцѣнить эти разнообразные политическіе режимы съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата, необходимо было бы разсмотрѣть, на сколько въ томъ или другомъ случаѣ «государственная» воля господствующаго класса ограничивается волею народной, на сколько «народомъ» считаются всѣ трудящіеся въ данной странѣ, на сколько сильно развиты государственная централизація, бюрократія, милитаризмъ, на сколько тѣсенъ союзъ между государствомъ и цер-

ковью, на сколько обезпечена неприкосновенность личности, свободы собраній, союзовъ, стачекъ, свободы слова и т. д. Оцѣнивать тотъ или другой политическій строй исключительно въ зависимости отъ монархическаго или республиканскаго «образа правленія» совершенно невозможно. Между тѣмъ въ соціалистической печати и на соціалистическихъ конгрессахъ очень часто при оцѣнкѣ политическаго строя той или другой страны принимается во вниманіе не вся совокупность элементовъ и отношеній, изъ которыхъ онъ слагается, а исключительно форма правленія; отсюда проистекаетъ много неясностей, недоразумѣній, противорѣчій.

Когда въ 1903 г. Фольмаръ въ своей мюнхенской рѣчи сказалъ, между прочимъ, что «соціалдемократы не буржуазные республиканцы, мышленіе которыхъ исчерпывается государственной формой, что для нихъ еще важнѣе общественныя учрежденія», Бебель безпощадно напалъ на него, какъ на опаснаго ревизіониста.

Настаивая на томъ, что «государственная форма очень существенна» Бебель ссылался на монархію въ Пруссіи», эту «монархію par excellence», подобной «которой не найти во всемъ свѣтѣ» и указывалъ, что «прусскій монархъ, который въ то же время германскій императоръ» является съ одной стороны самой важной опорой юнкерства, съ другой виновникомъ безправія соціалдемократіи. «Если бы, напротивъ, Пруссія-Германія была бы республикой, хотя бы и самой голубой*). то въ высшей степени вѣроятно, что мы имѣли бы всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право для всѣхъ представительныхъ учрежденій, вознагражденіе депутатамъ, болѣе правильное распредѣленіе избирательныхъ округовъ, на сколько возможно пропорціональную избирательную систему, гораздо болѣе свободное право собраній и сообществъ, большую свободу печати, болѣе совершенную соціальную реформу, въ пользу которой тогда наша сила падала бы на вѣсы совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь, демократически устроенную военную систему,

*) Т. е. наиболѣе консервативной и наиболѣе противоположной республикѣ демократической.

отвѣтственное передъ парламентомъ правительство, однимъ словомъ, былъ бы выполненъ рядъ нашихъ ближайшихъ программныхъ требованій, изъ за которыхъ теперь намъ предстоитъ выдержать еще долгую и, вѣроятно, очень тяжелую борьбу и принести огромныя жертвы!»

Таково, по Бебелю, огромное значеніе для соціалдемократіи республиканской формы правленія.

«Не хотятъ ли Фольмаръ и Гёре еще и теперь утверждать, что государственная форма вещь болѣе второстепенная? — восклицаетъ онъ съ укоризной — «Что подумаютъ бельгійскіе, французскіе, австрійскіе, итальянскіе товарищи, прочитавъ ихъ разсужденія!»

Такъ писалъ Бебель осенью 1903 г., обличая «опаснаго ревизіониста» Фольмара. Черезъ годъ на Амстердамскомъ конгрессѣ, обличая еще болѣе опаснаго «ревизіониста» Жореса, Бебель уже не разрисовываетъ прелести консервативной (голубой) республики, а, напротивъ, съ большимъ жаромъ выставляетъ очень существенныя преимущества прусско-германской монархіи по сравненію съ такими демократическими республиками, какъ Франкоммиссі Ам. Соединенные Штаты и Швейцарія. Въ ція, Сѣв. при закрытыхъ дверяхъ*), Бебель, по отчетуо orwärts'a возражая Жоресу, указавшему на то, чт V Франція—республика, а Германія— монархія и потому дрезденская резолюція для первой не подходитъ, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Правда, у насъ монархія и реакціонное правительство, но со времени углекопной стачки 1889 г. у насъ ни разу не направлялись противъ стачечниковъ войска, между тѣмъ во Франціи это дѣлается чуть не каждый день... Королевская власть можетъ также иногда, какъ это было при Бисмаркѣ, попасть въ положеніе, когда она должна опереться на рабочихъ про-

*) Пренія на Амстердамскомъ конгрессѣ происходили большей частью въ «комиссіи». куда не допускалась ни публика ни „печать", тѣмъ не менѣе въ газетахъ появились краткіе очерки объ этихъ засѣданіяхъ. Отчеты въ соціалистическихъ газетахъ могутъ считаться достовѣрными, такъ какъ они составлялись или делегатами, или представителями соціалистической прессы, допущенными въ видѣ исключенія.

тивъ буржуазіи... Королевская власть должна также постоянно бояться потерять свой престижъ...»

При открытыхъ дверяхъ Бебель заявилъ, что нѣмецкіе соціалдемократы, конечно, стоятъ за республику, *но республику соціалистическую, а не буржуазную. Республика буржуазная не стоитъ, по ихъ мнѣнію, того, чтобы изъ за нея рисковать головами.*

«Буржуазная ли монархія, буржуазная ли республика — все равно обѣ являются классовыми государствами, обѣ по своей природѣ должны заботиться о сохраненіи капиталистическаго общественнаго порядка. Обѣ должны со всею своей силой выступать за то, чтобы буржуазія удержала всю свою власть при законодательствѣ. Ибо въ тотъ моментъ, когда она потеряетъ политическую власть, потеряетъ она также свое хозяйственное и соціальное положеніе. Не такъ плоха монархія, какъ вы ее представляете и не такъ хороша буржуазная республика, какъ вы ее изображаете. Даже въ нашей милитаристической, юнкерской, полицейской Германіи имѣются учрежденія, которыя для вашей буржуазной республики представляются еще идеаломъ. Посмотрите на податное законодательство въ Пруссіи и другихъ германскихъ государствахъ и посмотрите на него во Франціи. Я не знаю ни одной страны въ Европѣ, въ которой податная система была бы столь подлой, реакціонной, эксплуататорской, какъ во Франціи. Въ противоположность къ этой системѣ высасывающей всѣ соки изъ народа, при бюджетѣ въ $3^1/_2$ милльярда франковъ, мы, по крайней мѣрѣ, имѣемъ подоходный налогъ и налогъ на имущество.

И если дѣло идетъ объ осуществленіи требованій рабочаго класса, то буржуазная республика направляетъ всѣ орудія своей власти противъ рабочихъ. Гдѣ возможно расправляться съ рабочими такъ жестоко и подло, какъ въ великой буржуазной республикѣ по ту сторону океана, идеалѣ столь многихъ?! Также и въ Швейцаріи, гораздо болѣе демократической республикѣ, чѣмъ ваша Франція, въ одно только это короткое лѣто милиція даже при самыхъ незначительныхъ стачкахъ шесть разъ высылалась противъ рабочихъ, хотѣвшихъ воспользоваться своимъ правомъ коалиціи и собраній».

«Буржуазная республика — резюмировала рѣчь

Бебеля въ «комиссіи» одна германская соціалдемократическая газета—ничто иное, какъ незамаскированное классовое господство буржуазіи; позорное положеніе вещей, которое создано въ настоящее время въ столицѣ берлинскими городскими свободомыслящими, а во Франкфуртѣ на Майнѣ зоннеманократіей*), республика сдѣлала бы германскими государственными учрежденіями; она предоставила бы министерству Рихтера — Зоннемана — Бассермана смѣняться министерствомъ Рихтера—Зоннемана—Шпана и вооружила бы безпримѣрную низость нѣмецкихъ предпринимателей при ихъ борьбѣ съ рабочими пулями и картечью».

Гэдъ, говорившій въ комиссіи послѣ Бебеля и вполнѣ съ нимъ солидарный, пояснялъ и дополнялъ амстердамское отношеніе вожака нѣмецкой соціалдемократіи въ такихъ, надо отдать ему справедливость, совершенно опредѣленныхъ выраженіяхъ:

«Вы (обращаясь къ жоресистамъ) совершенно лишены чувства классовой борьбы, о которомъ, вы говорите, вы ее никогда не вели практически. Это выглядитъ очень хорошо, когда вы сворачиваете въ область историческаго развитія народовъ, къ вашему «спасенію республики». Согласимся на минуту, что республика была спасена вашими друзьями, но какъ, спрашиваю я васъ, форма республики могла бы хоть на одинъ день ускорить освобожденіе пролетаріата? *Бебель сказалъ вамъ вчера, что республиканская форма является областью, на которой объединяются всѣ фракціи буржуазнаго класса и что въ извѣстномъ смыслѣ монархія, на сколько она стоитъ надъ классами, имѣетъ надъ ней преимущества.* Вы могли бы, пожалуй, вспомнить также слова Тьера, которыя были выраженіемъ чувствъ цѣлаго класса: республика — та форма правленія, которая всего менѣе насъ раздѣляетъ. Такимъ образомъ, если бы вы даже спасли республику, то вы бы этимъ ничего не сдѣлали для пролетаріата. Если пролетаріатъ, чтобы ее спасать, когда она въ опасности, каждый разъ долженъ откладывать свои требованія, то республика — худшее изъ правительствъ... Взгляните-ка на реформы, которыми вы

*) Т. е. вліяніемъ демократа Зоннемана, издателя «Frankfurter Zeitung».

осчастливили пролетаріатъ. Вы кичитесь свѣтскостью школы и отдѣленіемъ церкви отъ государства! Предположимъ, что республиканская буржуазія все это провела бы, но это не имѣло бы никакого значенія. Посмотрите на Америку, гдѣ церковь отдѣлена отъ государства! Преподаваніе, не смотря на это остается конфессіональнымъ, такъ какъ невозможно никакое духовное освобожденіе до полнаго переворота капиталистическаго общества... Нужно ли еще говорить о десятичасовомъ законѣ, проведеніе котораго вы приписываете себѣ? Законъ рѣшенъ былъ въ разгарѣ реакціи, въ 1892 г. и вы только на десять лѣтъ задержали его примѣненіе. (Возгласы: Это не такъ. Вальянъ въ палатѣ заявилъ какъ разъ обратное!) Вы заявляете, что подготовляется поддержка немощныхъ рабочихъ; *но она даетъ рабочимъ лишь десятую часть того, что дала рабочимъ монархія Гогенцоллерновъ.* (Возгласъ: Вы знаете, что это неправда!) И что касается войны, то мы ее предусматривали въ 1877 и 1886 г., а вы подготовляете ее, голосуя военный бюджетъ (Возгласъ: Это опять такп невѣрно.). Впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что вы дѣйствуете такимъ образомъ. *Ваша ошибка фундаментальная. Вы соединяете соціализмъ съ республикой и съ французской революціей. Но мы говоримъ, что соціализмъ—результатъ чисто хозяйственныхъ явленій, и это основное воззрѣніе стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ вашимъ представленіемъ. Вы дѣлаете изъ республики первую главу или предисловіе къ соціализму.* Еслибы это было вѣрно для Франціи, тогда это было бы вѣрно и для всѣхъ странъ, поэтому мы и выставили эти вопросы передъ пролетаріатомъ всѣхъ странъ. *Не думаете-ли вы, что завоеваніе республики можетъ улучшить жизненное положеніе пролетаріата?* Но у васъ такъ мало соціалистическаго пониманія, что вы полагаете будто существуютъ различія, коренящіяся въ историческомъ происхожденіи и въ положеніи даннаго момента, которыя противорѣчатъ мысли объ единой соціалистической практикѣ, объ равномѣрномъ международномъ дѣйствіи соціализма».

Наивный читатель, вникшій въ амстердамскія разсужденія Бебеля и Гэда, можетъ подумать, что противъ нихъ протестовалъ Плехановъ вмѣстѣ со своими

сослуживцами. Не проповѣдуетъ ли Плехановъ, что русскій пролетаріатъ долженъ стремиться къ буржуазной революціи, не готовъ ли Плехановъ рисковать, если не своею головой, то головами русскихъ рабочихъ для достиженія *буржуазной республики*, которая, по его убѣжденію, неизбѣжное *предисловіе къ соціализму*. Не зоветъ ли онъ бороться пролетаріатъ за отдѣленіе церкви отъ школы и государства?

Все это такъ; у себя дома въ русской Женевѣ Плехановъ, конечно, возмутился бы, если бы какой-нибудь «сослуживецъ» вздумалъ отвергать связь буржуазной республики и буржуазной революціи съ соціализмомъ, пытаясь перескочить черезъ буржуазное предисловіе прямо къ соціальной революціи, онъ, конечно, немедленно приказалъ бы подобному «пустомелѣ» подать въ отставку, но въ международномъ Амстердамѣ онъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ взглядовъ Гэда, самымъ крайнимъ противникомъ Жореса, и мы бьемся о закладъ, что онъ горячо апплодировалъ какъ Бебелю, такъ и Гэду.

И, если вы, наивный читатель, вздумаете указать кому-нибудь изъ искристовъ на противорѣчіе между амстердамскою рѣчью Гэда и рѣчами плехановской «Искры», то васъ просто признаютъ существомъ «органически неспособнымъ къ діалектическому мышленію», каковымъ, впрочемъ, въ глазахъ Плеханова оказался самъ Ленинъ, когда сдѣлался ему неудобнымъ.

За то Плехановъ созданъ для діалектическаго мышленія, онъ «органическій» діалектикъ, онъ мыслитъ и дѣйствуетъ противорѣчіями.

Въ споръ о преимуществахъ монархіи или республики вмѣшался и Каутскій, старающійся примирить внѣшнее противорѣчіе между «монархическимъ и республиканскимъ суевѣріемъ» въ «высшемъ единствѣ».

Въ № 48 «Die Neue Zeit» за 1904 г. въ статьѣ, посвященной яко-бы огромнымъ результатамъ Амстердамскаго конгресса, Каутскій «теряетъ», по его выраженію, «нѣсколько словъ» по поводу вопроса, «выдвинутаго Бебелемъ, такъ какъ выраженія Бебеля были совершенно невѣрно поняты, хотя въ нихъ не заключалось ничего, что не было бы давно признано въ нѣмецкой соціалдемократіи.»

«Бебель — пишетъ Каутскій — провелъ параллель между обращеніемъ съ рабочими въ республикахъ, каковы Америка, Франція, Швейцарія и въ монархіи, какова Германія, и онъ констатировалъ, что въ республикахъ господствующая политика часто болѣе враждебна рабочимъ, чѣмъ въ монархіяхъ, что напр., въ Германіи, не смотря на всевозможныя притѣсненія стачечниковъ судами и полиціей, случаи вмѣшательства военной силы въ стачки гораздо болѣе рѣдки, чѣмъ въ этихъ республикахъ; точно также податная система во Франціи, и, онъ могъ бы также прибавить, въ Соединенныхъ Штатахъ, гораздо испорченнѣе, чѣмъ въ Пруссіи. Его вслѣдствіе этого сдѣлали адвокатомъ монархіи, несмотря на то, что онъ опредѣленно объявилъ, что мы республиканцы и что онъ республику считаетъ высшей государственной формой, чѣмъ монархію. Другіе пожелали увидѣть въ этихъ двухъ заявленіяхъ противорѣчіе: если республика враждебнѣе рабочимъ, чѣмъ монархія, то для представителя рабочаго класса нелѣпо предпочитать первую второй. Оба упрека Бебелю основываются на грубомъ непониманіи природы пролетарской классовой борьбы и проникнуты духомъ буржуазной демократіи, которая въ политическихъ формахъ, а не въ экономическихъ классовыхъ интересахъ видитъ рѣшающій факторъ нашей общественной жизни.

«Мы уже потому республиканцы, что демократическая республика является единственной политической формой, соотвѣтствующей соціализму. Монархія можетъ существовать лишь на основѣ классовыхъ различій и классовыхъ противоположностей. Уничтоженіе классовъ обусловливаетъ и уничтоженіе монархіи. *Это еще теперь не обязываетъ насъ стремиться низвергнуть монархію, такъ какъ мы еще ничего не знаемъ о времени и родѣ проведенія соціальнаго преобразованія.* Но это все же имѣетъ для насъ нѣкоторое практическое значеніе, такъ какъ препятствуетъ намъ пользоваться помощью монархіи для осуществленія даже только нашихъ ближайшихъ требованій или способствовать усиленію монархическаго правительства.

Но республика симпатична намъ не только во вниманіе къ болѣе или менѣе отдаленному будущему государству соціальной республики. И какъ буржуаз-

ная республика должна она быть для соціалистическаго пролетаріата болѣе цѣнной, чѣмъ монархія, такъ что онъ рѣшаетъ въ пользу республики тамъ, гдѣ ему представляется выборъ между обѣими государственными формами. Ибо буржуазная республика представляетъ изъ себя государственную форму, въ которой рѣшительный бой между пролетаріатомъ и буржуазіей можетъ быть проведенъ раньше всего и лучше всего. Это зависитъ отъ того, что въ республикѣ рѣзче и яснѣе всего проявляется противоположность между пролетаріатомъ и буржуазіей.

«Правда и монархія необходимымъ образомъ враждебна борющемуся за свое освобожденіе пролетаріату, такъ какъ это освобожденіе требуетъ уничтоженія классовъ, т. е. основного условія монархіи. *Но она нисколько не заинтересована въ томъ, чтобы допустить другой классъ къ его исключительному господству; сила монархіи больше всего тамъ, гдѣ различные классы держатъ другъ друга въ равновѣсіи. Это при случаѣ можетъ побудить монархическое правительство взять пролетаріатъ подъ свою защиту отъ буржуазіи.*

«*Съ другой стороны въ монархіи буржуазія при извѣстныхъ условіяхъ можетъ чувствовать себя болѣе стѣсненной правительствомъ, которое не является ея прямымъ классовымъ правительствомъ, чѣмъ пролетаріатомъ; она можетъ призывать его для ослабленія правительства и для этой цѣли укрѣплять.*

«*Наконецъ, въ монархической странѣ самъ пролетаріатъ встрѣчаетъ между собою и буржуазіей монархію, какъ противника отъ нея отличнаго. Вслѣдствіе этого его вниманіе раздѣляется, острота классовой противоположности, интенсивность классовой борьбы ослабляется.*

Совсѣмъ иначе въ буржуазной республикѣ при развитомъ капиталистическомъ производствѣ. Здѣсь буржуазія господствуетъ прямо, здѣсь пролетаріатъ и буржуазія стоятъ другъ противъ друга непосредственно, здѣсь пролетаріату не приходится перелѣзать черезъ стѣну монархическаго правительства, разъ онъ хочетъ схватить буржуазію за шиворотъ.

«Въ монархическихъ странахъ — и тѣмъ болѣе, чѣмъ абсолютнѣе монархія, такимъ образомъ больше

всего въ Россіи — пролетатіатъ часто вынужденъ концентрировать всю свою силу на борьбѣ съ правительствомъ. *Удастся ему тамъ низвергнуть государственную власть, то онъ стоитъ не въ концѣ своей борьбы, а въ началѣ новой, болѣе интенсивной фазы классовой борьбы.* Удастся ему, напротивъ, въ буржуазной республикѣ низвергнуть существующую государственную власть, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ окончательно побѣдилъ буржуазію, произвелъ ея политическую экспропріацію и сдѣлалъ неизбѣжной экспропріацію экономическую.

«Отсюда большое значеніе, которое уже и буржуазная республика имѣетъ для пролетаріата. Но именно поэтому въ республикѣ классовое сознаніе и классовая ненависть буржуазіи по отношенію къ пролетаріату болѣе развита, и буржуазія тамъ тѣмъ безсовѣстнѣе въ своей классовой борьбѣ противъ пролетаріата, тѣмъ неразборчивѣе въ средствахъ, будь это жестокое усмиреніе или коварное ухищреніе и совращеніе.»

Въ этихъ разсужденіяхъ, которыя можно озаглавить: «Нѣтъ худа безъ добра и нѣтъ добра безъ худа», встрѣчаются утвержденія, которыя можно было ожидать отъ органическаго діалектика-резонера Плеханова, но которыя поражаютъ, исходя отъ такого виднаго представителя научнаго соціализма, какъ Каутскій.

Форма правленія, монархія, превращается у него въ особую общественную силу, стоящую независимо отъ пролетаріата и буржуазіи, и при случаѣ, берущую пролетаріатъ подъ свою защиту.

Въ монархіяхъ пролетаріатъ, увѣряетъ Каутскій, только тогда начнетъ классовую борьбу, когда покончитъ борьбу съ «правительствомъ», и въ то же время, увѣряетъ Каутскій, «мы», т. е. соціалдемократы, отнюдь не обязаны практически стремиться къ низверженію монархіи.

Но, можетъ быть, болѣе всего характерна выдвигаемая Каутскимъ теорія «равновѣсія классовъ» въ сильной монархіи*). Въ Россіи, такимъ образомъ, нѣтъ

*) Въ своей книгѣ «Парламентаризмъ и пр.» Каутскій тоже упоминаетъ о «равновѣсіи классовъ», но тамъ государствомъ съ равновѣсіемъ классовъ является не самая абсолютная монархія, а самая демократическая республика Швейцарія.

класса угнетающаго и класса угнетеннаго, класса господствующаго и класса подчиненнаго, въ Россіи равновѣсіе классовъ; Германія приближается къ этому равновѣсію, а самымъ рѣшительнымъ образомъ оно нарушено въ Швейцаріи.

Теорія равновѣсія классовъ поддерживается у Каутскаго тѣми же фактами, которые приводитъ и Бебель для подтвержденія менѣе враждебнаго отношенія къ рабочему движенію правительствъ монархическихъ по сравненію съ республиканскими.

Въ Швейцаріи и Франціи милиція и войско высылаются противъ стачечниковъ чуть не ежедневно, въ прусской Германіи не высылались съ 1889 года! Во Франціи самая подлая податная система, какую только можно себѣ представить, въ Пруссіи благородный подоходный налогъ!

Поразительно, и по-истинѣ поразительно легкомысленно ссылаться на подобные «факты».

«Все одинъ и тотъ же аргументъ усмиренія стачекъ войсками и прусскаго податнаго законодательства выставляется противъ французской республики и въ пользу прусской монархіи», говоритъ фактическій редакторъ «Vorwärts'a», пораженный новыми теоріями редактора «Die Neue Zeit».

«Понятно—продолжаетъ онъ—если подобныя жалкія декораціи выдвигаются французскими товарищами вофранцузскомъ партійномъ спорѣ; но не понятно, что подобными аргументами играютъ въ Германіи соціалистическаго закона, каторжнаго законопроекта, положенія о прислугѣ, закона о нарушеніи договора найма, въ Германіи съ ея Лёбтау и Лауровой шахтой. Развѣ уже совсѣмъ забыли, что вѣчною мечтою Бисмарка было разгромить нѣмецкій пролетаріатъ въ кровавой битвѣ? *Если въ Германіи противъ стачекъ обыкновенно не высылается войско, то это заслуга полицейскаго государства и удивительной дисциплины соціалдемократическаго пролетаріата. Полиція такъ своевременно арестовываетъ перваго же демонстранта, что войску болѣе уже совершенно нечего дѣлать. Въ кого стрѣлять войско?* Оно могло бы попасть самое большее въ демонстрирующихъ хозяевъ и ихъ агентовъ штрейкбрехеровъ. *И соціалдемократія воспитала и научила нѣмецкій пролетаріатъ подчи-*

няться этой полицейской дисциплинѣ и отказываться отъ демонстрацій. Если бы въ Германіи демонстрировали подобно тому, какъ въ Шалонѣ, то сколько-бы было лѣтъ каторжной работы, сколько бы было убитыхъ? Это совсѣмъ не особенность республики стрѣлять въ стачечниковъ и совсѣмъ не преимущество монархіи оставлять солдатъ въ казармѣ. Нигдѣ не проливается столько рабочей крови, какъ въ австрійской *монархіи*.

«Но далѣе. Неужели дѣйствительно совсѣмъ забыто, къ сколькимъ сотнямъ лѣтъ каторжныхъ работъ и тюрьмы нѣмецкіе суды приговариваютъ рабочихъ, которые въ борьбѣ за свое существованіе едва только немного нарушаютъ строжайшія полицейскія предписанія, *если* они вообще ихъ нарушаютъ. Развѣ доносятся слухи о подобныхъ кровавыхъ приговорахъ изъ Франціи? Напротивъ. Слышно о «добрыхъ судьяхъ.» Эта кровожадная французская буржуазія такъ плохо воспитала своихъ судей, что они не помогаютъ ей въ ея борьбѣ противъ бунтующихъ рабочихъ, а эта монархически ослабленная нѣмецкая буржуазія образовала своихъ судей такъ превосходно, что каждая судебная палата замѣняетъ цѣлый полкъ. Съ этой новѣйшей легендой слѣдовало бы такимъ образомъ покончить какъ можно скорѣе. Вторая декорація, это —французское податное законодательство, то же совсѣмъ новое открытіе. Противиться прямому обложенію доходовъ не составляетъ особенности буржуазной демократіи. Англійская буржуазія облагаетъ себя прямотаки удивительнымъ образомъ по сравненію съ нѣмецкой. Вѣрно, что во Франціи существуетъ сильное отвращеніе къ прямому подоходному налогу, но въ этомъ виновата не республика и не демократическая буржуазія, а особенности соціальной структуры Франціи. Въ странѣ существенно мелкобуржуазной, гдѣ честолюбіе гражданъ направляется на то, чтобы сдѣлаться рантье, у нихъ естественно нѣтъ склонности дѣлать взносы изъ своихъ рентъ; да и не такъ уже плохо обложеніе.

Надо принять во вниманіе, что поземельный налогъ составляетъ во Франціи необычайно высокій государственный доходъ, между тѣмъ въ Пруссіи регулированіе поземельнаго налога сдѣлало изъ него своего

рода премію для крупныхъ поземельныхъ собственниковъ. Далѣе надо принять во вниманіе и то, что Франція получаетъ большія суммы отъ налога на наслѣдства, ежегодно около 200 милліоновъ франковъ, тогда какъ Пруссія всего 15 милліоновъ марокъ. Сумма французскаго налога на наслѣдство такимъ образомъ больше, чѣмъ пресловутый прусскій подоходный налогъ, который въ 1901 г. далъ 185 милліоновъ марокъ, какъ разъ столько, сколько во Франціи приноситъ поземельный налогъ».

Все это совершенно вѣрно и все это основательно разбиваетъ «доказательства» Бебеля и Каутскаго, приводимые ими въ пользу «монархіи». Очень кстати главный редакторъ «Vorwärts'a» отмѣчаетъ удивительную дисциплину нѣмецкихъ соціалдемократовъ, воспитывающую ихъ къ не менѣе удивительной «дисциплинѣ полицейской!»

Многимъ гордится нѣмецкая соціалдемократія: тремя милліонами голосовъ, 80-ю депутатами, ораторскимъ талантомъ Бебеля, предсѣдательскимъ искусствомъ Зингера, административными способностями Аэура, неутомимостью Клары Цеткиной, теоретическими знаніями Каутскаго и т. д. и т. д., но главную гордость составлятъ все же, повидимому, ея полицейская дисциплина.

Вспомните, что совѣтъ партійнаго правленія съ Бебелемъ во главѣ подписываетъ вѣрноподданическій адресъ императору въ отвѣтъ на оскорбленія, которыми тотъ осыпалъ соціалдемократовъ, вспомните чудный идеалъ Ледебура, желавшаго, чтобы соціалдемократы никогда не нарушили прусскихъ законовъ, вспомните заявленіе Бебеля, что всякій, кто осмѣлился бы способствовать распространенію анархической или террористической литературы немедленно вылетѣлъ бы изъ партіи, вспомните, что тотъ же «вылетъ» обѣщанъ всякому, кто осмѣлился бы въ рейхстагѣ перейти извѣстные границы въ обструкціонной борьбѣ, вспомните письмо Бебеля къ итальянскимъ соціалистамъ, заявлявшее, что нѣмецкіе соціалдемократы не стали бы демонстрировать противъ русскаго царя, а представили бы ему мирно веселиться въ Берлинѣ, вспомните все это и преклонитесь передъ удивительной партійной дисциплиной!

Но семья не безъ урода, и нѣтъ правила безъ исключенія. На Кенигсбергскомъ процессѣ соціалдемократическій издатель депутатъ Дицъ долженъ былъ признать, что существуетъ «худая» соціалдемократическая печать, которая совершаетъ «оскорбленія величества» и за это наказывается, но его изданія принадлежатъ къ печати «хорошей», которая никогда не преслѣдуется за «оскорбленіе величества».

«Дисциплина» становится второю натурою у многихъ нѣмецкихъ соціалдемократовъ, она проявляется во всѣхъ мелочахъ ея партійной жизни, и какъ разъ эти мелкія проявленія особенно характерны. Въ «Vorwärts'ѣ» часто можно встрѣтить мелкія замѣтки въ родѣ слѣдующей, случайно бросившейся намъ въ только что полученномъ номерѣ:

«Россія, Россія выше всего», этою пѣснью, превосходно характеризующей положеніе вещей, отвѣтило собраніе въ Бохумѣ на распущеніе его, послѣдовавшее единственно на томъ *незаконномъ* основаніи, что хотѣла говорить одна женщина. Это уже третье публичное собраніе въ этой мѣстности, распущенное съ поясненіемъ, что женщины не смѣютъ говорить въ публичныхъ собраніяхъ. На жалобу правительственному президенту, не смотря на ясное законное положеніе дѣла, еще не послѣдовало рѣшенія. Въ указанномъ здѣсь собраніи надзирающій чиновникъ, помимо нарушающаго законъ распущенія, имѣлъ еще безтактность сказать предсѣдательствующему: «я требую, чтобы предсѣдатель удалилъ изъ залы *эту женскую персону*».

Подъ женской персоной онъ подразумѣвалъ нашу товарку Грюнбергъ изъ Берлина, которая, какъ референтка, хотѣла говорить въ собраніи.

Необходимо очень много дисциплины, чтобы принимать спокойно эти дерзкія издѣвательства надъ закономъ, каковыми являются подобныя распущенія собраній».

Не приходится ли только нѣмцамъ пѣть теперь «Россія, Россія выше всего» именно потому, что они такъ долго пѣли «Дисциплина, дисциплина выше всего». Въ Россіи по крайней мѣрѣ нѣтъ «дисциплины», а Германія можетъ, пожалуй, соединить русскіе порядки съ нѣмецкой дисциплиной. Во всякомъ случаѣ

цѣпей на нѣмцевъ одѣвать не придется. Берне уже давно сказалъ: «Другіе народы — рабы, ихъ надо держать въ цѣпяхъ, нѣмцы—лакеи, на нихъ достаточно одѣть ливреи».

Можетъ быть Берне и не правъ, но редакторъ «Vorwärts'a» несомнѣнно правъ, когда указываетъ, что заслуга невмѣшательства войскъ въ усмиреніе рабочихъ стачекъ принадлежитъ совсѣмъ не монархіи, а полицейскому государству и удивительной дисциплинѣ нѣмецкихъ соціалдемократовъ.

Что касается Швейцаріи, то частыя «вмѣшательства» въ стачки милиціи надо отнести не на счетъ «республики», а на счетъ «недостаточности» полиціи. Не надо забывать и того, что въ Швейцаріи большинство стачечниковъ—иностранцы, и для нихъ большая часть «законныхъ путей» для защиты своихъ интересовъ закрыта, но это никакой связи съ «республикой» не имѣетъ.

Республику, которая можетъ быть и олигархической, Бебель и Каутскій, повидимому, отождествляютъ съ «демократіей»: по крайней мѣрѣ, въ 1903 г., говоря о томъ, что дала бы Германіи республика, Бебель перечисляетъ главные признаки демократическаго государственнаго строя.

Въ своей «Соціальной революціи» Каутскій очень много говоритъ о значеніи демократіи для пролетаріата, но говоритъ иначе, чѣмъ въ статьѣ, посвященной Амстердамскому конгрессу.

Въ «Соціальной революціи» выдвигается на первый планъ необходимость демократіи для духовнаго и физическаго возрожденія пролетаріата, для достиженія имъ необходимой для соціальной революціи зрѣлости.

Въ «Амстердамскомъ конгрессѣ» на первый планъ выдвигается отсутствіе монархической стѣны между пролетаріатомъ и кровожадно-коварной буржуазіей.

Здѣсь еще непримиримаго противорѣчія нѣтъ, но вогъ какъ примирить съ этими положеніями утвержденія того же Каутскаго въ «Соціальной революціи», что «англійскіе рабочіе, какъ политическій факторъ стоятъ нынѣ ниже, чѣмъ рабочіе экономически самаго отсталаго, политически самого несвободнаго государства: Россіи». Англія, какъ согласится Каутскій, монархія только номинально и во всякомъ случаѣ должна

быть причислена къ государствамъ демократическимъ, Россія же—монархія наиболѣе «абсолютная», и вотъ оказывается, по его словамъ, что «нигдѣ пролетаріатъ политически столь безсиленъ, какъ въ Англіи»; что «онъ не только потерялъ всякую самостоятельность въ высшей политикѣ, но онъ не умѣетъ даже болѣе охранять своихъ ближайшихъ интересовъ»; а русскій пролетаріатъ, напротивъ, «обладаетъ живымъ революціоннымъ сознаніемъ», что «придаетъ ему большую реальную силу».

Тутъ ужъ примирить противорѣчія становится труднѣе.

Въ статьѣ «Славяне и революція», помѣщенной въ «Искрѣ», Каутскій видѣлъ въ русскомъ пролетаріатѣ даже застрѣльщика въ всемірной соціальной революціи; онъ указывалъ, что царскій тронъ поддерживается западно-европейской буржуазіей и что такимъ образомъ паденіе его не можетъ не пошатнуть и эту буржуазную опору.

Въ «Парламентаризмѣ и пр.» Каутскій указывалъ, что въ восточной Европѣ пролетаріатъ въ своей революціи одновременно смететъ и феодальные остатки, и буржуазное господство.

Какъ все это примирить съ утвержденіемъ, что въ монархіяхъ, особенно въ Россіи, пролетаріатъ низвергнувъ правительство, будетъ стоять еще въ самомъ, началѣ классовой борьбы съ буржуазіей?

Сознаемся, что мы всего этого примирить не можемъ и потому предоставимъ примирить всѣ эти противоположности магическому діалектику и діалектическому магу Плеханову. Мы не въ состояніи примирить всѣхъ положеній и утвержденій Гэда, Бебеля, Каутскаго, но сама эта непримиримость крайне поучительна, она освѣщаетъ тѣ ложные пути, на которые легко соскальзываетъ мысль при анализѣ сложныхъ общественныхъ явленій и удерживаетъ на пути прямомъ и вѣрномъ. Этотъ путь старый и знакомый, и на немъ не приходится открывать никакихъ Америкъ!

И въ монархіяхъ, и въ республикахъ государственная власть одинаково является волею господствующаго класса. Равновѣсія классовъ нѣтъ ни въ одномъ изъ современныхъ государствъ, всюду—борьба между клас-

сомъ подчиненныхъ и классомъ господствующихъ. Борьба съ «правительствомъ» и въ монархіяхъ, и республикахъ есть борьба классовая, борьба пролетаріата съ буржуазіей. Побѣда пролетаріата, не временная, а окончательная, низверженіе пролетаріатомъ государственной власти, низверженіе не временное, а окончательное, и въ республикахъ, и монархіяхъ влечетъ за собою соціальную революцію, т. е. паденіе буржуазіи. Хищническіе интересы связываютъ между собою различные слои буржуазіи въ одной странѣ и буржуазію разныхъ странъ все тѣснѣе и тѣснѣе, создавая единаго врага международнаго пролетаріата; между буржуа разныхъ странъ и національностей создается своего рода круговая порука, и *окончательная* побѣда пролетаріата не можетъ быть поэтому національной, не можетъ ограничиться одной страной, она должна быть интернаціональной. Боевая сила пролетаріата создается экономическими условіями его труда, которыя существуютъ во всѣхъ странахъ, гдѣ развивается капитализмъ и не зависитъ отъ той или другой формы правленія. Но борьба пролетаріата облегчается демократическими учрежденіями, болѣе или менѣе ограничивающими произволъ государственной власти, учрежденіями, существующими не только въ республикахъ, но и во многихъ монархіяхъ. Демократическія учрежденія каждой страны имѣютъ значеніе для *всего* пролетаріата въ томъ числѣ и для пролетаріата тѣхъ странъ, гдѣ ихъ нѣтъ, такъ какъ и въ этихъ послѣднихъ странахъ облегчаютъ пропаганду соціалистическихъ идей. Эти демократическія учрежденія явились результатомъ борьбы среди класса имущихъ, пока онъ еще былъ раздѣленъ на рѣзко враждующіе другъ съ другомъ элементы, они были результатомъ борьбы буржуазіи съ феодалами, но теперь, когда феодалы поглощены буржуазіей, воспринявшей при этомъ много феодальныхъ чертъ, классъ имущихъ въ своей массѣ

сдѣлался не только консервативнымъ, но и реакціоннымъ и нерѣдко стремится уничтожить демократическія ограниченія государственной власти. Защищать и развивать демократическія учрежденія приходится теперь пролетаріату. Облегчая борьбу пролетаріата, эти демократическія учрежденія нигдѣ, однако, не дѣлаютъ его свободнымъ, нигдѣ не не обезпечиваютъ жизненныхъ условій для гармоническаго развитія личности. Это значеніе они могутъ получить лишь при устраненіи экономической зависимости человѣка отъ человѣка, при уничтоженіи режима частной собственности. Соціальная революція *оживитъ* ихъ, *разовьетъ* и *распространитъ* на всѣ страны, сдѣлавъ изъ нихъ дѣйствительныя гарантіи народной и личной свободы.

Посмотримъ теперь, какія демократическія учрежденія уже существуетъ въ современномъ обществѣ, какое значеніе они имѣютъ теперь и какое значеніе они могутъ получить въ обществѣ пролетарскомъ при соотвѣтствующемъ оживленіи, развитіи и распространеніи.

II.

Всеобщее избирательное право — таковъ одинъ изъ основныхъ лозунговъ борьбы сотенъ тысячъ пролетаріевъ различныхъ странъ. Оно было первымъ требованіемъ хартіи чартистовъ, его завоевывали на баррикадахъ французскіе пролетаріи, за него боролись и борются демонстраціями и всеобщими стачками пролетаріи Австріи, Бельгіи, Швеціи, его считаютъ жизненнымъ нервомъ своей партіи нѣмецкіе соціалдемократы и т. д.

Многимъ соціалдемократамъ всеобщее избирательное право кажется ключемъ къ разрѣшенію всѣхъ соціальныхъ золъ. Лассаль, наприм., считалъ его «не только политическимъ, но и соціальнымъ основнымъ принципомъ рабочаго сословія», основнымъ условіемъ всякой соціальной помощи и требовалъ отъ рабочихъ, чтобы они были «глухи ко всему, что не общее и пря-

мое избирательное право или что не связано съ нимъ и не можетъ вести къ нему».

Съ другой стороны среди пролетаріевъ не только «безсознательныхъ», но и очень «сознательныхъ» не мало такихъ, которые относятся къ всеобщему избирательному праву равнодушно и даже враждебно, считая, что избирательная борьба отвлекаетъ рабочихъ отъ единственно плодотворной «борьбы экономической». Таковы анархисты и революціонные синдикалисты во Франціи, Голландіи, Испаніи и пр. Даже въ «самомъ» Берлинѣ, этомъ центрѣ нѣмецкой соціалдемократіи, членъ соціалдемократической партіи Фридебергъ «осмѣлился» недавно заявить, что изъ за всеобщаго избирательнаго права, если его отмѣнятъ, «не стоитъ пролить ни одной слезы», и собраніе, состоявшее изъ 1500 преимущественно организованныхъ рабочихъ, не только не возмутилось, но выразило Фридебергу свое полное довѣріе, отправивъ его делегатомъ на Амстердамскій конгрессъ?

Кто же правъ? Намъ кажется, что не правы обѣ стороны; при этомъ преувеличеніе значенія всеобщаго избирательнаго права вызываетъ отрицаніе его и наоборотъ.

Противники всеобщаго избирательнаго права правильно замѣчаютъ ошибки увлекающихся имъ, но нападаютъ не на «увлеченіе», а на самый принципъ. Увлекающіеся всеобщимъ избирательнымъ правомъ, какъ всесильнымъ средствомъ соціальнаго освобожденія, правильно замѣчаютъ вредъ отъ его совершеннаго отрицанія, но при этомъ остаются глухи и ко всей во многомъ справедливой критикѣ своихъ противниковъ и не достаточно серьезно относятся къ тѣмъ средствамъ, которые, по мнѣнію отрицающихъ всеобщее избирательное право, должны освободить рабочій классъ. Рознь усиливается, и освободительное движеніе пролетаріата замедляется. Надо постараться отнестись къ вопросу о значеніи всеобщаго избирательнаго права безъ предубѣжденія, безъ предвзятыхъ симпатій или антипатій. Надо разсмотрѣть «всеобщее избирательное право» въ его развитіи, въ его дѣйствительности и возможности; надо «раскрыть» выражаемое имъ понятіе.

Прежде всего—что представляетъ изъ себя его все-

общность? Не входитъ ли въ это понятіе право *каждаго* взрослаго человѣка подавать свой голосъ при выборахъ народныхъ представителей и должностныхъ лицъ? Если мы для отвѣта обратимся къ дѣйствительности, то увидимъ, что ни въ одной странѣ нѣтъ подобной «всеобщности», хотя во многихъ существуетъ «*всеобщее* избирательное право». Для поясненія возьмемъ, хотя бы Германію, всеобщее избирательное право которой играетъ такую большую роль въ спорахъ о значеніи этого демократическаго учрежденія для пролетарской борьбы.

«Избирателемъ для германскаго рейхстага — говоритъ § 1 соотвѣтствующаго избирательнаго закона — является всякій нѣмецъ, которому исполнилось 25 лѣтъ, въ союзномъ государствѣ, гдѣ онъ имѣетъ свое жительство».

Уже въ словѣ «нѣмецъ» заключается исключеніе изъ избирательнаго права всѣхъ *иностранцевъ*, всѣхъ *не* германскихъ подданныхъ, какъ бы долго они не жили, какъ бы долго они не работали въ Германіи. Надо замѣтить, что ни въ одномъ государствѣ всего міра «иностранцы» не имѣютъ избирательнаго права. Мало того нѣтъ ни одной соціалистической или соціалдемократической программы, которая выставляла бы это требованіе. Но парижскій пролетаріатъ въ тотъ единственный разъ, когда онъ могъ временно провести въ жизнь свою волю, именно во время коммуны 1871 года, призналъ за «иностранцами» всѣ тѣ же права, какъ и за французскими гражданами, въ томъ числѣ и право избирательнаго голоса. Комиссія, провѣрявшая голосованіе 29 марта признала за иностранцами какъ «активное» такъ и «пассивное» право голоса, т. е. право выбирать и быть выбраннымъ, объявивъ, что «знамя 18-го марта — знамя всемірной республики.»

Признаніе политическихъ правъ, въ томъ числѣ права избирательнаго, за иностранцами имѣло бы въ настоящее время не только принципіальное, но и очень существенное практическое значеніе для трудящагося пролетаріата, особенно въ Швейцаріи и Сѣвер. Ам. Соед. Шт. Мы уже видѣли, что въ Швейцаріи во многихъ отрасляхъ труда, не смотря на весь швейцарскій демократизмъ, *большинство* рабочихъ лишены

всѣхъ политическихъ правъ, такъ какъ это большинство состоитъ изъ иностранцевъ.

Для Германіи вопросъ о признаніи избирательнаго права за иностранцами не имѣетъ такого важнаго практическаго значенія, но и здѣсь все же по переписи 1900 г. живетъ болѣе 750.000 иностранцевъ.

То же слово «нѣмецъ» исключаетъ изъ пользованія избирательнымъ правомъ и болѣе половины всѣхъ нѣмецкихъ подданныхъ, даже и достигшихъ 25 лѣтъ, такъ какъ оно имѣетъ въ виду лишь мужчинъ, а женщинъ, такимъ образомъ лишенныхъ правъ въ Германіи, почти на 900.000 больше, чѣмъ мужчинъ.

Въ Европѣ женщины нигдѣ не имѣютъ избирательнаго права при выборахъ въ парламенты, и только въ Англіи и Норвегіи онѣ недавно получили право голоса при выборахъ коммунальныхъ (въ мѣстныя самоуправленія). Въ Америкѣ онѣ имѣютъ право голоса при выборахъ въ законодательныя собранія нѣкоторыхъ штатовъ, и, наконецъ, въ Австраліи онѣ участвуютъ въ выборахъ даже въ союзный парламентъ.

Вопросъ о необходимости распространить «всеобщее» избирательное право и на женщинъ является спорнымъ даже для многихъ соціалистовъ. Въ Бельгіи добрая половина членовъ рабочей партіи противъ допущенія женщинъ къ голосованію; въ Швеціи по проекту закона о всеобщемъ избирательномъ правѣ, внесеннымъ соціалдемократами въ парламентѣ, на женщинъ это право не распространяется.

Всѣ эти соціалдемократическіе противники политической равноправности женщинъ ссылаются на реакціонность большинства женщинъ, на подчиненность ихъ духовенству, вообще на ихъ политическую «незрѣлость». Если это и такъ, то, разумѣется однимъ изъ лучшихъ средствъ борьбы съ политическою незрѣлостью женщинъ, ихъ умственною несамостоятельностью и т. д., является допущеніе ихъ къ активной политической жизни.

Вообще для представителей пролетаріата нарушать основной принципъ демократіи—равноправность, по меньшей степени, странно, какіе бы «прогрессивные» мотивы не приводились въ пользу этого нарушенія, такъ какъ съ пролетарской точки зрѣнія прогрессъ и равноправность не разъединимы.

Единственнымъ естественно необходимымъ ограниченіемъ «всеобщности» избирательнаго права является возрастъ: дѣти не могутъ направлять политическую жизнь своими «голосами». Но гдѣ граница между возрастомъ ребенка и возрастомъ взрослаго человѣка? Во всякомъ случаѣ не тамъ, гдѣ ее устанавливаетъ германскій избирательный законъ. Не давая права голоса лицамъ, не достигшимъ 25 лѣтъ, онъ исключаетъ изъ участія въ выборахъ всю молодежь, исключаетъ людей въ расцвѣтѣ ихъ физическихъ и духовныхъ силъ, исключаетъ чуть не половину промышленнаго пролетаріата...

По промышленной переписи 1895 года изъ всѣхъ лицъ, «занятыхъ» въ германской промышленности (какъ самостоятельныхъ, такъ и служащихъ и рабочихъ) — 21,84% было моложе 20 лѣтъ, 49,87% моложе 30 лѣтъ. Если мы примемъ даже, что лицъ, «занятыхъ» въ промышленности въ возрастѣ отъ 20 — 25 лѣтъ столько же, сколько отъ 25—30 лѣтъ, хотя въ дѣйствительности первыхъ, вѣроятно, больше, то мы получимъ для возраста до 25 лѣтъ около 36% всѣхъ занятыхъ въ промышленности. Но надо принять во вниманіе, что процентное отношеніе самостоятельныхъ («хозяевъ» разныхъ степеней) въ группѣ занятыхъ промышленностью возрастаетъ съ увеличеніемъ возраста, процентное же отношеніе рабочихъ-пролетаріевъ убываетъ.

Въ общемъ въ группѣ «занятыхъ промышленностью»—24,9% «самостоятельныхъ», 3,18% «служащихъ» и 71,92% «рабочихъ». Между тѣмъ въ возрастѣ до 20 лѣтъ самостоятельныхъ было лишь 3,58%, служащихъ 1,59%, а рабочихъ 94,83%; въ возрастѣ отъ 20—30 лѣтъ—самостоятельныхъ 15,81%, служащихъ—3,35%, рабочихъ 80,84%; за то въ возрастѣ отъ 60—70 лѣтъ самостоятельныхъ 54,90%, служащихъ—2,61%; рабочихъ — 42,49%; свыше 70 лѣтъ самостоятельныхъ 65,93%, служащихъ 1,68%, рабочихъ 32,39%.

Это въ значительной степени объясняется тѣмъ, что рабочему «не дано» долго жить. Средняя продолжительность его жизни несравненно ниже средней продолжительности жизни хозяевъ. Масса нѣмецкихъ пролетаріевъ, создавъ очень много прибавочной цѣнности, умираетъ не достигнувъ избиратель-

наго возраста. Когда дѣло идетъ о выжиманіи прибавочной цѣнности, о выжиманіи трудовыхъ соковъ на фабрикѣ, буржуазія считаетъ взрослымъ юношу въ 16 лѣтъ; для него уже нѣтъ особой охраны здоровья ограниченіемъ числа рабочихъ часовъ и т. д.; когда дѣло идетъ о солдатчинѣ, она требуетъ молодыхъ людей въ 20 лѣтъ; но, когда дѣло идетъ опроявленіи политическихъ правъ, зрѣлость начинается лишь въ 25 лѣтъ.

Нѣмецкая соціалдемократическая программа требуетъ пониженія возрастной границы до 20 лѣтъ; то же требованіе встрѣчается и во многихъ другихъ соціалистическихъ программахъ; мы присоединились, было, къ нему въ нашемъ проектѣ программы, но теперь, останавливаясь на вопросѣ о «всеобщности» избирательнаго права болѣе внимательно, мы думаемъ, что *право голоса слѣдуетъ требовать для каждаго лица, достигшаго 16 лѣтняго возраста*. Нечего бояться молодыхъ голосовъ!

Молодежь часто чуетъ правду лучше людей «солидныхъ»; во всякомъ случаѣ она революціоннѣе; съ возрастомъ часто усиливается мелкій эгоизмъ, теряется способность общее дѣло ставить выше своего личнаго благополучія. Общественная жизнь только выиграетъ отъ того, что въ ней на равныхъ правахъ съ людьми «зрѣлыми» и увядающими приметъ участіе и «зеленая», свѣжая, рвущаяся впередъ, «неугомонная» молодежь.

Мы уже нашли достаточно ограниченій германскаго «всеобщаго» избирательнаго права въ первой же фразѣ избирательнаго закона, но это еще не все. Эта фраза упоминаетъ, еще «жительство» и этимъ исключается бродячій пролетаріатъ.

Для того, чтобы имѣть право подать голосъ каждый избиратель долженъ быть занесенъ въ списокъ округа, въ которомъ онъ «живетъ». Списки составляются мѣстными властями и не позже какъ за 4 недѣли до дня выборовъ выставляются для провѣрки всѣмъ желающимъ. Жалобы противъ невнесенія въ списокъ могутъ быть подаваемы втеченіи 8 дней послѣ перваго дня выставленія списковъ; въ послѣдующее время, т. е., помепьшей мѣрѣ въ теченіе 20 дней до выборовъ никто уже не можетъ требовать внесенія въ списокъ; *подавать голосъ можно только въ томъ округѣ,*

въ списокъ котораго избиратель зачисленъ. «При новыхъ отдѣльныхъ выборахъ, происходящихъ въ теченіе года послѣ общихъ выборовъ не требуется—говоритъ § 8 избирательнаго закона — новаго составленія и выставленія списковъ.»

Для подвижныхъ категорій рабочихъ, напр., строительныхъ, дорожныхъ и т. д. этимъ значительно затрудняется и ограничивается избирательное право особенно во время дополнительныхъ выборовъ, которыхъ въ первый годъ бываетъ какъ разъ очень много вслѣдствіе кассированія рейхстагомъ тѣхъ или другихъ избраній, произведенныхъ, по его мнѣнію, неправильно.

Второй параграфъ избирательнаго закона «гаситъ» избирательное право для всѣхъ лицъ солдатскаго (но не офицерскаго) званія въ арміи и флотѣ, пока они «нахдятся подъ знаменемъ». «Подъ знаменемъ» солдаты считаются во все время своей дѣйствительной службы. Въ обыкновенное время въ германскомъ постоянномъ войскѣ и флотѣ числится болѣе 600 тыс. лицъ солдатскаго званія. Большинство изъ нихъ моложе 25 лѣтъ, такъ что для нихъ и безъ того не существуетъ избирательнаго права.

Но, если бы правительство мобилизировало всю армію и флотъ со всѣми резервами и ополченіями, то «подъ знаменемъ» оказалось бы около $4^1/^2$ милльоновъ лицъ солдатскаго званія съ «погашеннымъ» избирательнымъ правомъ, изъ которыхъ огромное большинство старше 25 лѣтъ. Правительство можетъ устроить подобный «избирательный фокусъ» «на законномъ основаніи», и мы были бы слишкомъ плохого мнѣнія о репрессивныхъ способностяхъ нынѣшнихъ германскихъ правителей, если бы не ожидали, что оно прибѣгнетъ къ этому «законному средству борьбы» въ нужный моментъ, но интересно, останутся ли и тогда нѣмецкіе соціалдемократы на законной почвѣ и нагуляютъ ли они еще болѣе «румяныя щеки», чѣмъ это удавалось имъ до сихъ поръ?

Третій параграфъ перечисляетъ разныя мелкія исключенія (лица, находящіяся подъ опекой; лица лишенные по суду гражданскихъ правъ и т. п.), изъ которыхъ одно является для пролетаріата довольно крупнымъ, а именно исключеніе «лицъ, которыя полу-

чаютъ или получали въ теченіе года предшествующаго выборамъ пособіе для бѣдныхъ изъ государственныхъ или общинныхъ средствъ.» Это бьетъ, главнымъ образомъ, безработныхъ во время кризисовъ. Тебѣ бросаютъ кусокъ хлѣба, чтобы смерть отъ голода превратить въ голодное прозябаніе, но ты не смѣй имѣть своего голоса!

Въ результатѣ всѣхъ этихъ ограниченій и исключеній изъ $58^1/_2$ милльоновъ жителей только $12^1/_2$ милльоновъ имѣли право голоса на послѣднихъ всеобщихъ выборахъ въ германскій рейхстагъ.

Если бы правомъ голоса пользовались всѣ лица обоего пола, начиная съ 16 лѣтъ, то число избирателей было бы больше 36 милльоновъ; если бы установить возрастную границу, какъ этого требуетъ нѣмецкая соціалдемократія, въ 20 лѣтъ, то и тогда бы избирателей обоего пола было болѣе 30 милльоновъ, а не $12^1/_2$, какъ теперь.

Изъ $12^1/_2$ милльоновъ воспользовались своимъ правомъ около $9^1/_2$ милльоновъ. Три милльона правоспособныхъ избирателей, т. е. какъ разъ столько же, сколько было избирателей соціалдемократическихъ, къ избирательнымъ урнамъ вовсе не явились. Изъ кого состоитъ эта вторая «трехмилльонная партія»? Прежде всего изъ индифферентныхъ», «равнодушныхъ», которые не видятъ никакой связи между тѣмъ или другимъ составомъ рейхстага и своими интересами. Противъ этого «равнодушія» многіе въ томъ числѣ и нѣкоторые соціалисты предлагаютъ *обязательность* выборовъ, которая уже существуетъ въ Бельгіи. Но пролетаріатъ, стремящійся къ порядку наивозможно большей личной свободы, не долженъ, мнѣ кажется, вводить никакого принужденія для пользованія своимъ правомъ. Лучшее средство противъ избирательнаго «равнодушія» это усиленіе значенія рейхстага.

Но среди воздерживающихся отъ голосованія находятся не только «равнодушные», но и устрашенные. Не смотря на то, что подача голосовъ при выборахъ въ рейхстагъ *тайная*, многіе рабочіе, особенно въ деревнѣ, не рѣшаются голосовать по своему желанію и, если не голосуютъ по желанію хозяевъ или начальства, то воздерживаются отъ голосованія. Руководятъ выборной операціей представители господствующаго

класса, и самыя строгія предписанія для соблюденія полной «тайны» голосованія не могутъ вполнѣ помѣшать имъ «угадать», кто за кого голосовалъ, и послѣ выборовъ рабочихъ и служащихъ, голосовавшихъ за «враговъ существующаго порядка» можетъ постигнуть кара въ видѣ лишенія заработка и куска хлѣба. Конечно, въ большихъ промышленныхъ центрахъ, гдѣ рабочіе чуть не поголовно голосуютъ за соціалдемократовъ, карать ихъ невозможно: пришлось бы закрыть фабрики и заводы. Хозяева хотя знаютъ, что ихъ рабочіе голосуютъ за ихъ враговъ, но ничего не могутъ подѣлать и... примиряются.

Несомнѣнно, впрочемъ, что практикуемая въ настоящее время въ Германіи подача избирательныхъ записокъ въ закрытыхъ конвертахъ, гарантируетъ *до извѣстной степени* тайну. а вмѣстѣ съ тѣмъ и «свободу» голосанія. Если бы при выборахъ въ рейхстагъ была введена открытая подача голосовъ, какъ при выборахъ въ прусскій ландтагъ, то число соціалдемократическихъ голосовъ, навѣрное, сильно бы понизилось. Нѣмецкіе соціалдемократы поэтому придаютъ огромное значеніе «тайнѣ» голосованія и считаютъ ее однимъ изъ условій своихъ успѣховъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что у явнаго открытаго голосованія есть очень важное преимущество передъ голосованіемъ тайнымъ.

Явная подача голоса пріучаетъ къ смѣлости исповѣданія своихъ убѣжденій, къ смѣлости, которая одна только можетъ создать фактическую свободу убѣжденій, свободу мысли, совѣсти и слова.

«Наемный рабочій» Флютихъ въ статьѣ о «Всеобщей стачкѣ», которую мы уже цитировали въ V-ой главѣ, говоритъ, что «открытая подача голосовъ теряетъ свой ужасъ, если избиратели воспитаны къ проявленію политическаго мужества въ организаціяхъ». Онъ убѣдился въ этомъ во время выборовъ въ Прусскій сеймъ.

«У меня сердце прыгало въ груди отъ радости и смѣха, когда я видѣлъ, какъ эти столь нищенски оплачиваемые фабричные рабочіе, которые должны торговаться изъ-за каждаго пфенига сдѣльной работы съ фабричнымъ директоромъ, этому же самому господину, который властями заботливо выбранъ въ завѣдующаго

выборами, свободно и громко заявляли: я выбираю того-то и того-то; *я — соціалдемократъ*. Можно считать эту избирательную технику безсмыслицей, но то обстоятельство, что избиратели округа должны присутствовать всѣ вмѣстѣ, пробуждаетъ въ отдѣльныхъ рабочихъ сознаніе необходимости общей классовой борьбы; здѣсь онъ открыто дѣйствующій факторъ въ законодательствѣ, здѣсь онъ открыто признается передъ своимъ притѣснителемъ и своими друзьями: «*Я-соціалдемократъ*!» Эта «худшая изъ всѣхъ избирательныхъ системъ» является такимъ образомъ превосходнымъ воспитательнымъ средствомъ».

Это—очень цѣнное наблюденіе въ пользу *открытой* подачи голосовъ. Для «успѣха соціалдемократіи», т. е. для освобожденія рабочаго класса не столько важно число лицъ, голосующихъ за соціалдемократическихъ кандидатовъ, какъ ихъ качество, какъ ихъ способность постоять въ открытомъ бою за свои убѣжденія; открытая подача голосовъ уменьшаетъ число соціалдемократическихъ голосовъ, но подымаетъ и воспитываетъ голосующихъ. Извѣстно, что многіе, *тайно* голосующіе за соціалдемократовъ, *явно* отрекаются отъ нихъ. Нѣмецкіе соціалдемократы ужасно гордятся своими «тремя миллионами» голосовъ, но они какъ будто забываютъ, что это голоса *тайные*, явныхъ же соціалдемократовъ, входящихъ въ партійныя организаціи, насчитывается не болѣе 300 тысячъ. Мнѣ кажется, что открытая подача голосовъ ускорила бы ростъ этихъ явныхъ соціалдемократовъ и вообще повысила бы мужество нѣмецкой соціалдемократической партіи; это приложимо, конечно, и къ соціалистическимъ партіямъ другихъ странъ. Стоитъ-ли въ виду этого настаивать на *тайной* подачи голосовъ? Мы склоняемся къ отрицательному отвѣту. Въ буржуазномъ обществѣ выборы для пролетаріата имѣютъ значеніе, главнымъ образомъ, какъ средство политическаго воспитанія и организаціи народныхъ массъ, а въ этомъ отношеніи важна открытая, а не тайная подача голосовъ. Въ пролетарскомъ же обществѣ никому не придется бояться исповѣдывать свои убѣжденія, никому не нужно будетъ укрываться «за тайну» голосованія.

Нѣкоторымъ ограниченіемъ свободнаго пользова-

нія избирательнымъ правомъ является и практикуемое въ Германіи назначеніе выборовъ въ будни. Эрфуртская программа требуетъ поэтому «*производства выборовъ и голосованія въ узаконенный нерабочій день.*»

«Тѣмъ, что выборы происходятъ въ рабочій день» —говоритъ Шёнланкъ въ своихъ поясненіяхъ къ программѣ—«многія лица, которымъ по закону принадлежитъ право голоса, фактически не допускаются къ участію въ выборахъ, имѣющихъ для нихъ огромное значеніе. Сколько рабочихъ, сколько служащихъ должны по этой причинѣ, отстраняться, какъ многихъ предприниматель принуждаетъ воздерживаться отъ голосованія или жертвовать своимъ заработкомъ, разъ они хотятъ выполнить свой долгъ! Въ крупно-промышленныхъ округахъ, какъ, напримѣръ, въ Верхней Силезіи, въ Рейнскихъ провинціяхъ и Вестфаліи съ ихъ шахтами, съ ихъ каменоломнями надзоръ и воздѣйствіе со стороны хозяевъ и ихъ чиновниковъ прямо возмутительны; въ коренныхъ мѣстахъ юнкерства, которое ведетъ своихъ подчиненныхъ со дворовъ и полей къ избирательнымъ ящикамъ, какъ барановъ на бойню, это зло проявляется самымъ ужаснымъ образомъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ протесты противъ выборовъ. Въ деревнѣ оказываетъ вліяніе и то, что слишкомъ часто мѣсто выборовъ лежитъ далеко и къ нему приходится пробираться по плохимъ дорогамъ, такъ что крестьянинъ, привязанный къ своему клочку земли, предпочитаетъ оставаться дома, чѣмъ идти подавать голосъ. Выполненіе высшей гражданской обязанности, пользованіе высшимъ правомъ государственнаго гражданина должно быть обезпечено закономъ. Только въ томъ случаѣ, если не-рабочій день, установленный закономъ, строго охраняемый, безъ всякихъ стѣсненій проводимый, удерживаемый и соблюдаемый уравняетъ путь широкимъ массамъ въ городѣ и въ деревнѣ, только тогда можетъ быть рѣчь о дѣйствительной свободѣ выборовъ.»

Несомнѣнно, что оффиціальный комментаторъ практическихъ требованій эрфуртской программы преувеличиваетъ значеніе производства выборовъ въ не-рабочій день. «*Дѣйствительная* свобода выборовъ» въ буржуазномъ обществѣ, гдѣ существуетъ между людьми отношеніе господства и подчиненности, врядъ ли во-

обще возможна, и праздничный день, какіе бы строгіе законы (охъ. уже эта слѣпая вѣра въ законы!) его не охраняли, поможетъ въ этомъ отношеніи очень мало. Въ Бельгіи выборы происходятъ по закону въ воскресенье, но о полной, дѣйствительной свободѣ голосованія и тамъ не можетъ быть рѣчи. Для боевого воспитанія пролетаріата важенъ не строгій, безъ стѣсненій проводимый, законъ о выборахъ въ праздничный день, а борьба рабочихъ съ хозяевами за предоставленіе и въ *рабочій день* достаточно свободнаго времени для подачи голоса. Эта борьба и ведется въ дѣйствительности; при послѣднихъ германскихъ выборахъ 1903 г. рабочимъ во многихъ мѣстахъ удалось добиться закрытія фабрикъ и заводовъ послѣ полудня въ день общихъ выборовъ.

Какъ бы ни былъ широкъ кругъ лицъ, на которыхъ распространяется избирательное право, какъ бы ни «дѣйствительна» была свобода голосованія, результаты выборовъ могутъ быть все же выраженіемъ воли исключительно господствующаго класса, если избирательное право, будучи всеобщимъ, не является въ то же время *равнымъ*. Буржуазія крайне изобрѣтательна въ своемъ стремленіи парализовать всеобщность избирательнаго права его неравенствомъ.

При трехклассной системѣ, примѣняемой въ Пруссіи и Саксоніи, «количество» пролетарскихъ голосовъ преодолѣвается «качествомъ» голосовъ буржуазныхъ. Всѣ избиратели дѣлятся на три класса. Въ первый классъ вписываются избиратели, начиная съ имѣющаго наивысшій доходъ и слѣдовательно платящаго наивысшій подоходный налогъ, переходя затѣмъ къ слѣдующему по высотѣ дохода и платимаго налога и т. д., до тѣхъ поръ, пока не составится изъ всѣхъ этихъ налоговъ сумма, равная трети всей суммѣ подоходнаго налога; здѣсь начинается второй классъ, въ который въ томъ же порядкѣ вносятся избиратели съ убывающими доходами, пока снова не образуется треть всей суммы подоходнаго налога; въ третій классъ вносятся всѣ остальные избиратели. Каждый классъ избираетъ въ каждомъ округѣ одинаковое число выборщиковъ, выборщики трехъ классовъ собираются вмѣстѣ и выбираютъ по большинству голосовъ одного или

нѣсколькихъ депутатовъ, посылаемыхъ въ сеймъ даннымъ округомъ.

Если бы пролетаріи составляли даже весь третій классъ, то все таки ихъ выборщики остались бы въ меньшинствѣ при выборѣ депутатовъ, такъ какъ первому и второму классу принадлежитъ $^2/_3$ голосовъ въ собраніи выборщиковъ. И дѣйствительно ни въ Пруссіи, ни въ Саксоніи рабочимъ не удается провести въ мѣстные сеймы ни одного соціалдемократа, хотя въ Саксоніи при выборахъ въ рейхстагъ, гдѣ дѣйствуетъ *равное* избирательное право, они провели почти всѣхъ своихъ кандидатовъ, пропустивъ только одного изъ 23-хъ буржуазныхъ представителей.

Въ Пруссіи въ 1893 г. въ первый классъ входило 3,52% всѣхъ избирателей, во второй 12,06%; въ третій — 84,42%.

Такимъ образомъ голосъ богача изъ перваго класса значилъ въ 25 разъ больше, чѣмъ голосъ пролетарія изъ третьяго класса. Съ тѣхъ поръ отношеніе измѣнилось еще больше въ пользу богачей.

Въ Австріи дѣйствуетъ еще болѣе сложная пятиразрядная избирательная система, хотя и не исключающая, но сводящая до минимума представительство пролетаріата. Всеобщее избирательное право приставлено здѣсь въ видѣ демократическаго украшенія къ системѣ представительства интересовъ различныхъ буржуазныхъ группъ. Депутаты въ австрійскій рейхсратъ въ общемъ числѣ 425 выбираются пятью куріями или разрядами избирателей.

Въ первую курію входятъ представители *крупнаго землевладѣнія*; таковыхъ при выборахъ 1901 г. считалось 5.431, и имъ по закону представлялось выбрать 85 депутатовъ. Во второй куріи избираютъ *торгово-промышленныя палаты*, въ общемъ 556 человѣкъ, и на ихъ долю приходится 21 депутатъ. Въ третьей куріи избираютъ «*города*», т. е. городскіе жители, платящіе не менѣе 4 гульденовъ прямыхъ налоговъ въ годъ; таковыхъ въ 1901 г было 493.804, избиравшихъ 118 депутатовъ. Въ четвертой куріи избираютъ *сельскія общины*, т, е. сельскіе обыватели, но опять-таки не всѣ, а платящіе прямыхъ налоговъ не менѣе 4 гульденовъ въ годъ; таковыхъ 1.585.466 челов. и они выбираютъ 129 депутатовъ.

Наконецъ въ пятой куріи господствуетъ *всеобщая* подача голосовъ съ приблизительно тѣми же ограниченіями, какъ и въ Германіи; здѣсь выбираютъ всѣ граждане, какъ уже входящіе въ первые 4 куріи, такъ и не попавшіе въ нихъ, какъ не имѣющіе имущественнаго ценза. Въ этой всеобщей куріи свыше 5 милльоновъ избирателей, и имъ предоставляется избрать всего 72 депутата.

И такъ пять тысячъ крупныхъ землевладѣльцевъ избираютъ больше депутатовъ, чѣмъ пять милліоновъ «народа». Голосъ крупнаго землевладѣльца, когда онъ выдѣленъ въ особую «курію», цѣнится въ тысячу разъ выше, чѣмъ голосъ изъ народа, а голосъ члена торгово-промышленной палаты цѣнится даже въ 7000 разъ дороже, чѣмъ голосъ избирателя «всеобщей» куріи. Это — довольно вѣрное отраженіе «соотношенія» общественныхъ цѣнностей въ буржуазномъ обществѣ!

Въ Бельгіи всеобщее избирательное право «исправлено» *множественнымъ голосованіемъ*. Правомъ голоса здѣсь пользуются всѣ мужчины въ возрастѣ не моложе 25 лѣтъ, имѣющіе опредѣленное мѣстожительство въ продолженіи, по крайней мѣрѣ, года. Удовлетворяющіе только этимъ условіямъ имѣютъ по одному голосу, но отцы семействъ не моложе 35 лѣтъ, платящіе не менѣе 5 фр. прямыхъ государственныхъ налоговъ, а также владѣльцы недвижимой собственности, по крайней мѣрѣ, въ 2000 фр. или бельгійской ренты, приносящей не менѣе 100 фр. въ годъ, пользуются каждый двумя голосами. Лица съ высшимъ и среднимъ образованіемъ, чиновники и священники пользуются тремя голосами.

«Соціалистическіе народные ораторы — разсказываетъ Вандервельдъ въ своей статьѣ «Всеобщая стачка въ Бельгіи» *) — обыкновенно характеризуютъ эту странную систему указаніемъ на то, что Іисусъ Христосъ, возвратившись на землю, не могъ бы быть избирателемъ въ Бельгіи, какъ не имѣющій опредѣленнаго мѣстожительства, ибо «Сынъ Человѣческій не имѣетъ куда приклонить голову»; съ другой стороны, знаменитѣйшій изъ отцовъ семейства св. Іосифъ. имѣлъ бы право всего на одинъ избирательный голосъ, такъ

*) См. „Жизнь“ 1902 г. Май.

какъ не могъ бы платить сто су прямыхъ налоговъ. Но за то Пилатъ Понтійскій, какъ чиновникъ, и Каіафа, какъ священникъ, имѣли бы по три голоса».

Въ Германіи при выборахъ въ рейхстагъ избирательное право *по закону* не только всеобщее, но и равное; однако и здѣсь фактически установилось нѣчто въ родѣ «множественнаго» голосованія. «Исправленіемъ» закона занялось въ Германіи капиталистическое развитіе, сильно измѣнившееe количественное распредѣленіе населенія по избирательнымъ округамъ сравнительно съ серединой 60-хъ годовъ.

По закону вся Германія распредѣляется на 397 избирательныхъ округовъ съ 100.000 жителей въ каждомъ, и въ рейхстагъ соотвѣтственно избирается 397 депутатовъ, по одному на округъ. Раздѣленіе на округа сдѣлано на основаніи переписи 1864 года и остается неизмѣннымъ, хотя не только общее населеніе съ тѣхъ поръ увеличилось на 42%, но и территоріальное распредѣленіе его совершенно измѣнилось. Промышленные центры, гдѣ избиратели состоятъ большею частью изъ сознательныхъ пролетаріевъ-соціалдемократовъ, стянули къ себѣ населеніе изъ деревень, гдѣ господствуютъ юнкера-консерваторы и католики-іезуиты. Берлинъ, напр., съ 600.000 поднялся до 1 900.000; Гамбургъ — съ 300 тысячъ до 760 тысячъ и т. д. Во многихъ же консервативныхъ сельскихъ мѣстностяхъ населеніе не только не увеличилось, но даже уменьшилось. Нѣкоторые избирательные округа вмѣсто 100.000, какъ слѣдовалобы по закону, имѣютъ теперь нѣсколько сотъ тысячъ, такъ, наприм., въ 6-мъ берлинскомъ округѣ теперь около 700.000 жителей и онъ долженъ былъ бы выбрать 7 депутатовъ, но выбираетъ только одного только же, какъ 5-ый округъ Лигница съ 60.000, жит. и 8-й округъ Маріенвердера са 64.000 жителями. Такимъ образомъ избиратели этихъ двухъ послѣднихъ округовъ по сравненію съ избирателями 6-го берлинскаго округа имѣютъ болѣе, чѣмъ по 10 голосовъ каждый. 5-ый Лигницкій округъ выбралъ представителя либеральной буржуазіи, 8-ой Маріенвердеровскій заядлаго крѣпостника, 6-ой берлинскій округъ—соціалдемократа, за котораго было подано въ 25 разъ больше голосовъ, чѣмъ за маріенвердеровскаго крѣпостника

и въ 15 разъ больше, чѣмъ за лигницкаго либерала. Если бы избирательное право было фактически равнымъ, то 6-ой берлинскій округъ послалъ бы въ рейхстагъ не одного, а шесть соціалдемократовъ, а 5-му лигницкому и 8 маріенвердерскому пришлось бы присоединиться къ сосѣднимъ округамъ, чтобы выбрать одного либерала и одного крѣпостника.

При фактически равной подачѣ голосовъ соціалдемократы со своими 3 милльонами голосовъ имѣли бы въ рейхстагѣ не 80 депутатовъ, а, вѣроятно, болѣе 100.

Понятно, что соціалдемократическая партія требуетъ новаго распредѣленія округовъ и взываетъ къ закону, но современный законъ глухъ на *лѣвое* ухо и никакихъ призывовъ идущихъ съ этой стороны не слышитъ.

Мы видимъ, что германское избирательное право, не смотря на то, что оно и формально, и фактически является «идеаломъ» по сравненію съ избирательнымъ правомъ большинства европейскихъ государствъ, въ томъ числѣ и отдѣльныхъ нѣмецкихъ странъ, не можетъ быть, строго говоря, названо ни всеобщимъ, ни равнымъ. Безъ натяжки оно можетъ быть названо только *прямымъ*. Избиратели при выборахъ въ рейхстагъ прямо выбираютъ депутатовъ; между тѣми и другими нѣтъ промежуточной инстанціи. Въ очень многихъ государствахъ примѣняется при выборахъ не прямая, а посредственная или двухстепенная подача голосовъ. Избиратели выбираютъ сначала довѣренныхъ или выборщиковъ, которые въ свою очередь выбираютъ уже депутатовъ. Эта система является особенно излюбленной при выборахъ въ мѣстныя самоуправленія и верхнія палаты, но она примѣняется при выборахъ и въ нижнія или вторыя палаты депутатовъ, наприм. въ Пруссіи, Саксоніи, Австріи, украшая нелѣпостью буржуазное безстыдство, на которомъ построено избирательное право въ этихъ странахъ.

Нелѣпость двухстепенныхъ выборовъ очень просто и ясно показалъ въ одной изъ своихъ рѣчей князь Бисмаркъ. *)

«Избирательному закону — сказалъ между прочимъ Бисмаркъ въ засѣданіи Сѣверо-германскаго рейхс-

*) См. Fürst Bismarks Reden Band VII S. 147.

тага 28 марта 1867 г. — сдѣланъ изъ среды этой палаты упрекъ за то, что онъ предписываетъ прямые, а не косвенные (посредственные) выборы; но по моему убѣжденію, косвенные выборы представляютъ изъ себя фальсификацію выборовъ, мнѣнія націи. Это можно показать на простомъ числовомъ примѣрѣ, который я представлялъ уже 20 лѣтъ тому назадъ и который я здѣсь повторю: если принять, что большинство на каждой избирательной ступени должно быть только на одинъ голосъ больше половины, то выборщикъ представляетъ уже только на одного первоначальнаго избирателя больше половины; депутатъ представляетъ только на одного человѣка больше половины выборщиковъ, общее число которыхъ само по себѣ представляетъ изъ себя лишь немного больше половины первоначальныхъ избирателей, депутатъ представляетъ такимъ образомъ при косвенныхъ выборахъ съ математическою увѣренностью лишь немного больше одной четверти первоначальныхъ избирателей, а большинство депутатовъ въ этомъ случаѣ лишь немного болѣе одной восьмой цѣлаго; я беру, конечно, самый худшій случай, очень маленькое большинство. Изъ этихъ неизбѣжныхъ ступеней дѣленія одну при прямыхъ выборахъ мы совершенно устраняемъ.

«Затѣмъ въ общемъ чувствѣ народа я постоянно находилъ еще больше интеллигентности, чѣмъ въ раздуміи выборщика (довѣреннаго) при выискиваніи, кого слѣдуетъ избрать въ депутаты, и я аппелирую къ болѣе или менѣе общему явленію — я не знаю, раздѣляютъ ли всѣ господа мои впечатлѣнія, но у меня сложилось представленіе, что прямое избирательное право посылаетъ въ парламентъ болѣе значительныхъ лицъ, чѣмъ косвенное. Чтобы быть выбраннымъ при прямомъ избирательномъ правѣ, нужно пользоваться болѣе значительнымъ престижемъ въ болѣе широкихъ кругахъ, такъ какъ мѣстное кумовство не играетъ такой роли при выборахъ въ широкихъ кругахъ, съ которыми приходится считаться при прямомъ избирательномъ правѣ».

Эти доводы, съ которыми нельзя не согласиться, являются рѣшающими въ пользу *прямыхъ* выборовъ.

Съ демократической точки зрѣнія можно еще прибавить, что чѣмъ непосредственнѣе отношеніе между

народной массой и депутатами, тѣмъ скорѣе они являются истинными выразителями ея воли, а при прямыхъ выборахъ связь между народомъ и депутатами, конечно, гораздо болѣе тѣсная, чѣмъ при выборахъ косвенныхъ или двухстепенныхъ.

Разумѣется и при прямой подачѣ голосовъ теоретически возможно, что большинство парламента будетъ представлять меньшинство избирателей, какъ это показываетъ хотя бы примѣръ Бисмарка. Можно придумать и другія комбинаціи. Мыслимъ даже и такой случай, при которомъ весь парламентъ будетъ представлять меньшинство избирателей. Представимъ себѣ, что въ каждомъ округѣ, выбирающемъ одного депутата, выступаютъ три кандидата отъ трехъ партій: консервативной, либеральной и соціалистической. Всѣхъ округовъ, скажемъ, сто, и въ каждомъ округѣ 10.000 избирателей. Консервативные депутаты въ каждомъ округѣ получаютъ по 3600 голосовъ, либеральные по 3300, и соціалистическіе по 3100 голосовъ. Если бы подобная комбинація произошла въ странѣ, гдѣ, подобно Англіи, *нѣтъ перебаллотировокъ* и выбраннымъ считается кандидатъ, получившій относительное большинство голосовъ, то парламентъ составился бы въ данномъ случаѣ исключительно изъ консерваторовъ, хотя за нихъ во всей странѣ голосовало меньшинство избирателей, въ общемъ 360.000 противъ 640.000 либераловъ и соціалистовъ, оставшихся совсѣмъ безъ представителей.

Но въ большинствѣ странъ существуетъ перебаллотировка въ тѣхъ случаяхъ, когда при первомъ голосованіи ни одинъ изъ кандидатовъ не получилъ *абсолютнаго большинства*, т. е. больше половины всѣхъ поданныхъ голосовъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ, наприм., въ Германіи при перебалотировкахъ допускаются только два кандидата, получившіе наибольшее число голосовъ. Въ этомъ случаѣ соціалистическіе кандидаты устраняются, и, если ихъ избиратели не захотятъ голосовать за либераловъ, то повсюду будутъ выбраны консерваторы; если же они будутъ голосовать за либераловъ, то повсюду будутъ выбраны либералы, а изъ консерваторовъ, получившихъ при первомъ голосованіи наибольшее число голосовъ въ каждомъ округѣ, не прошелъ бы ни одинъ.

Конечно, мы беремъ исключительныя условія, но точно также и для того, чтобы парламентъ при существующихъ въ большинствѣ государствъ избирательныхъ системахъ представлялъ изъ себя дѣйствительное соотношеніе общественныхъ силъ и стремленій нужны тоже исключительныя условія.

Какъ искажается дѣйствительное соотношеніе силъ въ парламентскомъ представительствѣ даже при прямой подачѣ голосовъ видно на примѣрѣ германскаго рейхстага, гдѣ соціалдемократы съ ихъ 3 милльонами избирателей имѣютъ 78 депутатовъ, а центръ съ 1 мил. 800 тыс. избирателей имѣетъ 100 депутатовъ. Здѣсь, конечно, играетъ роль, и указанное нами неравномѣрное распредѣленіе округовъ, но однимъ этимъ подобное несоотвѣтствіе между числомъ избирательныхъ голосовъ и выбранныхъ депутатовъ все же объяснить нельзя.

Еще нелѣпѣе получались результаты отъ выборовъ въ Бельгіи въ періодъ со времени введенія «всеобщаго» избирательнаго права до дополненія его пропорціональной системой распредѣленія депутатскихъ мѣстъ. Такъ, напр., на выборахъ 96 и 98 годовъ*) католики получили въ общемъ изъ 1.800.000 всѣхъ голосовъ — 848.000, т. е. меньше половины. а въ парламентѣ изъ 152 депутатскихъ мѣстъ заняли 112, т. е. около трехъ четвертей.

Во всякомъ случаѣ всеобщаго и прямого избирательнаго права, хотя бы всеобщность и была дѣйствительной, а не кажущейся, еще недостаточно, чтобы численное соотношеніе партій въ парламентѣ соотвѣтствовало таковому же въ самой странѣ; для этого необходимо еще *пропорціональное представительство*, т. е. распредѣленіе депутатскихъ мѣстъ пропорціонально числу избирателей каждой партіи, или, какъ обыкновенно выражаются, *пропорціональная избирательная система*.

Пропорціональнаго представительства требуютъ многія соціалистическія программы, въ томъ числѣ эрфуртская.

«Предствительное собраніе — говоритъ Шенланкъ

---

*) Въ Бельгіи палата депутатовъ возобновляется частично: каждые два года происходятъ выборы въ половинѣ округовъ.

въ своемъ комментаріи къ этому требованію программы — должно съ большею вѣрностью отражать взгляды, желанія, направленія избирателей, такъ чтобы и меньшинство при обсужденіяхъ и рѣшеніяхъ въ этомъ собраніи могло бы бросить на вѣсы и свое слово. Затѣмъ различныя партіи только тогда правильно представлены, когда имѣютъ депутатовъ соотвѣтственно ихъ общему числу.

...Мы требуемъ поэтому такой системы, которая обезпечиваетъ пропорціональное представительство различныхъ партій въ законодательныхъ собраніяхъ. Руководящій принципъ при этомъ тотъ, что число представителей данной партіи опредѣляется по общему числу голосовъ вообще поданныхъ за эту партію. Права партій меньшинства такимъ образомъ охраняются, сила парламентскихъ фракцій соотвѣтствуетъ силѣ партій, перебаллотировки отпадаютъ, вся процедура значительно упрощается.

Какъ въ данномъ случаѣ устроить эти пропорціональные выборы, рѣшаетъ практика; существуютъ многочисленные проекты, обсуждать которые мы здѣсь не можемъ».

Все это такъ, за исключеніемъ только «упрощенія всей процедуры», но жаль, что оффиціальный комментаторъ программы не далъ никакихъ указаній, какъ «партія» думаетъ осуществить на практикѣ пропорціональное представительство. Это тѣмъ болѣе необходимо, что огромному большинству нѣмецкихъ соціалдемократовъ этотъ важный пунктъ программы остался, видимо, не яснымъ.

Въ 1895 году Бреславскій партейтагъ огромнымъ большинствомъ голосовъ постановилъ поставить на обсужденіе слѣдующаго партейтага вопросъ о «пропорціональной избирательной системѣ», такъ какъ она, по словамъ берлинскаго делегата Дрешера, «является однимъ изъ важнѣйшихъ требованій партій и въ то же время противниками рекомендуется, какъ средство уничтоженія соціалдемократіи». «Необходимо выяснить этотъ пунктъ». И партейтагъ безъ преній согласился съ этимъ; но на слѣдующемъ партейтагѣ въ 1896 г. въ Готѣ вопросъ о пропорціональномъ представительствѣ былъ безъ обсужденія снятъ съ очереди и съ тѣхъ поръ о необходимости его обсужденія ничего болѣе не

слышно. Тщетно нѣкоторые делегаты указывали въ Готѣ, что «товарищи» какъ разъ требованія «пропорціональнаго представительства» не понимаютъ и потому партейтагу необходимо его выяснить; партейтагъ согласился не съ ними, а съ Форстеромъ, заявившимъ, что «вопросъ имѣетъ въ настоящее время лишь академическое значеніе».

Въ дѣйствительности же «пропорціональное представительство» является для нѣмецкой соціалдемократіи совсѣмъ не «просто академическимъ», т. е. чисто теоретическимъ вопросомъ, а, напротивъ, очень практическимъ вопросомъ. Съ середины 90-хъ годовъ во многихъ нѣмецкихъ странахъ (Вюртембергѣ, Баденѣ, Баваріи и т. д.) стоитъ на очереди пересмотръ избирательныхъ законовъ, и въ нѣкоторыхъ проектахъ пересмотра встрѣчается пропорціональное представительство; въ Вюртембергѣ въ 1898 г. проектъ новаго избирательнаго закона, вводившаго пропорціональное представительство, только въ послѣднюю минуту разбился о сопротивленіе центра.

Нѣтъ, повторяю, вопросъ о «пропорціональномъ представительствѣ» — совсѣмъ не просто «академическій», а очень практическій и своевременный для всѣхъ соціалистическихъ партій, придающихъ существенное значеніе парламентской борьбѣ, и, очень жаль, что нѣмецкіе соціалдемократическіе партейтаги уклонились отъ его обсужденія, тѣмъ болѣе, что и въ соціалистической литературѣ нѣтъ достаточно обстоятельныхъ работъ по этому вопросу. Но, не считая нужнымъ обсуждать пропорціональное представительство, нѣмецкая соціалдемократія не думаетъ отказываться отъ этого пункта своей программы, такъ какъ для нея является демократической аксіомой, что собраніе народныхъ представителей «должно отражать съ возможно большею вѣрностью всѣ взгляды, желанія, направленія избирателей», что необходимо дать возможность и каждому меньшинству «бросить на вѣсы и свое слово».

Нѣмецкіе соціалдемократы, вѣроятно, изумились бы, узнавъ, что искристы, которыхъ они наивно считаютъ представителями русскаго пролетаріата, отказались внести въ свою программу пропорціональное представительство, какъ разъ изъ боязни, какъ бы

оно «не обезпечило за всякимъ оттѣнкомъ партійнаго теченія возможность имѣть свое представительство». Этотъ доводъ на «невиданномъ съѣздѣ» привелъ Троцкій, поддерживая предложеніе Мартова «выкинуть пунктъ о пропорціональномъ представительствѣ».

Троцкій выставилъ противъ «пропорціональнаго представительства» еще и то, что требованіе его не является «принципіальнымъ». Почему требованіе «пропорціональнаго представительства» «не принципіально», а другія практическія требованія программы въ родѣ «жалованія народнымъ представителямъ» принципіальны — мы не знаемъ, но развѣ вообще «принципіальность» съ точки зрѣнія искристовъ является доводомъ въ пользу какого-нибудь требованія? Не выставилъ ли въ томъ же засѣданіи сослуживецъ Троцкаго по Сибирскому комитету Посадовскій положенія, что «*всѣ демократическіе принципы должны быть подчинены исключительно выгодамъ нашей* (искровской) *партіи*»? И развѣ не одобрилъ этого положенія «самъ» Плехановъ? На «съѣздѣ» былъ моментъ, когда якобинецъ Плехановъ хотѣлъ видимо, отбросить всѣ «демократическіе» принципы, замѣнивъ ихъ принципомъ «выгоднымъ»: «Самодержавіе народа, т. е. сосредоточеніе всей верховной государственной власти въ рукахъ законодательнаго собранія, составленнаго изъ товарища Плеханова, которому предоставляется *единогласно* кооптировать товарищей, умѣющихъ выгоду ставить выше принциповъ». Къ сожалѣнію іезуитъ Плехановъ по обыкновенію побѣдилъ якобинца Плеханова, и въ искровской программѣ осталось всеобщее избирательное право, которое всегда можетъ быть ограничено, двухлѣтній парламентъ, который можетъ быть «разогнанъ черезъ двѣ недѣли или продолженъ до безконечности», «неприкосновенность личности», которую всегда можно безъ суда вздергнуть на висѣлицу и т. д. — все по усмотрѣнію «діалектически мыслящаго» товарища Плеханова.

Для соціал*демократа*, а не соціал*якобинца* не можетъ быть и вопроса о подчиненіи демократическихъ принциповъ «выгодамъ партіи», онъ не можетъ бороться противъ права меньшинства имѣть соотвѣтствующее число представителей въ собраніяхъ, обсуждающихъ и рѣшающихъ законы, которымъ наравнѣ

съ большинствомъ должно подчиняться и меньшинство, онъ не можетъ высказаться противъ *принципа* пропорціональнаго представительства; для него можетъ быть вопросъ лишь о томъ, возможно ли полное и дѣйствительное проведеніе его на практикѣ?

Для небольшихъ представительныхъ собраній, общинныхъ и кантональныхъ, болѣе чѣмъ десятилѣтній опытъ примѣненія пропорціональнаго представительства въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно.

Эмиль Клöти, внимательно изучившій практику пропорціональныхъ выборовъ въ Швейцаріи, изъ противниковъ этой системы сдѣлался ея горячимъ сторонникомъ.

«Шагъ за шагомъ—пишетъ онъ—и почти противъ воли я долженъ былъ все больше и больше убѣждаться въ несостоятельности системы большинства и не только въ теоретическомъ, но и практическомъ превосходствѣ пропорціональной избирательной системы».

Онъ констатируетъ, что всюду, гдѣ была введена пропорціональная система уровень народнаго представительства значительно поднялся. Во время самыхъ выборовъ личная полемика уменьшилась, но борьба принциповъ нисколько не ослабѣла. Измельчанія партій незамѣтно.

Въ предѣлахъ цѣлой страны для выборовъ не только общинныхъ и провинціональныхъ, но и для выборовъ «національныхъ» въ палату и сенатъ пропорціональное представительство примѣняется въ настоящее время только въ Бельгіи, но примѣняется въ очень несовершенномъ, въ очень неполномъ видѣ; тѣмъ не менѣе ея «примѣръ» очень поучителенъ, онъ показываетъ, каково система пропорціональныхъ выборовъ не должна быть, и даетъ исходную точку для отысканія такой системы выборовъ, которая дѣйствительно обезпечивала бы представительство всѣхъ партій и теченій въ странѣ. Искристъ Гусевъ ошибается**), думая, что для выясненія значенія пропорціональнаго представительства «примѣръ Бельгіи неуда-

*) Dr Emil Klöti: «Die Proportionalwahl in der Schweiz» «Zeitschrift für schweizerische Statistik», 1902.

**) См. Протоколы 2-го съѣзда Р. С.-Д. Р. П., стр. 168.

ченъ и ничего не доказываетъ», такъ какъ тамъ «существованіе множественнаго вота сильно затемняетъ значеніе пропорціональнаго представительства». Множественный «вотъ» сильно затемняетъ значеніе не пропорціональнаго представительства, а всеобщаго избирательнаго права. «Примѣръ» Бельгіи доказываетъ очень многое, но, конечно, только тому, кто его знаетъ.

Выборы въ Бельгіи производятся одновременно и «по округамъ» и «по спискамъ». Страна *очень неравномѣрно* раздѣлена на 36 избирательныхъ округовъ, которые въ зависимости отъ числа жителей посылаютъ въ палату отъ 2-хъ до 20-ти слишкомъ депутатовъ каждый. Выборы въ каждомъ округѣ происходятъ «по спискамъ». Всякая группа избирателей, состоящая не менѣе, чѣмъ изъ 100 лицъ, можетъ представить списокъ кандидатовъ на депутатскія мѣста своего округа и ихъ замѣстителей на случай, если тотъ или другой изъ выбранныхъ депутатовъ умретъ или сложитъ съ себя полномочія до новыхъ выборовъ. Имена кандидатовъ и замѣстителей ставятъ въ каждомъ спискѣ одно за другимъ въ порядкѣ, выбираемомъ партіей или группой, представляющей данный списокъ. Всѣ представленные списки отпечатываются на избирательныхъ бюллстеняхъ въ горизонтальномъ направленіи, при чемъ порядокъ опредѣляется жребіемъ.

Надъ каждымъ спискомъ («во главѣ») имѣется небольшой круглый пробѣлъ на темномъ фонѣ. Такіе же пробѣлы находятся справо отъ фамиліи каждаго кандидата и замѣстителя. Избирателю предоставляется голосовать за одинъ изъ списковъ. Онъ можетъ согласиться во всѣмъ спискомъ въ томъ порядкѣ, какъ онъ составленъ; тогда онъ зачерняетъ карандашомъ пробѣлъ «во главѣ» этого списка; но онъ можетъ отдать «предпочтеніе» какому-нибудь изъ кандидатовъ, тогда онъ оставляетъ пробѣлъ во главѣ списка не зачерненнымъ, а зачерняетъ пробѣлъ вправо отъ фамиліи этого кандидата. Сложивъ бюллетень, избиратель передаетъ его предсѣдателю избирательнаго бюро, и тотъ опускаетъ его въ избирательный ящикъ. По окончаніи голосованія бюллетени вынимаются изъ избирательныхъ ящиковъ и подсчитывается число голосовъ полученныхъ каждымъ изъ списковъ, безразлично про-

голосованъ ли весь порядокъ списка или дано «предпочтеніе» одному изъ кандидатовъ. Затѣмъ отыскивается средній или «избирательный дѣлитель». Для этого число голосовъ полученныхъ каждымъ спискомъ послѣдовательно дѣлится на 1, 2, 3, 4 и т. д. Изъ полученныхъ такимъ образомъ для всѣхъ списковъ частныхъ берется столько наибольшихъ, сколько слѣдуетъ выбрать депутатовъ. Наименьшее изъ наибольшихъ частныхъ и будетъ избирательнымъ дѣлителемъ. Въ каждомъ спискѣ считается выбраннымъ столько кандидатовъ, сколько получено частныхъ не меньшихъ, чѣмъ «избирательный дѣлитель».

Для поясненія возьмемъ выборы въ 1902 г. въ округѣ Брюсселя, который посылаетъ въ палату 21 депутата.

Подало голосовъ за списки

Дѣлитъ на	Католическій 99.725	Либеральный 59.934	Соціалистическій 57.512	Христіанско-демократическій 11.851
1	99.725	59.934	57.512	11.851
2	49.862	29.967	28.756	5.925
3	33.241	19.974	19.170	
4	24.931	14.983	11.878	
5	19.945	11.986	11.502	
6	16.620	9.989	9.585	
7	14.246	8.562	8.216	
8	12.245			
9	11.080			
10	9.972			

Если мы выберемъ изъ этихъ 4 списковъ 21 наибольшія числа, то наименьшимъ изъ нихъ будетъ 6-е частное въ спискѣ либераловъ, именно 9.989. Въ спискѣ католиковъ получилось 9 частныхъ не меньшихъ, чѣмъ 9989, на ихъ долю и выпало 9 депутатскихъ мандатовъ; въ спискѣ либераловъ—6; на ихъ долю выпало слѣдовательно 6 депутатскихъ мандатовъ; на долю соціалистовъ—5, на долю христіанскихъ демократовъ—1.

Послѣ распредѣленія депутатскихъ мандатовъ по спискамъ нужно еще опредѣлить, кто изъ кандидатовъ въ каждомъ спискѣ получитъ мандатъ и кто нѣтъ, если въ спискѣ было больше кандидатовъ, чѣмъ на его долю выпало мандатовъ.

Если всѣ избиратели даннаго списка голосовали «во главѣ» его, т. с. признали его порядокъ, то дѣло рѣшается просто, выбранными считаются кандидаты поставленные первыми; въ нашемъ примѣрѣ 9 первыхъ консерваторовъ, 6 первыхъ либераловъ, 5 первыхъ соціалистовъ и 1 первый христ. демократъ. Но, если были «голосованія предпочтенія», то дѣло нѣсколько осложняется, и въ депутаты можетъ попасть кандидатъ, стоящій на одномъ изъ послѣднихъ мѣстъ и не попасть кандидатъ, стоящій на одномъ изъ первыхъ мѣстъ.

Возьмемъ для выясненія процедуры съ «голосами предпочтеній» какой-нибудь фиктивный примѣръ.

Положимъ списокъ соціалистическихъ кандидатовъ и полученныхъ ими «голосовъ предпочтенія» представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Вандервельдъ 500.
Бертранъ 500.
Дельпортъ 500.
Кавро 500.
Дельбестэ 2500.
Конрарди 2000.
Вотерсъ 4000.
Де Брукеръ 8500.
Ванденбругъ 1000.

Голосовъ «предпочтеній» или «именныхъ» подано въ общемъ 20.000; голосовъ за порядокъ списка 30.000; всего 50.000. Кандидатовъ выставлено было соціалистами 9; на ихъ долю пришлось, поло имъ, 5. «Избирательный дѣлитель» былъ, скажемъ, 10.000.

Чтобы достичь его первымъ тремъ кандидатамъ нужно еще по 9.500 голосовъ каждому, которые и берутся изъ голосовъ, поданныхъ за порядокъ списка; это составитъ 28.500 голосовъ, останется еще 1500; они прибавляются къ 500 голосамъ, полученнымъ 4-мъ кандидатомъ (Кавро), что составляетъ 2.000.

Теперь получится такое распредѣленіе голосовъ:

1. Вандервельдъ 11.000.
2. Бертранъ 11.000.
3. Дельпортъ 11.000.
4. Кавро 2.000.
5. Дельпастэ 2.500.
6. Конрарди 2.000.
7. Вотерсъ 4.000.
8. Де Брукеръ 8.500.
9. Вандербургъ 1,000.

Выбранными оказываются не пять первыхъ кандидатовъ, а три первыхъ, затѣмъ седьмой (Вотерсъ) и восьмой (Де Брукеръ).

Это — случай въ дѣйствительности врядъ ли возможный, особенно у соціалистовъ, которые почти никогда не голосуютъ «предпочтенія», такъ какъ ихъ списки являются результатомъ партійныхъ выборовъ въ каждомъ округѣ. Ихъ кандидаты не «назначаются» а выбираются товарищами мѣстной организаціи и заносятся въ списки въ порядкѣ количества полученныхъ ими голосовъ.

«Хорошіе соціалисты — говоритъ одна изъ популярныхъ бельгійскихъ соціалистическихъ брошюръ — голосуютъ всегда за весь списокъ».

Изложенную систему можно назвать удачной, остроумно придуманной, но она, какъ, впрочемъ, и всякая другая система пропорціональныхъ выборовъ, примѣнима лишь тамъ, гдѣ выбирается значительное число депутатовъ, а въ Бельгіи большинство округовъ выбираетъ отъ двухъ до 6 кандидатовъ,

Какая же можетъ быть пропорціональность въ округѣ, который выбираетъ только двухъ кандидатовъ при трехъ или четырехъ партіяхъ?

Представимъ себѣ, что въ какомъ нибудь округѣ съ двумя депутатами выступили католики, либералы и соціалисты. Первые получили 11.000 голосовъ, вторые 5 тысячъ, третьи — 4 тысячи. «Избирательный дѣлитель» равняется въ данномъ случаѣ 5.500 и оба мандата попадаютъ въ руки католиковъ, а 9.000 либеральныхъ и соціалистическихъ избирателей остались безъ представительства. Если такихъ округовъ 10, то вотъ уже 90.000 избирателей, которые въ большомъ

округѣ послали бы при томъ же избирательномъ дѣлителѣ, навѣрное, не менѣе 10 депутатовъ, въ маленькихъ округахъ остаются совсѣмъ безъ представительства.

Но даже въ округахъ съ 6 депутатами наиболѣе многочисленная партія беретъ непропорціонально много.

Такъ, напр., въ Лувенѣ въ 1902 г. клерикалы получили 44.895 голосовъ; соціалисты и либералы 31.092 голоса. Изъ шести депутатскихъ мандатовъ на долю клерикаловъ пришлось четыре, на долю соціалистовъ и либераловъ только 2. Такимъ образомъ консервативный депутатъ представляетъ въ среднемъ 11.220 голосовъ, соціалистическій и либеральный—15.546

Въ результатѣ у католиковъ въ «странѣ» меньшинство, хотя и значительное, а въ палатѣ большинство, хотя и незначительное.

При выборахъ 1902 и 1904 годовъ голоса распредѣлились между партіями слѣдующимъ образомъ:

Клерикалы . . .	1.327.611	49%
Либералы	649.421	24%
Соціалисты . . .	684.326	25%
Мелкія группы .	70.690	2%
Всего . . .	2.692.048	

Клерикалы получили 93 деп. мандата (56%), либералы — 43 (26%), соціалисты — 28 (17%), мелкія группы — 3 (1%).

Между тѣмъ, если-бы была примѣнена настоящая пропорціональная система, т. е. выборы происходили бы не по окружнымъ, а по «національнымъ» спискамъ, то у католиковъ былъ бы лишь 81 депутатъ, у либераловъ—40, у соціалистовъ—42, у мелкихъ группъ—3. Это какъ въ томъ случаѣ, если для отысканія «избирательнаго дѣлителя» примѣнить описанный выше «бельгійскій» способъ, такъ и въ томъ случаѣ, если вывести процентное отношеніе между числами голосовъ разныхъ списковъ и затѣмъ изъ общаго числа мандатовъ взять для каждаго соотвѣтствующій процентъ.

Но даже и при такомъ несовершенномъ и половинчатомъ пропорціональномъ представительствѣ, какъ то, которое примѣняется въ настоящее время въ Бель-

гіи, ея палата депутатовъ вѣрнѣе отражаетъ соотношеніе партійныхъ силъ въ странѣ, чѣмъ до его введенія (въ 1900 г.). Такъ, напр., въ 1894 г. клерикалы, получивъ 51% всѣхъ голосовъ, провели 68% депутатовъ, либералы же, получивъ 29%, провели лишь 13% депутатовъ. Излишекъ клерикальныхъ депутатовъ составлялъ 17%, потерянныхъ, главнымъ образомъ, либералами. Въ настоящее время «излишекъ» клерикальныхъ депутатовъ равняется лишь 7%, теряемыхъ соціалистами.

Нѣкоторые изъ бельгійскихъ соціалистовъ начинаютъ поэтому изъ сторонниковъ «пропорціональнаго представительства» превращаться въ его противниковъ. Но это совершенно напрасно. Виновато не пропорціональное представительство, а его неполное, половинчатое примѣненіе. Для отысканія системы не мнимаго, а дѣйствительнаго пропорціональнаго представительства «примѣръ Бельгіи» во всякомъ случаѣ очень важенъ. Послѣ разбора ея не трудно указать, какъ должна быть устроена система пропорціональныхъ выборовъ.

Мы видимъ, что дѣйствительное и полное проведеніе принципа «пропорціональнаго представительства» возможно только при выборахъ «*по спискамъ*», а не привыборахъ «*по округамъ*». Въ Бельгіи эти двѣ системы смѣшаны къ выгодѣ клерикаловъ, но къ большой невыгодѣ пропорціональнаго представительства.

При системѣ выборовъ «по округамъ» въ ея чистомъ видѣ, какъ она примѣняется во Франціи, Германіи, Англіи и т. д., въ каждомъ округѣ избирается только одинъ депутатъ, и эта система совершенно несовмѣстима съ пропорціональнымъ представительствомъ. Напротивъ, система выборовъ «по спискамъ» въ ея чистомъ и полномъ видѣ создаетъ возможность фактическаго осуществленія пропорціональнаго представительства. При этой системѣ, если ее брать въ законченномъ и цѣльномъ, а не половинчатомъ видѣ, каждый избиратель голосуетъ за списокъ кандидатовъ на *всѣ* мѣста въ соотвѣтствующемъ представительномъ собраніи (общинномъ, областномъ, союзномъ). Избирательные округи устраняются, каждый гражданинъ выступаетъ на выборахъ не какъ избиратель такого-то или такого-то округа, а какъ избиратель въ

такое то народное представительство. Депутаты выступаютъ не отъ того или другого округа, а отъ всѣхъ избирателей, представляемыхъ даннымъ представительнымъ собраніемъ.

Въ остальномъ можно бы слѣдовать примѣру Бельгіи. Составлять и представлять списки имѣла бы право какъ партія, такъ и отдѣльныя небольшія группы, которыя могли бы выставить даже только одного кандидата. Всякое новое и еще слабое теченіе, сторонники котораго разбросаны по всей странѣ, могли бы при этой системѣ имѣть хоть одного своего представителя въ парламентѣ, что при выборахъ по округамъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы они въ какой нибудь мѣстности, составляющей округъ, представляли изъ себя компактное большинство, что никогда не бываетъ. Если бы, напримѣръ, въ Бельгіи ввести выборы по «національнымъ» спискамъ, охватывающимъ всю страну, то группа изъ 13.000 человѣкъ могла бы уже имѣть своего представителя въ палатѣ. Пожалуй, тогда даже анархисты сдѣлались бы сторонниками парламентаризма. Понятно, что искристамъ, какъ изъ якобинскаго «большинства» (нынѣ превращеннаго въ меньшинство). такъ и изъ іезуитскаго «меньшинства» (нынѣ превращеннаго въ большинство), система пропорціональнаго представительства, должна быть ненавистна, какъ ненавистно имъ всякое новое, съ трудомъ пробивающееся теченіе.

При составленіи списковъ демократическія партіи будутъ, конечно слѣдовать примѣру бельгійскихъ соціалистовъ, устраивая свои партійные выборы. Эти выборы будутъ, вѣроятно, какъ и теперь, производиться мѣстными организаціями. Для партійныхъ выборовъ округа, такимъ образомъ, могутъ остаться, и каждый округъ можетъ выставить своего кандидата. Порядокъ помѣщенія кандидатовъ въ списки могъ бы опредѣлиться или значительностью того или другого лица, или числомъ полученныхъ имъ голосовъ на партійныхъ выборахъ или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Во всякомъ случаѣ при системѣ выборовъ «по спискамъ» лица, присутствіе которыхъ въ парламентѣ для партіи особенно важно, никогда не могли бы быть «случайно» забаллотированы, какъ это теперь бываетъ сплошь и рядомъ. При выставленіи кандидатовъ каждою мѣст-

ностью связь между населеніемъ и депутатами не ослабѣла бы, но съ другой стороны вліяніе на выборы личныхъ симпатій и антипатій было бы значительно ослаблено, и для соціалдемократовъ осуществился бы ихъ принципъ, по которому соціалдемократическій избиратель всегда голосуетъ не за то или другое лицо, а за представителя своей партіи. Тогда, дѣйствительно, можно было бы сказать, что каждый депутатскій мандатъ принадлежитъ не выполняющему его лицу и не тому или другому избирательному округу, а всей партіи.

При такой избирательной системѣ составъ каждаго парламента могъ бы дѣйствительно отражать соотношеніе общественныхъ силъ въ данной странѣ. Мы говоримъ «могъ-бы», такъ какъ, конечно, для этого кромѣ пропорціональнаго представительства нужно дѣйствительное, а не мнимое всеобщее равное избирательное право.

Въ Германіи введеніе пропорціональной системы выборовъ по спискамъ уже само по себѣ сдѣлало бы избирательное право равнымъ, но, конечно, не всеобщимъ.

Если ввести при выборахъ въ рейхстагъ предлагаемую нами пропорціональную систему, не расширяя круга лицъ, имѣющихъ въ настоящее время право голоса, то количественное соотношеніе главныхъ фракцій при томъ же числѣ голосовъ, которое каждая получила въ 1903 г., должно измѣниться слѣдующимъ образомъ:

	Въ настоящее время	Въ случаѣ примѣненія пропорціон. системы.
Консерваторы . . .	71	48
Центръ (католики) . .	100	79
Національ-либералы	51	51
Свободомыслящіе . .	21	20
Соціалдемократы . .	79	120

Для нѣмецкой соціалдемократіи, которая строитъ свое будущее на парламентаризмѣ подобно тому, какъ Вильгельмъ II строитъ будущее Германіи «на водѣ», «академическій» вопросъ о пропорціональномъ представительствѣ долженъ казаться очень важнымъ. Мы не ставимъ судьбу пролетаріевъ въ зависимости отъ

большаго или меньшаго числа соціалдемократическихъ депутатовъ въ томъ или другомъ парламентѣ, но мы думаемъ, что и при теперешнемъ строѣ, и при организаціи строя пролетарскаго соціалдемократамъ слѣдуетъ стоять за пропорціальное представительство для всѣхъ представительныхъ собраній. — И совершенно понятно, что парижскій международный конгрессъ 1900 г. призываетъ соціалистовъ стремиться урегулировать всеобщее избирательное право системой пропорціональнаго представительства.

И такъ всеобщее избирательное право для всѣхъ лицъ обоего пола, не исключая иностранцевъ, начиная съ 16-тилѣтняго возраста; прямая подача голосовъ и пропорціональное представительство.

Тотъ же широкій демократическій принципъ долженъ быть приложенъ и къ праву быть избираемымъ. Та же равноправность мужчинъ и женщинъ, туземцевъ и иностранцевъ, то же отсутствіе всякихъ «изъятій» и, на конецъ, тотъ же 16-лѣтній возрастъ. Иной 16-лѣтній рабочій пролетарій окажется въ парламентѣ на столько же полезенъ, насколько теперь вреденъ иной «пожившій» политиканъ.

III.

«Наиболѣе рѣшительнымъ шагомъ пролетарской революціи въ странахъ дѣйствительно парламентскихъ является—говоритъ Каутскій *)—завоеваніе всеобщаго избирательнаго права; въ странахъ же, гдѣ существуетъ лишь подобіе парламентаризма, на долю пролетаріата выпадаетъ другая важная обязанность: завоеваніе вполнѣ парламентскаго режима».

Мы держимся нѣсколько иного взгляда.

Во всѣхъ странахъ съ мнимымъ и дѣйствительнымъ парламентскимъ режимомъ, съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ и безъ всякаго права, съ конституціей и абсолютизмомъ, всюду «на долю пролетаріата выпадаетъ обязанность» завоевать вполнѣ народоправческую, вполнѣ демократическую форму политическаго

---

*) «Parlamentarismus etc.»

устройства, такъ какъ только такая *форма* можетъ вмѣстить *содержаніе* пролетарской революціи: общественное устройство производства съ устраненіемъ частной собственности и эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Парламентскій режимъ въ его «полномъ видѣ», какъ, наприм., въ Англіи, гдѣ, по извѣстному выраженію, «парламентъ не можетъ только сдѣлать изъ женщины мужчину», далеко еще не представляетъ изъ себя народнаго правленія и не обезпечиваетъ ни народной, ни личной свободы.

Правда, въ Англіи нѣтъ еще настоящаго всеобщаго избирательнаго права, но и завоеваніе его было бы еще далеко не достаточно для признанія англійскаго политическаго строя строемъ вполнѣ демократическимъ. Во Франціи имѣется и вполнѣ парламентскій режимъ, и всеобщее избирательное право, болѣе широкое, чѣмъ въ какой нибудь другой странѣ, за исключеніемъ Австралійскихъ колоній, гдѣ въ большинствѣ случаевъ правомъ голоса пользуются не только мужчины но и женщины; однако и французскій политическій строй долженъ быть кореннымъ образомъ перестроенъ, чтобы вмѣстить содержаніе соціальной революціи.

Въ Англіи реакціонной помѣхой для народнаго освобожденія являются очень значительные пережитки феодализма, во Франціи ту же роль играютъ пережитки якобинскіе и имперіалистскіе, каковы централизмъ, милитаризмъ, бюрократизмъ. Но это не все. И въ Англіи и во Франціи помѣхою для народнаго или, что въ сущности то же самое, пролетарскаго освобожденія является до извѣстной степени самъ парламентъ. Тамъ, гдѣ парламентъ—«всесиленъ», тамъ онъ сильно ограничиваетъ народную волю и народную свободу. Въ парламентѣ государственная власть встрѣчается съ общественнымъ самоуправленіемъ; парламентъ въ настоящее время несомнѣнно одно изъ орудій угнетенія въ рукахъ господствующаго класса, парламентъ — въ настоящее время несомнѣнно часть «государства», но чѣмъ ближе онъ становится къ народной массѣ, чѣмъ сильнѣе на него ея непосредственное вліяніе, чѣмъ менѣе независимы депутаты отъ своихъ избирателей, чѣмъ шире кругъ избирателей, чѣмъ слабѣе другіе элементы государства—бюрократія, военщина и т. д.—

тѣмъ сильнѣе тотъ же парламентъ способствуетъ государственному саморазложенію; тѣмъ вѣрнѣе пролетаріатъ можетъ видѣть въ немъ «мѣсто наименьшаго сопротивленія» для своей атаки на государство.

Пролетаріатъ, выставляющій на своемъ знамени народную свободу и народную волю, долженъ стремиться не къ «сосредоточенію всей верховной власти въ рукахъ законодательнаго собранія», какъ говоритъ программа «Искры», а къ подчиненію всякаго представительнаго собранія волѣ народа.

Нельзя, какъ это дѣлаетъ «Искра», ставить знакъ равенства между «самодержавіемъ народа» и «сосредоточеньемъ всей верховной государственной власти въ рукахъ законодательнаго собранія, составленнаго изъ представителей народа и образующаго одну палату.»

Разъ народъ самодержавенъ, то ему и должна принадлежать верховная власть, онъ и долженъ имѣть право сказать свое послѣднее и рѣшающее слово по поводу каждаго закона.

Народъ при дѣйствительно демократическомъ строѣ не «сосредоточиваетъ всю верховную государственную власть въ рукахъ законодательнаго собранія», нѣтъ онъ, какъ прекрасно выражается конституція Цюрихскаго кантона, «пользуется своею законодательною властью *при содѣйствіи* кантональнаго совѣта», т. е. законодательнаго собранія.

Въ этомъ словѣ «содѣйствіе» — истинно демократическое разрѣшеніе вопроса о соотношеніи народной воли и представительныхъ собраній.

Представительное собраніе *содѣйствуетъ* народу въ пользованіи имъ своею законодательною властью, оно вырабатываетъ и обсуждаетъ законопроекты, но народъ имѣетъ право принимать или отвергать ихъ, онъ имѣетъ право и самостоятельно выработать и принять какой-угодно законъ.

Вырабатывая въ 1869 г. на этихъ основахъ новую конституцію Цюрихскаго кантона, комиссія учредительнаго совѣта совершенно вѣрно заявила: «Дѣло идетъ о преобразованіи нашей кажущейся верховной власти въ настоящую верховную власть народа, — въ перенесеніе господства и силы изъ рукъ немногихъ на могучія плечи всего общества.»

И когда въ учредительномъ собраніи либералъ Сутеръ предложилъ ограничиться народнымъ veto, т. е. правомъ народа налагать свое запрещеніе на тотъ или другой законъ, принятый законодательнымъ собраніемъ, демократы отвѣчали ему такъ: «На государственномъ кораблѣ, какъ его устраиваетъ Сутеръ, большой совѣтъ (законодательное собраніе) держитъ компасъ и руль, въ то время, какъ настоящій правитель стоитъ на берегу и смотритъ на уходящее судно... Это —недовѣріе къ народу, къ его способности управлять государственнымъ кораблемъ... Мы, напротивъ, мы полны довѣрія къ народу... Референдумъ и иниціатива — новыя права. Въ противуположность представительной системѣ открылась новая эра народнаго, демократическаго, прямого законодательства. Сутеръ намъ говоритъ: большой совѣтъ — главный носитель законодательной власти, народъ только его помощникъ. Мы, напротивъ, говоримъ: «законодательная власть живетъ въ народѣ и для осуществленія ея онъ пользуется отчасти большимъ совѣтомъ.»

При подобномъ же пересмотрѣ Сэнтъ.-Галленской конституціи въ 1831 году демократъ Діогъ, требуя для народа права утверждать законы, ставилъ вопросъ такъ: «Главное, по моему, знать, какой принципъ будетъ руководить нашимъ дѣломъ? Я знаю только одинъ—самодержавіе народа. Самодержцу принадлежитъ высшая власть, его воля—законъ. Мнѣ говорятъ о представительномъ самодержавіи, но уполномоченный уже не самодержецъ. Народъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, но, если ему въ опекуны даютъ большой совѣтъ (законодательное собраніе), то онъ уже не совершеннолѣтній.»

Принципъ непосредственнаго народнаго самодержавія нашелъ себѣ практическое выраженіе въ народной законодательной **иниціативѣ** и народномъ законодательномъ **референдумѣ**, которые составляютъ одинъ изъ краеугольныхъ камней политическаго строя Швейцаріи, прекрасно привились въ демократіяхъ Австраліи и начинаютъ примѣняться въ нѣкоторыхъ штатахъ С.-Америки.

Каутскій, указавъ въ своемъ «Парламентаризмѣ» на то, что въ Швейцаріи «существуетъ своего рода равновѣсіе классовъ», прибавляетъ:

«Съ другой стороны швейцарскіе товарищи настолько счастливы, что уже въ настоящее время (1893) имѣютъ все, что можно требовать въ отношеніи политическихъ правъ. Если они хотятъ дѣйствовать положительнымъ образомъ, проявлять практическую активность, не ограничиваться агитаціей и демонстраціями, имъ остается только немножко улучшить и прикрасить политическое зданіе, уже законченное въ цѣломъ.»

Это сильное и, по нашему мнѣнію, очень вредное преувеличеніе. Въ Швейцаріи женщины не пользуются политическими правами, въ Швейцаріи иностранцы, составляющіе чуть не половину рабочаго пролетаріата, совершенно безправны, какъ можно сказать, что тамъ имѣется «*все*, чего можно требовать въ отношеніи политическихъ правъ?»

Но, по сравненію, съ другими европейскими государствами Швейцарія имѣетъ для *своихъ гражданъ* завидныя демократическія учрежденія—народную инициативу и референдумъ.

Они являются не выдумкой какого-нибудь «политическаго ума», а естественнымъ приспособленіемъ старыхъ швейцарскихъ народоправствъ къ условіямъ новой политической жизни. Въ основѣ первыхъ швейцарскихъ общественныхъ организацій, въ основѣ ихъ общинъ, лежало право народа принимать непосредственное участіе во всѣхъ дѣлахъ, касающихся общежитія, и, конечно, въ установленіи общеобязательныхъ правилъ или законовъ.

Согласно правилу древнихъ германцевъ, замѣченному еще Тацитомъ, въ швейцарскихъ самоуправляющихся общинахъ лишь незначительныя дѣла рѣшались совѣтомъ старѣйшинъ, важныя же дѣла рѣшали *всѣ*, т. е. собраніе всѣхъ общинниковъ. Изъ общинъ стали образовываться кантоны и союзы кантоновъ, но законодательство долго еще продолжало сосредоточиваться въ рукахъ самого народа, собиравшагося на «мірскіе сходы».

Мірскіе сходы (Landesgemeinde) бывали очередные и чрезвычайные. Очередные происходили обыкновенно разъ въ годъ. Граждане сходились на площади подъ открытымъ небомъ. Проекты законовъ предлагались какъ кантональнымъ совѣтомъ, такъ и просто опредѣ-

леннымъ числомъ гражданъ, напр., въ Ури для представленія законопроекта нужно было соглашеніе между 7 членами 7 различныхъ семей. Собраніе простымъ большинствомъ принимало или отвергало предложенные проекты, и затѣмъ расходилось. Этотъ порядокъ голосованія законовъ, это примитивное народное правленіе два кантона (Ури и Гларусъ) и четыре полукантона (два Унтервальдена и два Аппенцеля) сохранили до сихъ поръ.

Въ бо́льшихъ кантонахъ, какъ, напр., Бернскомъ, вмѣсто одного «мірского схода» собиралось нѣсколько окружныхъ собраній, и вопросы рѣшались по ихъ большинству, но въ этихъ кантонахъ въ XVI и XVII вѣкѣ раздѣленіе общества на господствующее меньшинство знатныхъ богачей («патриціевъ») и угнетенныхъ бѣдняковъ достигло уже такихъ размѣровъ, что сдѣлалось несовмѣстимымъ съ народоправствомъ, и народное законодательство начало постепенно вытѣсняться.

Вытѣсненіемъ народнаго законодательства «этого жизненнаго элемента швейцарскихъ народностей» Курти *) объясняетъ непрочность и нестройность швейцарскаго союза до 1848 года. Патриціи большихъ кантоновъ, устранивъ у себя народное правленіе и замѣнивъ его олигархіей, стремились подчинить себѣ и населеніе другихъ болѣе демократическихъ кантоновъ; ни о какой истинной федераціи, какъ свободномъ союзѣ взаимопомощи не могло быть при этомъ и рѣчи, такъ какъ она предполагаетъ самоуправленіе каждой изъ союзныхъ частей. Противорѣчіе между олигархіями большихъ кантоновъ и мірскими сходами въ нѣкоторыхъ маленькихъ кантонахъ послужило одной изъ причинъ «швейцарской крестьянской войны» середины XVII вѣка.

Возставшіе противъ «патриціевъ» крестьяне хотѣли возстановить старое народоправство, они стремились къ «союзу вольныхъ общинъ», управляющихся «мірскими сходами». Союзныя дѣла должны были рѣшаться «обще союзнымъ мірскимъ сходомъ». Ихъ союзная грамота начиналась заявленіемъ: «мы хотимъ имѣть и держать первый союзъ, какъ старые швейцарцы кля-

*) Θ. Курти. «Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи», изданіе товарищества «Знаніе».

лись нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ», они требовали, чтобы «каждому селенію была предоставлена его старинная свобода и судъ, какъ со древнихъ временъ было въ обычаѣ.»

«Политическій строй, который крестьяне хотѣли дать Швейцаріи,—говоритъ Курти—сходъ, какъ высшая власть въ каждой долинѣ, и общесоюзный сходъ, какъ представительство всей Швейцаріи,—въ гораздо большей степени соотвѣтствовалъ традиціямъ и идеѣ развитія, положительному праву и требованіямъ разума, чѣмъ существовавшій тогда порядокъ.»

«Народъ—говоритъ Гэннэ-Амрикъ—состоялъ тогда не изъ теоретиковъ и идеалистовъ. Онъ отнюдь не имѣлъ яснаго представленія о своихъ естественныхъ правахъ, но онъ чувствовалъ ихъ и долженъ былъ чувствовать, если онъ сравнивалъ свои права и вольности, отъ которыхъ уцѣлѣли лишь незначительные остатки, съ одной стороны съ прежними порядками, а съ другой — съ политическимъ положеніемъ въ кантонахъ, управлявшися мірскими сходами, гдѣ каждый пастухъ подавалъ свой голосъ на сходѣ и свободно избиралъ должностныхъ лицъ».

Патриціи дѣйствовали съ «жестокою послѣдовательностью» и іезуитскою изворотливостью; крестьяне, напротивъ, проявляли слишкомъ много довѣрчивости и миролюбія. Возстаніе было усмирено, и «что еще уцѣлѣло отъ старинныхъ правъ, то правительства уничтожали теперь безъ всякой пощады».

Но побѣжденный «народъ» не примирялся съ своею участью: то тамъ, то тутъ вспыхивали возстанія, и почти всюду лозунгомъ были старинныя права, старинная народная воля. Возставали не только крестьяне, за возстановленіе попранныхъ народныхъ правъ все чаще и чаще подымались и угнетенные горожане.

Исторія Женевы XVIII вѣка полна трагическими эпизодами упорной борьбы «простыхъ» горожанъ съ аристократіей за народное право голосовать законы. Среди мучениковъ этой борьбы особенно извѣстны Фатіо, Ле-Метръ и Мишели-дю-Крестэ.

Мишели училъ въ своихъ «максимахъ», что «чѣмъ многочисленнѣе народныя собранія, чѣмъ больше дѣлъ передается на ихъ рѣшеніе, тѣмъ прочнѣе и просвѣщеннѣе реепублика.» «Есть три рода тираній»—пи-

салъ онъ — «тиранія одного человѣка, тиранія немногихъ лицъ и тиранія массы. Незначительнѣе всѣхъ эта послѣдняя, потому что масса не обладаетъ достаточной хитростью для того, чтобы она могла сдѣлать много зла. Лишь въ свободномъ, демократическомъ государствѣ возможно то братство, которое священныя книги христіанскаго ученія вмѣняютъ въ обязанность людямъ.»

Нерѣдко побѣда склонялась на сторону народа, и права гражданъ въ смыслѣ прямого участія въ законодательствѣ расширялись, но тутъ вмѣшивались иностранныя державы, въ особенности Франція, и господствующему классу возвращались его привиллегіи.

Одновременно съ Женевой борьба за народныя права велась и въ Бернѣ, гдѣ особенно извѣстенъ заговоръ Генци въ 1774 году. Генци требовалъ, чтобы городскіе совѣты избирались народомъ и могли вырабатывать лишь проекты законовъ, «право же утвержденія или не утвержденія ихъ должно принадлежать собранію всего народа.» Генци и его товарищи были преданы измѣнниками и умерли на эшафотѣ.

Черезъ 6 лѣтъ послѣ казни Генци и товарищей, народное возстаніе вспыхнуло въ Фрейбургѣ. Дѣло дошло до сраженія, въ которымъ возставшіе были разбиты, а ихъ руководитель Шено убитъ однимъ измѣнникомъ. При извѣстіи о возстаніи, бернскіе патриціи немедленно двинули свое войско на помощь фрейбургскимъ аристократамъ. Вообще, если въ XVIII вѣкѣ въ Швейцаріи не было между кантонами союза свободы, то несомнѣнно былъ союзъ угнетенія. «Патриціевъ» объединялъ «государственный принципъ», въ силу котораго кантоны должны были «помогать другъ другу въ подавленіи возстаній безъ всякаго разслѣдованія дѣла и посредничества, существовавшихъ въ прежнія времена.»

Къ концу XVIII вѣка, когда во Франціи разразилась великая революція, въ большихъ кантонахъ Швейцаріи царилъ, по выраженію Гете, «рой мелкихъ тирановъ». Эти «мелкіе тираны» были достаточно сильны, чтобы подавлять народныя вспышки, но французской революціонной арміи они не могли оказать никакого серьезнаго сопротивленія.

Въ 1798 г. Швейцарія была «завоевана» францу-

зами, но не присоединена къ Франціи, а превращена въ «единую и нераздѣльную республику» Гельвецію. Ея конституція провозглашала «права человѣка» и вводила представительныя учрежденія по французскому образцу. Интеллигенція съ восторгомъ встрѣтила и «права человѣка», и представительныя учрежденія, но народныя массы предпочли-бы возстановленіе «старинныхъ правъ». Швейцарскія «старинныя права» имѣли много общаго съ нѣкоторыми постановленіями французской конституціи 1793 года, но какъ разъ эти постановленія и не вошли въ швейцарскую конституцію 1798 г.

Французская конституція 1793 года предоставляла народу право протеста противъ законовъ, вырабатываемыхъ представительнымъ собраніемъ: разъ въ теченіе 14 дней послѣ обнародованія закона, по крайней мѣрѣ, въ половинѣ департаментовъ десятая часть «первичныхъ собраній» заявляетъ протестъ, то законъ долженъ быть переданъ на всенародное голосованіе, которое утверждаетъ или отвергаетъ его. Въ категорію «законовъ» входили, между прочимъ, объявленіе войны, бюджетъ, международные договоры.

Сама конституція 1793 г. была утверждена всенароднымъ голосованіемъ. Это было первое прямое всенародное законодательное голосованіе на территоріи цѣлой страны.

Швейцарская конституція 1798 г. не упоминаетъ о правѣ народнаго протеста, и сама она не была утверждена всенароднымъ голосованіемъ. Помимо всего остального она была чуждой народу и потому, что вводила централизмъ, между тѣмъ какъ швейцарцы такъ сказать инстинктивные сторонники мѣстной автономіи, и та демократическая война, которая въ началѣ французской революціи и подъ ея вліяніемъ поднялась въ Швейцаріи, лишь въ «образованномъ обществѣ» пробудила централистическія стремленія, въ народныхъ же массахъ она усилила стремленія центробѣжныя: нѣкоторыя общины, какъ, напр., Саксъ въ Цюрихскомъ кантонѣ, объявили себя самостоятельными республиками.

Во всякомъ случаѣ конституція единой Гельвеціи 1798 г. опиралась не на поддержку народныхъ массъ, а на французскіе штыки.

Конституція 1798 г. была замѣнена сначала конституціей 27 февраля 1802 г., продиктованной Наполеономъ, а затѣмъ конституціей 20 мая 1802 г., выработанной въ собраніи нотаблей. Конституція была передана на голосованіе всѣхъ гражданъ старше 20 лѣтъ. 72.453 голоса высказались за; 92.423 — противъ; тѣмъ не менѣе конституція была признана *принятой*, такъ какъ къ голосовавшимъ за конституцію были «по декрету» присоединены 162.172 голоса гражданъ, воздержавшихся отъ голосованія.

Это было первое примѣненіе во всей Швейцаріи *конституціоннаго или учредительнаго референдума**), который въ настоящее время является основнымъ принципомъ ея политическаго строя, но теперь уже никакой «декретъ» не можетъ распоряжаться голосами гражданъ, воздержавшихся отъ голосованія.

Противъ майской централистической конституціи 1802 г. возстали федералисты и выработали въ Швицѣ свою федералистическую конституцію. Наполеонъ нашелъ для себя выгоднымъ явиться посредникомъ между централистами и федералистами и примирить ихъ конституціей 1803 года, извѣстной подъ названіемъ «посредническаго акта». «Посреднической актъ» установилъ для большихъ кантоновъ представительное правленіе съ избирательнымъ правомъ, ограниченнымъ имущественнымъ цензомъ, но маленькіе горные кантоны сохранили свои мірскіе сходы подъ открытымъ небомъ для выбора должностныхъ лицъ и голосованія законовъ. Въ 1815 году «актъ посредничества» смѣнился союзнымъ договоромъ, по которому всякій кантонъ самостоятельно устанавливаетъ свой политическій строй и соединяется съ другими кантонами сеймомъ не изъ представителей народа, а изъ представителей делегатовъ. Большіе

---

*) Слово *референдумъ* (referendum), означающее въ настоящее время право народа непосредственнымъ всеобщимъ голосованіемъ отвергать законы, какъ основные (конституціонные), такъ и обыкновенные, выработанные и принятые собраніемъ народныхъ представителей, ведетъ свое начало отъ соотвѣтствующаго выраженія, которое употреблялось въ старомъ швейцарскомъ союзномъ собраніи, куда делегаты отъ отдѣльныхъ кантоновъ являлись ad audiendum et referendum, т. е. чтобы выслушать предложенія и затѣмъ дать о нихъ отчетъ (referre) своимъ согражданамъ.

кантоны (Бернъ, Цюрихъ, Базель, Женева, Люцернъ, Фрейбургъ, Золотурнъ и Шафгаузенъ) возстановили у себя олигархическое правленіе патриціевъ, новые кантоны (Сентъ-Галленъ, Ааргау, Тургау, Вадтъ, Тессинъ) сохранили представительныя учрежденія съ цензовымъ избирательнымъ правомъ, Граубюнденъ и Валлисъ остались федераціями общинъ и округовъ съ представительными, но не всенародными собраніями; наконецъ маленькіе горные кантоны попрежнему сохранили свое старинное устройство; только въ этихъ послѣднихъ продолжалъ горѣть огонь народной свободы и народной воли, надъ всей-же остальной Швейцаріей тяготѣлъ режимъ «мелкихъ тирановъ».

Но съ 1829 г. снова начинается періодъ безпрерывныхъ волненій, революцій, гражданскихъ войнъ, періодъ «возрожденія» народныхъ правъ въ большихъ кантонахъ. Идея народнаго самодержавія, неразрывно связанная съ идеей непосредственнаго народнаго законодательства, пролагаетъ себѣ путь къ практическому осуществленію. Въ 1831 г. Сентъ-Галленъ вводитъ у себя народное вѣто (veto), т. е. право народа налагать свое запрещеніе на принятые представительнымъ собраніемъ законы, т. е. другими словами — отвергать ихъ. Вслѣдъ за Сентъ-Галленомъ «народное вѣто» вводятъ у себя Базель-деревня (1832 г.), Валлисъ (1839 г.), Люцернъ (1841 г.). Въ 1845 году Вадтъ идетъ даже далѣе «народнаго вѣто» и вводитъ у себя факультативный референдумъ и народную инициативу. Даже наиболѣе аристократическій изъ всѣхъ кантоновъ, Бернъ принужденъ въ 1846 г. ввести въ свою конституцію факультативный референдумъ. Упорная борьба за «вѣто» велась и въ Цюрихѣ, но окончилась пораженіемъ сторонниковъ «вѣто» въ 1842 г., правда лишь для того, чтобы впослѣдствіи вспыхнуть съ новой силой и въ концѣ концовъ окончиться полной побѣдой народнаго законодательства.

Народныя побѣды въ отдѣльныхъ кантонахъ разрушили швейцарскій союзъ правительствъ, но за то создали союзъ швейцарскаго народа. Послѣ побѣды радикаловъ надъ «обособленнымъ союзомъ» (Sonderbund) въ 1847 г. конституція 1848 г. уничтожаетъ союзъ правительствъ и провозглашаетъ образованіе «народомъ 22 самодержавныхъ кантоновъ швейцарскаго

союза». Конституція заявляетъ, что кантоны самодержавны и пользуются правами, которыми не облечена власть союзная, но она устанавливаетъ принципы, которыми обязательно должны руководиться всѣ кантоны: *ихъ конституціи должны быть признаны народомъ и должны подвергаться пересмотру по требованію абсолютнаго большинства гражданъ*; этими конституціями всѣмъ гражданамъ должно быть обезпечено пользованіе политическими правами при обязательно республиканской формѣ правленія (представительной или чисто демократической), наконецъ въ нихъ не должно заключаться ничего противнаго предписаніямъ конституціи союзной. Союзная конституція была подвергнута всенародному голосованію и была принята въ $15^1/_2$ кантонахъ, а отвергнута въ $6^1/_2$, которые, конечно, подчинились большинству.

Конституція 1848 г. даетъ новый толчекъ къ распространенію народнаго законодательства въ формѣ референдума и народной иниціативы. Особенно широкое примѣненіе нашло себѣ народное законодательство и вообще непосредственное народное правленіе въ цюрихскомъ кантонѣ по конституціи 1869 г. Она устанавливаетъ за всѣми правоспособными гражданами право предложенія (иниціативы) новыхъ законовъ, а также отмѣны или измѣненія законовъ старыхъ. Такія требованія могутъ быть предъявлены или въ формѣ общаго указанія, или въ формѣ выработаннаго проекта. Если такое требованіе будетъ предъявлено хотя бы однимъ гражданиномъ или учрежденіемъ и встрѣтитъ поддержку со стороны одной трети членовъ кантональнаго собранія, выбираемаго всеобщей подачей голосовъ, то оно должно быть передано на голосованіе народа. Гражданинъ, сдѣлавшій предложеніе, или делегатъ того учрежденія, отъ котораго оно исходитъ, имѣетъ право лично мотивировать или обосновать свое предложеніе въ собраніи кантональнаго совѣта, если его просьба о личномъ обоснованіи будетъ поддержана 25 членами этого собранія. Предложеніе, сдѣланное 5000 правоспособныхъ гражданъ или нѣсколькими общинами, въ которыхъ по крайней мѣрѣ 5000 правоспособныхъ гражданъ высказались въ пользу даннаго предложенія, должны передаваться на народное рѣшеніе, если кантональный

совѣтъ не приметъ самъ предлагаемыхъ мѣръ. Всякое своевременно поданное предложеніе должно быть передано на народное рѣшеніе не позже, какъ во второе изъ слѣдующихъ очередныхъ народныхъ голосованій. Всякое предложеніе или проектъ должны до голосованія представляться кантональному совѣту для его отзыва и заключенія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда законопроектъ, представленный народной иниціативой, поступаетъ на голосованіе, кантональный совѣтъ можетъ предложить на рѣшеніе народа кромѣ своего отзыва также измѣненный имъ проектъ.

Конституція устанавливаетъ далѣе обязательное народное голосованіе или референдумъ для всѣхъ законодательныхъ актовъ и важнѣйшихъ постановленій кантональнаго совѣта. Къ этимъ послѣднимъ относятся всѣ единовременные расходы на сумму свыше 250.000 франковъ или новые періодическіе расходы на сумму свыше 20.000 франковъ.

Народныя голосованія происходятъ ежегодно 2 раза, весною и осенью. «Участіе въ голосованіи есть долгъ всякаго гражданина». Голосованія производятся въ общинахъ посредствомъ урнъ. Вопросы рѣшаются абсолютнымъ большинствомъ утвердительныхъ и отрицательныхъ голосовъ.

Почти одновременно съ Цюрихомъ обязательное голосованіе всѣхъ законовъ принялъ Бернъ, затѣмъ послѣдовалъ Золотурнъ, Аргау и т. д. Въ настоящее время только въ одномъ Фрейбургѣ нѣтъ прямого народнаго правленія, въ остальныхъ народное правленіе примѣняется болѣе или менѣе въ широкой формѣ. Въ четырехъ кантонахъ существуютъ народныя законодательныя собранія, въ $6^1/_2$ обязательный референдумъ и иниціатива, въ $4^1/_2$ не обязательный референдумъ и иниціатива, и въ 6 тѣ же учрежденія, но не въ полномъ объемѣ.

Если союзная конституція 1848 г., являясь слѣдствіемъ «возрожденія» отдѣльныхъ кантоновъ, послужила въ свою очередь толчкомъ къ ускоренію ихъ демократической эволюціи, то опять таки эта ускоренная демократическая эволюція не могла остаться безъ воздѣйствія на конституцію союза. Чѣмъ крѣпче становился союзъ, чѣмъ больше значенія для каждаго отдѣльнаго гражданина пріобрѣтало союзное законо-

дательство, тѣмъ настоятельнѣе чувствовалась потребность усилить демократизмъ союзной конституціи введеніемъ въ нее прямого народнаго законодательства. При пересмотрѣ союзной конституціи въ 1872 г. въ нее, дѣйствительно, были внесены статьи о референдумѣ и народной иниціативѣ для союзныхъ законовъ, но въ то же время была значительно усилена зависимость отдѣльныхъ кантоновъ отъ союза; эта централистическая тенденція вызвала противъ проекта конституціи 1872 года сильную оппозицію, особенно въ старыхъ кантонахъ, и народное голосованіе отвергло его 291.072 голосами против 255.609 голосовъ

Послѣ ослабленія централистическихъ пунктовъ и измѣненія нѣкоторыхъ другихъ статей проектъ новой конституціи былъ въ 1874 г. снова подвергнутъ всенародному голосованію и на этотъ разъ принятъ 340.199 гражданъ противъ 198.013 гражданъ и $14^1/_2$ кантоновъ противъ $7^1/_2$.

Ст. 89 этой конституціи устанавливаетъ для союзнаго законодательства необязательный *референдумъ*.

«Для принятія союзныхъ законовъ и союзныхъ постановленій необходимо согласіе обоихъ совѣтовъ. Союзные законы, а также общеобязательныя союзныя постановленія, которыя не могутъ быть признаны неотложными, должны, сверхъ того, предлагаются народу для принятія или отверженія, если этого потребуютъ 30.000 правоспособныхъ швейцарскихъ гражданъ и восемь кантоновъ».

Права народной иниціативы въ конституціи 1874 года не было, но оно было внесено въ нее народнымъ голосованіемъ 5 іюля 1891 г.

Съ этихъ поръ 50.000 правоспособныхъ гражданъ могутъ требовать всенароднаго голосованія всѣхъ предлагаемыхъ ими частичныхъ измѣненій или дополненій союзной конституціи. Такъ какъ не опредѣлена разница между обыкновенными законами и конституціонными дополненіями, то на практикѣ союзной народной иниціативой пользуются для предложенія всѣхъ вообще законовъ, иногда очень незначительныхъ. Такъ, наприм., въ 1893 г. правомъ народной иниціативы при пересмотрѣ конституціи 50.000 гражданъ воспользовалась для проведенія запрещенія «убоя скота безъ предварительнаго его оглушенія».

Это «запрещеніе» фигурируетъ теперь въ швейцарской союзной конституціи.

Несомнѣнно, что народное законодательство находится въ Швейцаріи еще далеко не въ конечной стадіи своего развитія. Предстоитъ еще распространеніе обязательнаго всенароднаго голосованія на законы всѣхъ кантоновъ и на законы союзные, предстоитъ еще дальнѣйшее развитіе народной иниціативы, но во всякомъ случа для установленія прямого народнаго правленія сдѣлано уже очень много и сдѣлано безповоротно. Мы останавливаемся такъ подробно на развитіи народнаго законодательства въ Швейцаріи, такъ какъ формамъ его, выработаннымъ въ долгой и упорной борьбѣ, несомнѣнно суждено стать международными, т. е. быть принятыми истинно-демократическими общежитіями всѣхъ странъ.

Народная иниціатива и референдумъ стоятъ среди требованій почти всѣхъ соціалистическихъ партій, и Парижскій международный конгрессъ 1900 г., «принимая во вниманіе, что верховная власть принадлежитъ народу и что *прямое народное законодательство* составляетъ принадлежность этой верховной власти, провозгласилъ необходимость обезпечить пользованіе этою верховною властью путемъ сохраненія *народныхъ правъ иниціативы и референдума*».

Прямого народнаго законодательства посредствомъ предложенія и отклоненія законовъ требуетъ и эрфуртская программа нѣмецкой соціалдемократіи. Въ сжатомъ, но чрезвычайно дѣльномъ поясненіи къ этому требованію Бруно Шенланкъ ссылается, между прочимъ, на исторію Швейцаріи, какъ на «поучительный примѣръ побѣднаго шествія» идеи непосредственнаго народнаго законодательства, «этой народной, исторически обусловленной мысли».

«Чѣмъ глубже мысль рабочаго класса — пишетъ Шенланкъ—проникаетъ въ политическія и общественныя условія, чѣмъ съ большею мощью ростетъ классовое сознаніе, тѣмъ яснѣе и сильнѣе покажетъ народное законодательство, что представляютъ изъ себя соціалдемократы и чего они хотятъ. То, чего хотятъ широкіе круги населенія, не можетъ тогда оставаться безъ вниманія, оно будетъ представляться на усмотрѣніе, на принятіе или отклоненіе всѣхъ гражданъ,

народное представительство будетъ стоять подъ постояннымъ контролемъ народа, рабочіе добьются того положенія, какое имъ принадлежитъ въ силу ихъ положенія, числа и политической зрѣлости».

Таково значеніе прямого народнаго законодательства въ формѣ народной инціативы и референдума по словамъ Шенлака въ программномъ комментаріи, написанномъ по порученію партіи. Но другой германскій соціалдемократъ, имя котораго особенно тѣсно связано съ Эрфуртской программой и которому принадлежитъ поясненіе ея теоретической части, именно Карлъ Каутскій относится къ прямому народному законодательству съ большимъ недоброжелательствомъ и въ своей работѣ о «Парламентаризмѣ», а также въ разборѣ проекта программы партійнаго правленія приводитъ такъ много доводовъ противъ него, что приходится удивляться, почему онъ все же и въ своемъ собственномъ проектѣ, легшемъ въ основу Эрфуртской программы, поставилъ «прямое участіе народа въ законодательствѣ при посредствѣ права предложенія и отклоненія».

Въ доводахъ Каутскаго противъ прямого народнаго законодательства очень интересно и поучительно разобраться, чтобы еще сильнѣе укрѣпиться въ убѣжденіи, что всенародное голосованіе законовъ является однимъ изъ необходимыхъ условій истинно демократическаго общества.

Болѣе чѣмъ скептическое отношеніе Каутскаго къ народному законодательству вытекаетъ изъ его своеобразнаго отношенія къ народу и демократіи.

Онъ признаетъ, что «формально прямое законодательство по сравненію съ представительной системой безспорно прогрессъ въ смыслѣ демократіи». «Но, прибавляетъ онъ, демократія для насъ не самоцѣль, а *лишь* средство къ высшей и болѣе важной цѣли: соціальному переустройству общества. Соціалдемократія по всей своей сущности революціонна; напротивъ формальная демократія лишь при опредѣленныхъ условіяхъ, въ общемъ же она скорѣе консервативна. Въ такъ называемыхъ свободныхъ штатахъ демократическими называютъ себя большею частью самыя консервативныя партіи. Такъ это въ отдѣльныхъ кантонахъ Швейцаріи, такъ въ Сѣверной Америкѣ, такъ въ раз-

личныхъ республикахъ Южной Америки. Почти повсюду демократической партіей является партія, представляющая интересы деревни противъ интересовъ промышленнаго населенія. А сельское населеніе по своимъ соціальнымъ тенденціямъ въ своемъ огромномъ большинствѣ реакціонно».

Въ этихъ разсужденіяхъ Каутскій прежде всего объединяетъ двѣ вещи, носящія одно и то же названіе, но по существу совершенно различныя.

Народное законодательство «формально» или «неформально» является «прогрессомъ» демократіи, какъ извѣстнаго политичес аго строя, а не какъ партіи, именующей себя демократической. Если какія-нибудь партіи, именующія себя демократическими, на дѣлѣ «консервативны», то это еще ничего не говоритъ противъ демократическаго строя и народнаго законодательства. Не говоритъ противъ демократической строя и то, что онъ для соціалдемократіи не самоцѣль, а «лишь средство къ высшей цѣли». Изъ этого слѣдуетъ, напротивъ, что народное законодательство, будучи прогрессомъ демократіи, усиливаетъ это «средство къ высшей цѣли» и слѣдовательно очень важно для соціалдемократіи.

Впрочемъ, утвержденіе, что демократическій строй—*лишь* средство къ соціальному переустройству, по меньшей мѣрѣ, не точно. Что такое демократія или демократическій строй? Это народное самоуправленіе, это — отсутствіе всѣхъ привиллегій, это равноправное участіе въ дѣлахъ, касающихся всего общежитія.

Эта то политическая форма, которую пролетаріатъ долженъ повсюду установить «на другой день послѣ соціальной революціи», какъ это утверждаетъ тотъ же Каутскій въ своей работѣ, въ заголовкѣ которой стоятъ эти послѣднія слова.

Но, конечно, демократія, чтобы быть дѣйствительной, а не формальной, предполагаетъ соціальный переворотъ, вводящій экономическую равноправность и народное управленіе хозяйственной жизнью. Слѣдовательно можно сказать, что не демократія является «лишь средствомъ» къ соціальному устройству общества, а наоборотъ соціальное переустройство общества является если не средствомъ, то условіемъ для установленія дѣйствительной демократіи.

Можно себѣ представить, что формальная демократія ведетъ къ соціальному переустройству, но не съ демократическими, а съ аристократическими учрежденіями въ духѣ, положимъ, Огюста Конта, т. е. съ учеными и банкирами, какъ общественными владыками, но такой строй не является, конечно, цѣлью соціалдемократіи. «Не точны» утвержденія Каутскаго и относительно «демократическихъ партій» и представляемыхъ ими «интересовъ сельскаго населенія» «Наиболѣе консервативныя партіи», именующія себя демократическими, представляютъ не «интересы» огромнаго большинства сельскаго населенія, а лишь его иллюзіи, предразсудки, непониманіе своихъ интересовъ; дѣйствительные же интересы огромнаго большинства сельскаго населенія представляетъ, какъ доказываетъ тотъ же Каутскій во многихъ своихъ работахъ, единственно истинно-демократическая партія — соціалдемократія. «Не точно» и противопоставленіе «промышленнаго населенія» «сельскому населенію». У того и другого, если брать массу, то ея правильно понятые интересы въ сущности одинаковы. Во всякомъ случаѣ между малоземельными крестьянами и промышленнымъ пролетаріатомъ гораздо болѣе «общаго интереса», чѣмъ между промышленными рабочими и фабрикантами.

Каутскій находитъ возможнымъ говорить о сельскомъ «населеніи», о промышленномъ «населеніи», какъ о чемъ то однородномъ или, по крайней мѣрѣ, объединенномъ общими интересами, но онъ возмущается, когда говорятъ объ общихъ интересахъ *народа*. Вообще «народъ» не даетъ Каутскому покоя, и въ своей статьѣ по поводу «проекта новой партійной программы» онъ на 40 страницахъ 4 раза нападаетъ на «народъ», стараясь его уничтожить.

Недовольный тѣмъ, что проектъ программы, составленный партійнымъ правленіемъ заставляетъ соціалдемократію бороться за «учрежденія, которыя могутъ улучшить положеніе *народа вообще* и рабочаго класса въ особенности», Каутскій замѣчаетъ: «Но со времени паденія абсолютизма, съ тѣхъ поръ, какъ не стоитъ болѣе въ государствѣ на одной сторонѣ дворъ и правительство, на другой все остальное населеніе, понятіе «народъ» потеряло всякое дѣйстви-

тельное значеніе во *внутренней* политикѣ. Оно играетъ еще роль только въ отношеніяхъ государствъ другъ къ другу — въ этомъ смыслѣ народъ носитъ обыкновенно названіе *націи*. Во внутренней политикѣ «народъ» сдѣлался мистическимъ божествомъ, которому всякій политикъ приноситъ жертвы, на которое всякій предъявляетъ претензію, подобно тому, какъ во время реформаціонной борьбы всякій предъявлялъ претензію на исключительное обладаніе «истиннымъ господомъ богомъ», и о которомъ все же никто не можетъ хорошенько сказать, гдѣ оно находится. Эмансипируемся отъ этого мнѣа. «Народу вообще» никто не можетъ помочь, потому что онъ состоитъ изъ самыхъ различныхъ классовъ, съ самыми противоположными интересами; я не могу поднять одинъ классъ, чтобы не повредить другому».

И такъ «до паденія абсолютизма» на одной сторонѣ стояли «дворъ и правительство», на другой «народъ», послѣ же паденія абсолютизма «народъ» исчезъ, и явились «разнообразнѣйшіе классы съ самыми противоположными интересами», классы, изъ которыхъ Каутскій («я») не можетъ «ни одного поднять, не повредивъ другому».

Этому представленію хода общественнаго развитія стоитъ только противопоставить представленіе Коммунистическаго Манифеста, чтобы понять, на сколько оно не соціалдемократично и по просту не научно.

«Исторія всего предшествующаго общества—исторія борьбы классовъ». «Въ прежнія эпохи исторіи мы находимъ почти повсюду полное расчлененіе общества на различныя сословія, *многообразную постепенность общественныхъ положеній*». «Современное буржуазное общество, вышедшее изъ гибели общества феодальнаго, не положило конца *классовымъ противоположностямъ*. Оно лишь поставило новые классы, новыя условія угнетенія, новыя формы борьбы на мѣсто старыхъ». «*Наша эпоха*, эпоха буржуазіи отличается однако тѣмъ, что она *упростила классовыя противоложности*. Все общество болѣе и болѣе раздѣляется на *два* большихъ враждебныхъ лагеря, на два большихъ, другъ другу противоположныхъ *класса*: буржуазію и пролетаріатъ».

Что касается спеціально *абсолютной* монархіи, то,

по утвержденію манифеста*), тамъ «противовѣсомъ дворянству» является буржуазія, такъ что уже никакъ нельзя сказать, если слѣдовать манифесту, что «до паденія абсолютизма» на одной сторонѣ стояло только правительство и «дворъ», а на другой «все остальное населеніе» или народъ.

Въ процессѣ общественнаго развитія масса населенія становится не разнороднѣе, какъ думаетъ Каутскій, а однороднѣе, какъ утверждаетъ Коммунистическій Манифестъ. Если «до паденія абсолютизма» народъ не былъ «миѳомъ», то теперь онъ тѣмъ болѣе не «миѳъ».

Съ пролетаризаціей населенія, съ упрощеніемъ классовыхъ противоположностей, «народъ» не исчезаетъ, а можно скорѣе сказать — возраждается. Что такое «народъ»? Это—*все населеніе* независимо отъ дѣленія его на «классы» привиллегированныхъ и не привиллегированныхъ, господствующихъ и угнетенныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Число господствующихъ, угнетающихъ и богатыхъ относительно все уменьшается, число же неимущихъ и угнетенныхъ все возрастаетъ, такъ что пролетаріатъ въ широкомъ значеніи слова все болѣе и болѣе совпадаетъ съ народомъ.

«Пролетаріатъ — говоритъ Каутскій въ другомъ мѣстѣ разбираемой статьи — не только на равнозначущъ съ народомъ, но во *всѣхъ* государствахъ — за исключеніемъ, можетъ быть, Англіи, онъ не составляетъ даже большинства населенія; въ большинствѣ государствъ онъ составляетъ значительное меньшинство. Правда, онъ быстро ростетъ, но не такъ быстро, какъ иные ожидаютъ». Къ этимъ «инымъ», вѣроятно, принадлежитъ и самъ Каутскій, который черезъ какихъ нибудь 10 лѣтъ въ своихъ «Классовыхъ интересахъ» доказываетъ, что въ Германіи «пролетаріатъ является подавляющимъ» по своему числу, что «онъ охватываетъ двѣ трети населенія, крупные же собственники лишь не много болѣе 1%.»

Пролетаріатъ не равнозначущъ съ народомъ, но онъ борется за интересы всего народа.

«Побѣда наша — побѣда ваша», говорили комму-

*) См. стр. 17 нашего перевода, «Библіотека Русскаго Пролетарія» № 20.

нары французскимъ крестьянамъ, и на эту тему у того же Каутскаго въ его различныхъ работахъ можно найти не мало краснорѣчивыхъ страницъ, но побѣда пролетаріата—побѣда не только крестьянъ, но и всей массы «маленькихъ людей», какъ опять таки не разъ указывалъ Каутскій; такимъ образомъ, если принимать существованіе не двухъ или трехъ, а многихъ «разнообразнѣйшихъ классовъ», какъ это дѣлаетъ въ разбираемой статьѣ Каутскій, то можно сказать, что вмѣстѣ съ «подъемомъ» пролетаріата должны «подняться» и многіе другіе классы». Ничтожному сравнительно числу «привиллегированныхъ» придется, конечно, въ случаѣ побѣды пролетаріата сравняться со всей массою народа, но какъ люди, какъ часть народа, и они или, по крайней мѣрѣ, ихъ дѣти выиграютъ, а не потеряютъ отъ осуществленія пролетарскаго идеала.

Бебель въ своей книгѣ «Женщина и соціализмъ» съ чувствомъ большого удовлетворенія указываетъ, что уже и въ настоящее время «революціонныя мысли проникаютъ въ самые консервативные круга и приводятъ въ полное замѣшательство ряды нашихъ враговъ. Ремесленники и ученые—говоритъ онъ—земледѣльцы и художники, купцы и чиновники, даже фабриканты и банкиры, однимъ словомъ, люди всѣхъ положеній примыкаютъ къ рабочимъ, составляющимъ массу арміи, которая борется за побѣду и достигнетъ ее. Всѣ поддерживаютъ и дополняютъ другъ друга»*).

Я не думаю, чтобы пролетаріату слѣдовало возлагать какія бы то ни было надежды на поддержку со стороны купцовъ, чиновниковъ, фабрикантовъ и банкировъ, я не думаю, чтобы они могли «дополнить» армію рабочихъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что рабочей арміи предстоитъ освободить потомство купцовъ и чиновниковъ, фабрикантовъ и банкировъ отъ развращающей человѣческую личность буржуазной атмосферы.

Каутскій въ «Классовыхъ интересахъ»**), доказываетъ, что «пролетарскіе классовые интересы сдѣлаютъ пролетаріатъ самымъ рѣшительнымъ и почти единственнымъ борцомъ за общественный прогрессъ» и,

---

*) См. нашъ переводъ стр. 537 (Библ. Русск. Прод. № 26).
**) Библ. Русск. Прол. № 35.

что «вмѣстѣ съ тѣмъ всякій представитель этого прогресса, происходящій изъ другого класса, стремится, если онъ обладаетъ необходимой смѣлостью и ясностью, примкнуть къ партіи борющагося пролетаріата, соціалдемократіи». Каутскій упрекаетъ въ непониманіи «дѣйствія научнаго познанія, соціальнаго чувства и *демократической послѣдовательности*» тѣхъ, которые «забываютъ, что можно отрицать *солидарность классовъ* и въ то же время признавать *солидарность людей*».

Намъ кажется, что отсутствіемъ демократической послѣдовательности страдаютъ и тѣ, которые не хотятъ понять, что, борясь за свои классовые интересы, пролетаріатъ борется за интересы всего населенія, за интересы народа вообще, что конечною цѣлью пролетарской борьбы должна быть солидарность людей, или что тоже—солидарностью народа.

Это отлично понимаетъ авторъ «Классовыхъ интересовъ», но у автора «Критики проекта партійной программы» иногда какъ будто не хватаетъ «демократической послѣдовательности».

«Господство пролетаріата — говоритъ Каутскій, какъ авторъ критики «проекта партійной программы» равнозначуще съ побѣдой соціализма—*господство народа можетъ означать все, что угодно, при случаѣ и господство ультрамонтанизма (католическаго клерикализма) или антисемитизма; оно можетъ также хорошо означать реакцію, какъ и революцію.*

«Сообразно съ этимъ мы должны опредѣлять свое отношеніе къ демократическимъ формамъ. Если мы хотимъ узнать, какую цѣнность онѣ имѣютъ для соціалистическаго движенія, то мы должны прежде всего изслѣдовать какую онѣ имѣютъ цѣнность для пролетаріата, а не для народа. Всѣ тѣ преувеличенныя надежды, какія соціалистическіе демократы питали къ дѣйствію всеобщаго избирательнаго права, прямого народнаго законодательства и т. д., слѣдуетъ поэтому уменьшить до правильнаго размѣра. Всѣ эти демократическія формы означаютъ вооруженіе не только пролетаріата, но и его противниковъ. Онѣ предоставляютъ ему, правда, возможность отважиться на борьбу въ тѣхъ областяхъ, гдѣ онъ до тѣхъ поръ, будучи безоружнымъ, принужденъ былъ молчаливо терпѣть, но

онѣ не даютъ ему еще сами по себѣ преобладанія и побѣды».

Совершенно вѣрно, что сами по себѣ демократическія *формы* еще не даютъ пролетаріату побѣды, совершенно вѣрно также, что не слѣдуетъ возлагать преувеличенныхъ надеждъ на всеобщее избирательное право, въ чемъ сильно повинна нѣмецкая соціалдемократія; но совершенно невѣрно, что «господство народа можетъ означать господство католическаго клерикализма, антисемитизма» и вообще всевозможныхъ гнусностей. Господство клерикализма или антисемитизма является господствомъ не народа, а господствомъ католическаго духовенства или шайки антисемитовъ *надъ* народомъ, и однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ освобожденія отъ этого господства является народная самодѣятельность, участіе народныхъ массъ въ политической жизни, въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, касающихся всего общества, именно потому такъ цѣнны *всѣ* демократическія формы. Нѣтъ такихъ демократическихъ учрежденій, которыя, будучи цѣнны для народа, были бы вредны или безполезны для пролетаріата. Конечно, эксплуататоры, пользуясь народнымъ невѣжествомъ, могутъ пытаться и пытаются пользоваться демократическими учрежденіями для сохраненія и укрѣпленія своего господства, но это нисколько не понижаетъ цѣнности этихъ учрежденій для пролетаріата; напротивъ, перенося борьбу на демократическую почву, эксплуататоры сами подпиливаютъ тотъ сукъ, на которомъ сидятъ, сами способствуютъ пробужденію сознанія народныхъ массъ, которое въ концѣ концовъ неминуемо должно направиться противъ нихъ. Утвержденію Каутскаго, что цѣнность демократическихъ учрежденій для соціалистическаго движенія опредѣляется ихъ цѣнностью для пролетаріата, а не для народа, мы противопоставляемъ утвержденіе, что демократическія учрежденія тѣмъ особенно цѣнны для пролетаріата, что они цѣнны для народныхъ массъ. Пролетаріатъ въ его чистомъ видѣ мужаетъ и воспитывается борьбою стачечною; онъ для своего пробужденія не нуждается въ борьбѣ избирательной, въ борьбѣ законодательной и т. д., но для крестьянъ, ремесленниковъ, мелкихъ служащихъ и т. д. необходимо дѣятельное участіе въ «политической жизни», чтобы сознать связь своихъ истинныхъ инте-

ресовъ съ интересами пролетаріата, а не съ интересами капиталистовъ и крупныхъ поземельныхъ собственниковъ.

Въ качествѣ демократическаго учрежденія исключительно цѣннаго для пролетаріата Каутскій выставляетъ коалиціонную свободу и противопоставляетъ ее прямому народному законодательству, которымъ могутъ воспользоваться для своихъ выгодъ враги рабочихъ. Коалиціонная свобода, конечно, чрезвычайно важна для пролетаріата, но развѣ ею не пользуются враги его, чтобы укрѣпить свое хищническое господство? Посмотрите, что дѣлается въ этомъ отношеніи въ Сѣверной Америкѣ! Прочтите хотя бы чрезвычайно интересную статью Симонса (Simons) «О союзахъ предпринимателей въ Соединенныхъ Штатахъ», помѣщенную въ № 51 «Die Neue Zeit» за 1904 годъ. Вы узнаете изъ нея, съ какимъ дьявольскимъ искусствомъ американскіе капиталисты направляютъ противъ рабочихъ коалиціонную свободу, т. е. свободу союзовъ. Они нетолько сами организуются въ союзы, но и организуютъ рабочихъ, подбирая наиболѣе благонадежныхъ съ «буржуазнымъ инстинктомъ» и перемѣшивая ихъ мелкобуржуазными элементами, въ особенности лавочниками.

Эти такъ называемые «союзы гражданъ», возникающіе на основѣ «свободы союзовъ», пользуются «свободой собраній», чтобы устраивать митинги, гдѣ проповѣдуется патріотизмъ, гармонія капитала и труда и пр. Но кромѣ мирной дѣятельности, эти американскіе зубатовцы устраиваютъ во время стачекъ «безпорядки», чтобы потомъ въ качествѣ «общественнаго мнѣнія» требовать осаднаго положенія, военнаго усмиренія и пр. Не будемъ же мы въ виду этого сомнѣваться въ цѣнности для пролетаріата свободы собраній и свободы союзовъ?!

Точно также, если бы всенародное голосованіе отвергло «прогрессивный» законъ или одобрило «реакціонный», можно ли было бы сомнѣваться въ цѣнности для пролетаріата права народа принимать и отвергать законы?

Конечно, нѣтъ! Но Каутскій, сильно сомнѣвающійся въ цѣнности этого права, ссылается при этомъ не на то, что имъ иногда пользовались и пользуются

эксплуататоры для реакціонныхъ цѣлей, а на то, что вообще «народное законодательство проявило себя до сихъ поръ (1891 г.) не какъ *революціонное*, а какъ *консервативное* учрежденіе.»

Обвиненіе очень сильное, и оно требуетъ сильныхъ доказательствъ, безспорныхъ фактовъ изъ практики народнаго законодательства. Посмотримъ, каковы эти сильныя доказательства, каковы эти безспорные факты.

«Швейцарскій фабричный законъ въ мартѣ 1877 году былъ принятъ національнымъ совѣтомъ огромнымъ большинствомъ 90 голосовъ противъ 15. При народномъ голосованіи онъ только лишь прошелъ (gelangte es nur mit knapper Noth zur Annahme). Ближайшимъ пріобрѣтеніемъ прямого народнаго законодательства было допущеніе вновь *смертной казни* къ кантонахъ, послѣ того какъ союзная конституція отмѣнила ее для всей Швейцаріи. 18 мая 1878 года 200.026 швейцарцевъ высказались за смертную казнь и лишь 180.810 противъ».

И это все, и это всѣ факты, приводимые Каутскимъ въ данномъ случаѣ для подкрѣпленія жестокаго приговора противъ народнаго законодательства, оказывающагося гораздо реакціоннѣе народнаго представительства. Эти факты, по мнѣнію Каутскаго столь сильны, что они будто бы безъ посторонней помощи приводятъ къ абсурду утвержденіе Риттингуазена, что «соціалдемократическая республика состоитъ въ отмѣнѣ представительной системы и введеніи прямого народнаго закодательства.»

Зная, какъ часто обманчивъ наружный видъ, мы, прежде чѣмъ признать приводимые Каутскимъ факты — доказательства сильными, подвергнемъ ихъ небольшому медицинскому осмотру.

Фабричный законъ 1877 года былъ принятъ при народномъ голосованіи 181.204 голосами противъ 170.857, т. е. большинствомъ 10.347 голосовъ; это немного, конечно, но вѣдь и статья о смертной казни была измѣнена большинствомъ 19.136 голосовъ, а тамъ это большинство Каутскому кажется, видимо, значительнымъ, потому что онъ говоритъ, что «противъ смертной казни было подано *только* 180.810 голосовъ.»

Но, главное, — прогрессивный фабричный законъ былъ все же народомъ не отвергнутъ, а *принятъ* и

принятъ, не смотря на то, что противъ него велась «напряженная агитація», въ которой, по словамъ Курти*), «даже *многіе рабочіе*, уступая экономическому давленію и не понимая еще значенія государственной нормировки условій труда на фабрикахъ, выступили противъ этого законопроекта.»

Такимъ образомъ слабое большинство, которымъ былъ принятъ этомъ законъ, скорѣе можетъ служить доказательствомъ «консервативности» швейцарскихъ рабочихъ, а не консервативности «народнаго законодательства». Но очень возможно, что нѣкоторые рабочіе голосовали противъ фабричнаго закона 1877 года потому, что онъ казался имъ недостаточно прогрессивнымъ: вѣдь онъ устанавливалъ не восьмичасовой, а одиннадцатичасовой рабочій день.

Здѣсь кстати слѣдуетъ вспомнить, что въ 80-хъ годахъ нѣмецкіе соціалдемократы въ рейхстагѣ голосовали *противъ* законовъ о государственномъ страхованіи рабочихъ на случай немощности и болѣзни, хотя въ настоящее время Каутскій указываетъ на это «страхованіе», какъ на «подарокъ», который можетъ быть брошенъ на вѣсы въ пользу монархіи по сравненіи съ республикой. Нельзя-же на основаніи этого обвинять соціалдемократію 80-хъ годовъ въ консерватизмѣ?!

Для Курти прекрасно знакомаго съ народнымъ законодательствомъ, не только теоретически, но и практически, народное голосованіе фабричнаго закона 1877 года является доводомъ, не противъ непосреднаго участія народа въ законодательствѣ, а въ пользу него.

«Здѣсь, какъ и при референдумѣ о гражданскомъ бракѣ**), снова выяснилось, *какъ трудно поколебать законъ, если онъ утвержденъ народомъ*. Относительно фабричнаго закона дѣлались лишь робкіе попытки этого рода. Хотя онъ наряду съ другими постановленіями ввелъ одиннадцати-часовой рабочій день,

*) См. статью Курти: «Результаты швейцарскаго референдума». Эта статья появилась сначала въ журналѣ Каутскаго «Die Neue Zeit»; затѣмъ была въ русскомъ переводѣ помѣщена въ I т. «Жизни» за 1899 г. и, наконецъ, напечатана въ приложеніи къ книгѣ Курти «Исторія народнаго законодательства и пр.», изд. «Знанія».

**) Объ этомъ голосованіи будетъ сказано нѣсколько дальше.

встрѣченный сначала сильнымъ противодѣйствіемъ, онъ все таки удержался, оказался цѣлесообразнымъ и теперь требуютъ уже не отмѣны его, а дальнѣйшаго развитія.» Разсѣянію предубѣжденій противъ законодательнаго вмѣшательства въ отношенія между трудомъ и капиталомъ, навѣрное, не мало содѣйствовала борьба въ народныхъ собраніяхъ, предшествовавшая голосованію закона.

И такъ первый изъ приводимыхъ Каутскимъ фактовъ, если и можетъ быть названъ сильнымъ, то не какъ противникъ, а какъ защитникъ народнаго законодательства.

Перейдемъ ко второму факту, къ пресловутому голосованію «смертной казни», которымъ вообще всѣ прогрессивные противники народнаго законодательства, пользуются для посрамленія его прогрессивныхъ защитниковъ.

Каутскій сообщаетъ этотъ «фактъ» такимъ образомъ, что можно подумать, будто народное голосованіе ввело смертную казнь вопреки волѣ союзнаго собранія: «въ Швейцаріи—говоритъ онъ—представительныя собранія многократно показали себя прогрессивнѣе и къ рабочимъ благосклоннѣе, чѣмъ народъ», и далѣе слѣдуетъ проведенное уже нами обвиненіе народнаго законодательства въ консервативности, а непосредственно затѣмъ два факта-доказательства, въ томъ числѣ введеніе смертной казни.

Спросимъ, какъ произошелъ въ дѣйствительности этотъ фактъ, спросимъ опять-таки у безспорнаго авторитета въ вопросѣ швейцарскаго народнаго законодательства, у члена швейцарскаго собранія Курти.

«Одно возмутительное убійство — разсказываетъ Курти на страницахъ журнала Каутскаго — взволновало населеніе и вызвало требованіе возстановленія смертной казни. Въ союзное собраніе стали поступать соотвѣтствующія петиціи. Тогда союзное собраніе, вслѣдствіе *преувеличенныхъ* опасеній, что это движеніе можетъ привести къ народной иниціативѣ относительно измѣненія конституціи, которая представляетъ собою лишь компромиссъ партій, *предложило народу и кантонамъ частный пересмотръ*. Голосованіе вскорѣ показало, что *народъ сохранилъ бы эту гуманную статью конституціи, если бы его*

представители въ парламентъ сами не упали духомъ. большинство, высказавшееся за отмѣну статьи, не достигло даже 20.000 голосовъ. *Предложеніе союзнаго собранія было принято* большинствомъ 200.485 гражданъ и 14 земель противъ 181.588 гражданъ и 8 земель. *Но всетаки это отнюдь не означало возстановленія смертной казни въ кантонахъ:* каждый кантонъ, желавшій ввести у себя смертную казнь, долженъ былъ предварительно измѣнить свою кантональную конституцію, *а это сдѣлали лишь очень немногіе кантоны.* Если принять во вниманіе, что во многихъ другихъ государствахъ смертная казнь существуетъ и не было даже попытокъ ея уничтоженія, то Швейцаріи дѣлаетъ большую честь, что болѣе 180.000 ея гражданъ высказались противъ смертной казни и что впослѣдствіи лишь очень немногіе кантоны возстановили ее. *Во всякомъ случаѣ не на референдумъ падаетъ отвѣтственность за этотъ результатъ голосованія: онъ лишь подтвердилъ рѣшеніе парламента.*»

Для правильной оцѣнки народнаго голосованія относительно смертной казни, какъ довода противъ народнаго законодательства, слѣдуетъ еще принять во вниманіе слѣдующіе краснорѣчивые факты.

Въ проектѣ партійной программы, исходящемъ отъ Каутскаго, не было требованія отмѣны смертной казни, и это требованіе внесено въ Эрфуртскую программу лишь партейтагомъ по настоянію Фольмара.

Въ программѣ соціалдемократіи Англіи, гдѣ смертная казнь примѣняется чаще, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы, нѣтъ требованія ея отмѣны.

На съѣздѣ искристовъ предложеніе внести въ программу отмѣну смертной казни было отклонено огромнымъ большинствомъ, и въ этомъ большинствѣ навѣрное находился другъ Каутскаго Плехановъ.

Чего же быть столь строгимъ къ «народу», допустившему незначительнымъ большинствомъ возможность введенія смертной казни въ отдѣльныхъ кантонахъ?!

Помимо всего этого надо еще помнить или вѣрнѣе знать, что если возмущающее Каутскаго народное голосованіе вычеркнуло изъ конституціи отмѣну смертной казни, то оно же внесло въ союзную конституцію

запрещеніе смертной казни за политическія преступленія и полное запрещеніе тѣлесныхъ наказаній.

Измѣнена была только ст. 65 союзной конституціи. Прежній текстъ ея гласилъ: «Смертная казнь отмѣнена. На постановленія военнаго закона, какія окажутся нужнымъ принять въ военное время, эта статья не распространяется.»

Теперь текстъ ея гласитъ такъ: «*За политическія преступленія смертный приговоръ не можетъ быть произнесенъ. Тѣлесныя наказанія воспрещаются.*»

Для нѣкоторыхъ «соціалдемократовъ» плехановскаго толка, надо думать, и теперешній текстъ 65 ст. швейцарской конституціи не пріемлемъ.

Здѣсь очень кстати вспомнить статью одного изъ партійныхъ органовъ нѣмецкой соціалдемократіи «Рейнско-Вестфальской рабочей газеты» (Rheinische Westphalische Arbeiter Zeitung) по поводу убійства анахристомъ Луккени австрійской императрицы Елизаветы.

«Луккени — анархистъ (это теперь установлено) — писалъ въ сентябрѣ 1898 года «почтенный» соціалдемократическій органъ — «и онъ не можетъ считаться невмѣняемымъ; къ причинамъ подобныхъ анархистическихъ гнусныхъ дѣяній принадлежитъ *геростратовская жажда славы, которую нельзя ослабить ни смертью, ни тюрьмой, но, быть можетъ, розгами.* Мы считаемъ по этому, что въ данномъ случаѣ нужно, конечно, обсудить, *не примѣнить-ли здѣсь тѣлесное наказаніе?*»

Правда, правленіе партіи осудило эту иниціативу одного изъ своихъ органовъ, прославъ въ его редакцію заявленіе, гдѣ выясняется партійная точка зрѣнія, по которой «тѣлесное наказаніе загрубляетъ, какъ того, кто его получаетъ, такъ и того, кто его примѣняетъ.» «Въ виду этого — пишетъ «правленіе партіи» — *даже и глубочайшее отвращеніе къ анархистическимъ злодѣяніямъ* не можетъ насъ побудить къ нему» (примѣненію тѣлеснаго наказанія). Заявленіе кончается обычнымъ «соціалдемократическимъ поклономъ.»

Если «правленіе партіи» считаетъ возможнымъ «соціалдемократически раскланиваться» съ людьми, требующими тѣлесныхъ наказаній для политическихъ преступниковъ, если оно считаетъ при этомъ случаѣ

умѣстнымъ выражать «свое глубочайшее отвращеніе къ анархическимъ злодѣяніямъ», а не къ поклоннику розогъ, то главному теоретику этой партіи слѣдовало бы поостеречься нападать на народъ, который запрещаетъ тѣлесныя наказанія и не допускаетъ смертной казни за политическія преступленія.

Таковы «факты», которыми Каутскій пытается скомпрометировать «народное законодательство», таковы «факты», которые должны привести защитниковъ «народнаго законодательства» «къ абсурду». Мы боимся, какъ бы эти факты не привели къ абсурду тѣхъ, кто выставляетъ ихъ противъ «народа».

Посмотримъ теперь, какіе факты имѣются у сторонниковъ народнаго законодательства.

Народнымъ голосованіемъ были приняты двѣ союзныя демократическія конституціи 1848 и 1874 гг., и только онѣ, по словамъ Курти, «пріобрѣли популярность, доставили періоды внутренняго мира, въ теченіе котораго десятилѣтія постояннаго прогресса не смѣнялись реакціями.»

Народнымъ голосованіемъ, несмотря на ожесточенные протесты клерикаловъ, не смотря на энциклику папы Пія IX, былъ принятъ союзный законъ о гражданскомъ бракѣ, который освободилъ вступленіе въ бракъ отъ полицейскихъ и экономическихъ ограниченій и установилъ возможность развода на всей территоріи союза. Законъ былъ принятъ большинствомъ лишь 8000 голосовъ, «но—говоритъ Курти—это именно и показало какую силу и устойчивость можетъ придать законамъ референдумъ. Разъ законъ принятъ, хотя-бы незначительнымъ большинствомъ, поколебать его трудно.»

Народомъ въ 80-хъ годахъ отвергнутъ законъ о выкупѣ швейцарской центральной желѣзной дороги, при чемъ рѣшающимъ доводомъ была «слишкомъ высокая оцѣнка, по которой предстояло уплатить за дорогу при посредствѣ одного биржеваго синдиката»; повліяло на рѣшеніе народа и то, что выкупъ ограничивался одной дорогой и велъ къ выгодѣ одной мѣстности и къ ущербу другихъ.

Въ 1898 г., когда дѣло шло о выкупѣ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ и когда финансовая сторона была урегулирована не подъ диктовку «биржевого синди-

ката», когда точно были выработаны правила будущаго управленія желѣзными дорогами и распредѣленіе доходовъ съ нихъ, народъ огромнымъ большинствомъ 386.634 голосовъ противъ 182.718 одобрилъ этотъ выкупъ.

Въ 1895 году народъ въ видѣ протеста противъ «милитаризма» отвергаетъ 269.751 гол. противъ 195.178 гол. законъ «объ объединеніи военной организаціи», почти безъ преній принятый союзными представительными собраніями.

Наконецъ, осенью 1903 года народъ *отвергаетъ принятый союзнымъ собраніемъ законъ объ ограниченіи свободы слова*, законъ, который грозилъ тюремнымъ заключеніемъ за призывы печатнымъ или устнымъ словомъ къ нарушенію военной дисциплины.

Если мы отъ союзнаго законодательства перейдемъ къ законодательству кантональному, то увидимъ, что меньше всего «прогресса» замѣчается во Фрейбургѣ, гдѣ нѣтъ ни народной иниціативы, ни референдума, больше же всего въ Цюрихѣ, гдѣ широкая иниціатива и *обязательный* референдумъ.

Изъ всѣхъ законовъ, регламентирующихъ женскій трудъ, самымъ прогрессивнымъ, наиболѣе охраняющимъ женщину, Бебель считаетъ законъ, который «народъ кантона Цюрихъ принялъ въ августѣ 1894 г. 45.909 голосами противъ 12.531 гол.» *)

Не всѣ эти факты одинаково убѣдительны, но во всякомъ случаѣ они несравненно убѣдительнѣе, несравненно сильнѣе тѣхъ, которые Каутскій приводитъ противъ народнаго законодательства. Факты, по выраженію Бебеля,—упрямы, и они особенно упрямы, когда защищаютъ народъ и демократическія учрежденія. Эти упрямые факты заставляютъ Курти съ чувствомъ глубокаго убѣжденія утверждать, что референдумъ является культурнымъ средствомъ такой огромной важности, что его трудно и оцѣнить по достоинству; эти же упрямые факты заставляютъ швейцарскихъ соціалдемократовъ требовать народной иниціативы и *обязательнаго* референдума для всѣхъ законовъ, какъ союзныхъ, такъ и кантональныхъ.

---

*) См. «Женщина и Соціализмъ», 246 стр., нашего перевода. (Библ. Русск. Прол., № 26.)

Каутскій борется съ народнымъ законодательствомъ не только скудными фактами, но и обширными разсужденіями или соображеніями.

Его основное положеніе — отрицаніе народа — мы уже разобрали, но у него въ «Парламентаризмѣ» имѣются еще соображенія, такъ сказать, спеціально относящіяся къ прямому народному законодательству въ формѣ народной иниціативы и референдума, хотя и эти спеціальныя отношенія находятся въ тѣсной связи съ его отношеніемъ къ народу.

Первое изъ этихъ спеціальныхъ соображеній противъ прямого народнаго законодательства формулировано самимъ Каутскимъ такъ: «Прямое законодательство лишаетъ большіе горо а ихъ спеціальнаго политическаго вліянія и передаетъ его деревнямъ.»

Этимъ спеціальнымъ политическимъ вліяніемъ большіе города пользуются, по мнѣнію Каутскаго, благодаря «парламентаризму», который не благопріятенъ мелкой буржуазіи и крестьянамъ, не обладающимъ достаточнымъ политическимъ развитіемъ, чтобы выдвигать изъ своей среды депутатовъ и контролировать дѣятельность парламента; парламентаризмъ, напротивъ, особенно благопріятенъ крупнымъ собственникамъ (земельнымъ, промышленнымъ, денежнымъ), интеллигенціи и сознательной части промышленнаго пролетаріата.

Что современный парламентаризмъ благопріятенъ крупнымъ собственникамъ — это совершенно вѣрно: они выѣзжаютъ на голосахъ обманутыхъ ими крестьянъ, ремесленниковъ и т. д., а отчасти и запуганныхъ ими пролетаріевъ; что онъ неблагопріятенъ мелкой буржуазіи и крестьянамъ это тоже вѣрно; но и то, и другое отнюдь, конечно, не говоритъ въ пользу парламентаризма, если, конечно, стоять на пролетарской точкѣ зрѣнія. Можно, пожалуй, согласиться также, что современный парламентаризмъ благопріятствуетъ интеллигенціи, которая, особенно способна къ произнесенію рѣчей, но и это «преимущество» чистаго парламентаризма передъ прямымъ законодательствомъ не можетъ считаться преимуществомъ пролетаріата. Почему же перламентаризмъ выгоднѣе пролетаріату, чѣмъ прямое законодательство? Пролетаріатъ, по утвержденію Каутскаго, «становится однимъ изъ классовъ, откуда рекрутируются парламентскіе дѣятели»,

онъ попадаетъ такимъ образомъ въ привиллегированное положеніе по сравненію съ крестьянами и мелкими буржуа, а привиллегія, если и несправедлива, то всегда выгодна.

Чтобы согласиться или не согласиться съ этимъ, необходимо, увы, изъ области покладистыхъ соображеній спуститься въ область упрямыхъ фактовъ.

81 соціалдемократическихъ депутатовъ, избранныхъ въ германскій рейхстагъ 16 іюня 1903 года, распредѣляются по профессіямъ слѣдующимъ образомъ: одинъ рантье (т. е. живущій на % съ капитала), 21 занятыхъ въ промышленности, 10 въ торговлѣ и 49 занятыхъ «свободными профессіями». Среди «занятыхъ въ промышленности» 5 владѣльцевъ табачныхъ или сигарныхъ фабрикъ, 1 владѣлецъ перчаточной фабрики, 1 владѣлецъ ткацкой фабрики, 4 владѣльца типографій, 2 издателя, 7 хозяевъ-ремесленниковъ, 1 бухгалтеръ *и ни одного настоящаго рабочаго.*

Среди занятыхъ торговлею — 7 трактирщиковъ, 2 табачныхъ лавочника, 1 книготорговецъ. Въ числѣ лицъ «свободныхъ профессій» 3 адвоката, 37 журналистовъ и 9 занимающихъ платныя должности въ партійныхъ и рабочихъ учрежденіяхъ.

И такъ среди представителей соціалдемократической партіи въ рейхстагѣ много «интеллигенціи», не мало «мелкой буржуазіи», и нѣтъ ни одного рабочаго. Нѣтъ ихъ, конечно, и среди представителей другихъ партій. Правда, *многіе* изъ теперешнихъ журналистовъ, табачныхъ фабрикантовъ, трактирщиковъ и т. п. *были когда-то рабочими*, но всѣ они за-долго до выступленія кандидатами въ депутаты рейхстага пробились кверху и добились во всѣхъ отношеніяхъ болѣе независимаго положенія, чѣмъ положеніе фабричнаго рабочаго. Обыкновенный рабочій слишкомъ придавленъ непрерывною работою съ утра до вечера и матерьяльною нуждою; онъ слишкомъ зависитъ отъ своего хозяина, чтобы быть въ состояніи сдѣлаться парламентскимъ депутатомъ. Это совершенно понятно, но за то утвержденіе Каутскаго, что промышленные пролетаріи находятся въ привиллегированномъ положеніи по отношенію къ проникновенію въ парламентъ, становится мало понятнымъ.

Что касается контроля надъ депутатами, то, разу-

мѣется, промышленный пролетаріатъ контролируетъ своихъ представителей, гораздо больше, чѣмъ крестьяне и мелкіе буржуа контролируютъ своихъ господъ, попадающихъ въ парламентъ съ помощью ихъ голосовъ; но и тутъ не надо увлекаться. Контроль надъ соціалдемократическими депутатами принадлежитъ партейтагамъ. Партейтаги составляются изъ самихъ депутатовъ и изъ делегатовъ, посылаемыхъ мѣстными соціалдемократическими организаціями, но эти организаціи (избирательные ферейны) охватываютъ очень незначительную часть промышленнаго пролетаріата. Всѣхъ соціалдемократическихъ избирателей въ Германіи около 3 милльоновъ, а «организованныхъ товарищей», могущихъ посылать на партейтагъ своихъ делегатовъ не болѣе 300.000 чел. Каутскій указываетъ еще на непосредственный контроль со стороны пролетаріата той столицы, въ которой засѣдаетъ парламентъ. Депутаты будто-бы находятся подъ давленіемъ массы столичнаго населенія и должны до извѣстной степени считаться съ его настроеніемъ и съ его желаніями. Это совершенно вѣрно для тѣхъ случаевъ, когда пролетаріатъ, какъ это бывало въ Бельгіи, Швеціи, Австріи, Италіи устраиваетъ всеобщія стачки и уличныя демонстраціи, когда онъ дополняетъ парламентаризмъ революціонными массовыми дѣйствіями, но онъ не оказываетъ на парламентъ рѣшительно никакого давленія, если ведетъ себя, какъ «слѣдуетъ вести себя» нѣмецкимъ соціалдемократамъ, т. е. «мирно» работаетъ и соблюдаетъ «тишину и порядокъ», какъ бы нагло не издѣвались надъ его судьбою засѣдающіе въ рейхстагѣ господа депутаты. Побоялись развѣ аграріи въ 1902 г. нарушить парламентскій уставъ и согнуть въ бараній рогъ представителей промышленнаго пролетаріата, представителей огромнаго большинства столичнаго населенія, чтобы поскорѣе провести свой ростовщическій тарифъ?!

Именно нѣмецкимъ соціалдемократамъ, не могущимъ или не желающимъ выходить демонстративною толпою на улицы и устраивать политическія стачки, надо особенно усиленно стоять за референдумъ и національную инициативу, которые являются, между прочимъ, средствами законнаго давленія на парламентъ и дѣйствительнаго «контроля» надъ депутатами.

Какъ бы то ни было, но парламентская привиллегія пролетаріата при повѣркѣ ея фактами представляется намъ очень сомнительной; но если бы пролетаріатъ, дѣйствительно, находился по отношенію къ пользованію парламентаризмомъ въ привиллегированномъ положеніи, то эта привиллегированность была бы для него скорѣе вредной, чѣмъ полезной, такъ какъ онъ раздѣлялъ бы ее со своими естественными врагами—крупными собственниками—на счетъ своихъ естественныхъ союзниковъ—крестьянъ.

Безъ содѣйствія малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ или, по крайней мѣрѣ, безъ ихъ благожелательнаго нейтралитета пролетаріату не перевернуть существующаго строя*), а чтобы крестьяне сдѣлались союзниками пролетаріата для этого ихъ необходимо вывести изъ ихъ теперешняго «застоя», ихъ необходимо пробудить къ «политической жизни», а это лучше всего можетъ сдѣлать референдумъ, т. е. привлеченіе всѣхъ гражданъ къ голосованію законовъ. Вторымъ соображеніемъ за чистый парламентаризмъ и противъ народнаго законодательства Каутскій выставляетъ то, что первый благопріятствуетъ образованію крупныхъ и опредѣленныхъ партій, второе же ведетъ къ ихъ поглощенію народомъ.

«Если бы—говоритъ Каутскій—было возможно замѣнить представительную систему прямымъ законодательствомъ, то это было ихъ (партій) смертью». Неужели большія партіи живутъ представительной системой, а не интересами представляемыхъ ими классовъ, неужели нѣмецкая соціалдемократія существуетъ въ зависимости отъ рейхстага, а не въ зависимости отъ нѣмецкаго пролетаріата?! Мелкія партіи или вѣрнѣе партійныя фракціи могутъ, дѣйствительно, порождаться парламентаризмомъ и убиваться народнымъ законодательствомъ, но никакъ не партіи, опирающіяся на общественные классы. Каутскій увѣряетъ, что народное законодательство «постоянно перебра-

*) На Лильскомъ конгрессѣ нынѣшняго (1904) года марксистскій ортодоксъ Гэдъ даже противъ всеобщей стачки высказался между прочимъ на томъ основаніи, что ея не хотятъ крестьяне, а безъ крестьянъ пролетаріатъ не можетъ измѣнить существующаго строя. Въ отчетѣ «Искры» этотъ «доводъ» Гэда пропущенъ.

сываетъ новые мосты между партіями, которыя идутъ въ различныхъ направленіяхъ».

«Не подлежитъ сомнѣнію, — говоритъ онъ — что едва-ли существуетъ хоть одно практическое требованіе, которое было бы выставляемо исключительно одной какой-нибудь партіей. Даже соціалдемократія съ трудомъ выставляетъ нѣсколько спеціально своихъ собственныхъ требованій. То, что ее отдѣляетъ отъ другихъ партій, это совокупность ея практическихъ требованій и цѣли, къ которымъ эти требованія ведутъ. Законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ не является, напримѣръ, самъ по себѣ требованіемъ революціоннымъ; оно стоитъ въ соціалистической программѣ, какъ средство поднять пролетарскій уровень и дать ему политическую и соціальную зрѣлость и способность, которыя ему необходимы, чтобы онъ могъ взять въ свои руки дѣло своего освобожденія и соціальнаго переустройства. Тотъ же законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ можетъ быть требованіемъ консервативной программы реформистской партіи, которая тѣшится тщетной надеждой, что она уступками будетъ въ состояніи примирить рабочій классъ съ современнымъ соціальнымъ режимомъ».

И такъ практическія требованія соціалдемократіи — вотъ тотъ мостъ, который, по мнѣнію Каутскаго, народное законодательство можетъ перекинуть между партіей пролетаріата и партіями буржуазіи. Неужели соціалдемократіи слѣдуетъ бояться подобнаго «моста»? Онъ былъ бы гибеленъ не для нея, а для буржуазныхъ партій: про него, какъ про извѣстный мостъ Крылова, можно сказать, что онъ

...свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ не одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ:
До половины не дойдетъ —
Провалится и въ воду упадетъ;
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ».

Если буржуазныя партіи выступаютъ съ соціалдемократическими «практическими требованіями», то они обыкновенно лгутъ, чтобы привлечь на свою сторону избирателей. Въ избирательныхъ рѣчахъ буржуазные кандидаты выступаютъ защитниками инте-

ресовъ широкихъ массъ, но, сдѣлавшись депутатами, въ парламентѣ они проводятъ лишь тѣ практическія мѣры, которыя выгодны привиллегированному меньшинству. Широкимъ народнымъ массамъ, особенно сельскимъ, трудно ихъ контролировать, лжецы спокойно проѣзжаютъ по парламентскому мосту. Иное дѣло съ ростомъ непосредственнаго народнаго законодательства. Возьмемъ приводимый Каутскимъ примѣръ. Соціалдемократы ставятъ на всенародное голосованіе законъ объ ограниченіи рабочаго дня восмью часами. Буржуазнымъ политикамъ приходится тутъ уже безъ виляній высказаться за или противъ закона. Если они посовѣтуютъ «своимъ» избирателямъ голосовать восьмичасовой рабочій день, то этимъ они усилятъ шансы проведенія закона, шансы побѣды соціалдемократіи, шансы побѣды пролетаріата: ограниченіе рабочаго времени подыметъ пролетарскій уровень, вѣдь, и въ томъ случаѣ, если оно будетъ установлено «народными», а не только пролетарскими голосами.

Если же буржуазные политики посовѣтуютъ своимъ избирателямъ голосовать противъ закона, то они вполнѣ опредѣленно и всенародно обнаружатъ свою «сущность» и многихъ изъ «своихъ» избирателей переведутъ въ лагерь соціалдемократовъ.

Каутскій увѣряетъ, что при народныхъ голосованіяхъ неизбѣжны постоянные «компромиссы». Я этого совершенно не вижу. При голосованіи хотя бы того же «восьмичасового рабочаго дня» соціалдемократамъ не пришлось бы прибѣгать рѣшительно ни къ какому компромиссу; между тѣмъ при выборахъ въ рейхстагъ они постоянно дѣлаютъ компромиссы, голосуя при перебалотировкахъ за свободомыслящихъ, представителей торговаго и денежнаго капитала, противъ консерваторовъ, представителей крупной поземельной собственности.

Каутскій, видимо, самъ чувствуетъ, какъ слаба его позиція противъ народной иниціативы и референдума и это чувство какъ будто у него возрастаетъ, чѣмъ больше онъ старается показать преимущества чистаго парламентаризма передъ прямымъ законодательствомъ; по крайней мѣрѣ, въ самомъ концѣ своей книги о «Парламентаризмѣ, народномъ законодательствѣ и соціалдемократіи» онъ признаетъ, что прямое зако-

нодательство, «пожалуй», «до извѣстной степени» даже и до побѣды пролетаріата можетъ быть примѣнимо въ Соединенныхъ Штатахъ, Англіи, въ англійскихъ колоніяхъ, „при извѣстныхъ обстоятельствахъ также во Франціи и Бельгіи; — но для европейскаго востока оно принадлежитъ къ программѣ «государства будущаго».

Почему такъ? А потому, что «въ Германіи, Австріи и даже въ большинствѣ европейскихъ странъ условія, предварительно необходимыя для удачнаго примѣненія прямого законодательства — главнымъ образомъ демократическія конституціи — не осуществимы до торжества пролетаріата».

«Дѣйствительно, — говоритъ Каутскій — буржуазія Европы на востокъ отъ Рейна, сдѣлалась столь слабой и трусливой, что, по всей вѣроятности, режимъ сабли и бюрократіи, не можетъ быть разбитъ до тѣхъ поръ, пока пролетаріатъ не будетъ въ состояніи завоевать политической власти, и паденіе абсолютическаго милитаризма поведетъ прямо къ захвату власти пролетаріатомъ».

Это совершенно вѣрно, но это нисколько не говоритъ противъ необходимости и для соціалдемократовъ восточной Европы быть демократически послѣдовательными и стремиться не къ чисто парламентскому режиму, а къ «народному законодательству при содѣйствіи представительныхъ собраній». Если имъ въ своихъ требованіяхъ ограничиваться лишь тѣмъ, что «осуществимо» до пролетарской побѣды, то имъ придется отказаться почти отъ всей своей положительной программы. Въ своей брошюрѣ «Соціальная революція» Каутскій, какъ мы уже указывали, предполагаетъ, что не наканунѣ, а «на другой день послѣ соціальной революціи» «пролетаріатъ смететъ съ лица земли всѣ остатки феодализма и осуществитъ демократическую программу, которую защищала нѣкогда и буржуазія». «Онъ введетъ всеобщее избирательное право при выборахъ во всѣ учрежденія, обезпечитъ полную свободу печати и союзовъ; онъ сдѣлаетъ государство независимымъ отъ церкви, онъ уничтожитъ всѣ наслѣдственныя привиллегіи» и т. д.

Вся соціалдемократическая программа составляется такимъ образомъ на случай «соціальной революціи», и

въ ней «народное законодательство» также умѣстно, какъ «полная свобода печати и союзовъ».

«Намъ — (нѣмцамъ и австрійцамъ) — говоритъ Каутскій — приходится начать великую битву противъ абсолютизма и милитаризма».

Намъ, русскимъ, «битва съ абсолютизмомъ и милитаризмомъ» предстоитъ, конечно, не менѣе «великая»; но и вамъ, и намъ въ эту битву слѣдуетъ идти не съ боязнью народа, а съ довѣріемъ къ нему; и вамъ, и намъ, чтобы побѣдить въ этой великой битвѣ надо поставить на своемъ знамени не самодержавіе парламента, а самодержавіе народа.

Сознательному пролетаріату, идущему «на бой, послѣдній бой», новгородское вѣче должно быть ближе, чѣмъ англійскій парламентъ. Пролетаріатъ долженъ стремиться къ такому строю, при которомъ бы народъ не только во время выборовъ, но всегда, во всякую минуту былъ хозяиномъ своей судьбы.

Только такая народоправческая форма можетъ включить въ себя соціалистическое содержаніе.

Значеніе для пролетаріата народнаго права принимать и отвергать законы, казалось бы, должно быть столь несомнѣнно для каждаго соціал*демократа*, что съ перваго взгляда непонятно, какимъ образомъ такой видный представитель соціалдемократіи какъ Каутскій, могъ такъ старательно «опровергать» это значеніе; но, когда примешь во вниманіе, что Каутскому приходилось бороться со взглядами Риттингаузена, который неосновательно считалъ народное законодательство непримиримымъ съ народнымъ представительствомъ и, совершенно отвергая послѣднее, предлагалъ фантастическую систему всенародныхъ парламентовъ, то стремленіе Каутскаго «перегнуть палку въ другую сторону» становится отчасти понятнымъ.

Во всякомъ случаѣ онъ чувствовалъ слабость своихъ доводовъ и не рѣшился предложить выкинуть «народное законодательство» изъ проэкта партійной программы.

Искристамъ на своемъ невиданномъ съѣздѣ не приходилось бороться со взглядами Риттингаузена, отъ которыхъ Плехановъ еще до съѣзда торжественно отрекся; тѣмъ не менѣе никто изъ нихъ даже не заикнулся о народномъ законодательствѣ, никто даже изъ

«болота» не предложилъ внести его въ программу «Р. С. Д. Р. П.».

Отсутствіе въ программѣ права народа принимать и отвергать законы и на ряду съ этимъ провозглашеніе народнаго самодержавія невольно выдаетъ якобинско-іезуитскій характеръ ея составителей. Жалѣть объ этомъ нечего, но подчеркнуть это слѣдуетъ. Qu'on sache! Пролетарская программа, какъ намъ кажется, должна требовать народнаго законодательства, но въ то же время не отвергать народнаго представительства.

Законодательная власть принадлежитъ народу, но онъ пользуется ею при содѣйствіи представительныхъ собраній. Исходя изъ союзно-общиннаго устройства общества мы предполагаемъ существованіе представительныхъ собраній общинныхъ, областныхъ и союзныхъ или союзно-областныхъ.

Соотвѣтственно этому законы будутъ общинными, областными и союзными. Для всѣхъ нихъ должна существовать народная иниціатива, т. е. право извѣстнаго числа лицъ вырабатывать законопроектъ независимо отъ народнаго представительства и предлагать его на всеобщее голосованіе общины, области или союза. Право голоса должно быть и при голосованіяхъ законовъ такимъ же широкимъ, такимъ же дѣйствительно всеобщимъ, какъ и при выборахъ.

Представительныя собранія въ свою очередь сами вырабатываютъ законопроекты, которые считаютъ необходимымъ для народнаго блага, но въ общинахъ эти законопроекты получаютъ силу закона только въ томъ случаѣ, если они приняты народнымъ голосованіемъ. Здѣсь, слѣдовательно, устанавливается обязательный референдумъ. Для законовъ, вырабатываемыхъ областными и союзными собраніями можно бы ограничиться референдумомъ факультативнымъ. Законопроекты пріобрѣтали бы силу закона, если въ теченіе извѣстнаго времени не опротестованы извѣстнымъ числомъ гражданъ. Въ случаѣ этого протеста соотвѣтствующія собранія должны передавать ихъ на народное голосованіе, которое принимаетъ или отвергаетъ ихъ.

Нечего бояться, что народу придется при этомъ терять много времени на голосованія.

«*Народу*—справедливо замѣтилъ какъ-то Консиде-

ранъ — «*вовсе не надо много законовъ*: девять десятыхъ труда затрачиваемаго теперь на законодательную дѣятельность можно будетъ сберечь».

IV.

Прямое народное законодательство, разумѣется, значительно уменьшаетъ опасность возникновенія диктатуры народныхъ уполномоченныхъ или представителей. При современномъ буржуазномъ строѣ огромное большинство «народныхъ представителей» являются слугами капиталистовъ; въ новомъ, пролетарскомъ обществѣ, гдѣ не будетъ «власти денегъ», это зло устраняется, но однимъ только изъятіемъ средствъ производства и обращенія изъ частной собственности не устраняется возможность превращенія общественныхъ уполномоченныхъ въ общественныхъ повелителей. Революція способствуетъ развитію, къ сожалѣнію, не только благородныхъ свойствъ человѣческой природы, она способствуетъ развитію и такихъ опасныхъ для народа свойствъ, какъ *властолюбіе*. И очень возможно, что многіе изъ революціонныхъ вожаковъ, полезные народу въ моментъ соціальной революціи, «на другой день послѣ нея» сдѣлаются для него опасными. Всякая власть — по справедливому замѣчанію Джона Стюарта Милля — развращаетъ человѣка. Властвующаго развращаетъ его господствующее положеніе даже тогда, когда оно опирается на добровольное подчиненіе. Такою властью, вытекающею изъ добровольнаго подчиненія массы, пользовались и пользуются многіе революціонные, многіе пролетарскіе вожаки, и на нихъ въ большей или меньшей степени отражалось и отражается развращающее вліяніе власти.

Извѣстный голландскій соціалдемократъ Ванъ Коль, бывшій предсѣдателемъ Амстердамскаго международнаго соціалистическаго конгресса, въ своей книгѣ «О свободѣ и соціализмѣ»*), направленной противъ анархистовъ, дѣлаетъ нѣсколько очень вѣрныхъ замѣчаній относительно соціалдемократическихъ вожаковъ.

*) Socialisme en Vrijheid door Rienzi (псевдонимъ Ванъ Коля), переведена на французскій языкъ «Socialisme et liberté» par Rienzi

«Фатальное вліяніе власти на характеръ — говоритъ онъ — проявляется очень часто и по отношенію къ такъ называемымъ вожакамъ. Сколько разъ уже видѣли, какъ самые чистые характеры портились подъ вліяніемъ власти и какъ часто гордость, высокомѣріе, амбиція, нетерпимость приносили огромный вредъ нашему прекрасному движенію. Опасность, несомнѣнно, существуетъ, такъ какъ человѣку врождена потребность властвовать. Съ этой точки зрѣнія суровая критика анархистовъ приноситъ больше добра, чѣмъ зла. Тамъ, гдѣ есть полномочія, нуженъ и контроль, гдѣ есть власть, необходимо позаботиться о предупрежденіи злоупотребленій ею. Совѣтъ умирающаго Анахарзиса Каотца всегда своевременъ: «Франція, излечи себя отъ индивидуумовъ»".

Не надо понимать «власть» слишкомъ узко, она порождается не только «подчиненіемъ», но и «преклоненіемъ», и тогда она обыкновенно называется «авторитетомъ» или авторитетнымъ положеніемъ. Бебель, напр., пользуется властью въ видѣ авторитета, ему не «подчиняются», передъ нимъ «преклоняются», но ея развращающее вліяніе замѣтно и на немъ. Правда, оно сильно парализуется несомнѣнно очень чистою, прямою, искреннею натурою Бебеля и демократическою организаціею нѣмецкой соціалдемократіи, но все же въ его «партійныхъ» рѣчахъ и заявленіяхъ слышится очень непріятный *властный тонъ*.

И надо порадоваться за партію, и за самого Бебеля, что среди его партійныхъ «товарищей» находятся люди, которые по этому поводу говорятъ ему открыто и гласно рѣзкую демократическую правду.

„ Я спрашиваю васъ — сказалъ на Дрезденскомъ партейтагѣ Фольмаръ, обращаясь ко всѣмъ делегатамъ — я спрашиваю, въ какомъ тонѣ говорилъ Бебель ко всей партіи? «Я не потерплю», «я намылю голову», «я надѣюсь еще заставить своихъ враговъ и друзей провести не одинъ тяжелый часъ», «я имѣю за собою массы», «я еще сведу съ вами счеты». Я, я, я — развѣ это языкъ равнаго къ равнымъ, не скорѣе ли это языкъ диктатора? (Сильный шумъ, оживленное одобреніе, бурные протесты и шиканье). Такъ лордъ протекторъ Кромвель говорилъ долгому парламенту.

(Сильный шумъ). Это слѣдовало наконецъ сказать. (Возгласъ: Давно пора!)».

На томъ же Дрезденскомъ партейтагѣ Бебель въ высшей степени характерно для «авторитетнаго вожака» опровергнулъ «разговоры» о соперничествѣ между нимъ и Фольмаромъ.

«Тогда стали говорить, будто это соперничество двухъ вожаковъ, для двухъ Александровъ нѣтъ мѣста въ партіи и при всѣхъ этихъ разногласіяхъ играетъ роль ревность. Я на это неоднократно отвѣчалъ: для насъ обоихъ и еще для многихъ другихъ вполнѣ достаточно мѣстъ въ партіи. Круга, которые почитаютъ Фольмара, совсѣмъ другіе, чѣмъ тѣ, которые выказываютъ симпатію мнѣ. И, если бы даже это были тѣ же круга, то я сказалъ бы, какъ сказалъ, говорятъ, Гете по отношенію къ Шиллеру и себѣ: Перестаньте спорить, кто изъ насъ двоихъ лучшій или, если хотите, большій, радуйтесь, что вы имѣете насъ обоихъ».

И это тоже не тонъ, которымъ говорятъ равные съ равными. Съ одной стороны «мы», Бебель и Фольмаръ, подобные литературнымъ олимпійцамъ Гете и Шиллеру, съ другой стороны «вы», простые смертные, которыхъ «мы» дѣлаемъ счастливыми однимъ своимъ существованіемъ.

Я нарочно беру Бебеля, чтобы показать, что даже, такая чистая и въ основѣ своей демократическая натура, какъ его, не вполнѣ застраховываетъ все же отъ «развращающаго» вліянія «авторитетнаго положенія». Такія натуры, какъ Бебель, подъ вліяніемъ «почитанія» способны «развратиться» только въ смыслѣ склонности къ диктаторству, но отнюдь не къ демагогіи, а «диктаторы» въ сущности не такъ опасны для пролетаріата, какъ демагоги. Ленинъ правъ, когда говоритъ, что «демагоги худшіе враги рабочаго класса» *), но онъ ошибается, думая, что «демагоги» (въ обычномъ значеніи этого слова) могутъ *искренно* выступать въ качествѣ друзей рабочихъ, онъ ошибается, думая, что демагогомъ можно стать «въ силу одной только политической наивности». Искренніе и наивные люди никогда не бываютъ худшими врагами рабочаго класса, они въ худшемъ случаѣ для него безразличны и, на-

*) Что дѣлать? стр. 93.

примѣръ, назвать типичнаго «рабочедѣльца» Акимова демагогомъ также несправедливо и смѣшно, какъ Плеханова назвать человѣкомъ искреннимъ и наивнымъ. Демагогъ это тотъ, для кого народъ, пролетаріатъ, партія служатъ лишь средствомъ для удовлетворенія своего властолюбія. Онъ притворяется мягкимъ, уступчивымъ, особенно по отношенію къ «наивнымъ и искреннимъ», онъ зорко слѣдитъ за всѣми болѣе сильными и менѣе наивными «товарищами», чтобы въ удобную минуту устранить опаснаго соперника во имя... «демократическаго принципа»; въ зависимости отъ настроенія массы, которую онъ хочетъ подчинить себѣ, онъ то выдвигаетъ впередъ «принципы», то ловко прячетъ ихъ въ карманъ, онъ быстро переходитъ отъ «утвержденія» къ «отрицанію», онъ съ большимъ діалектическимъ искусствомъ «превращается въ свою собственную противоположность»; и все это, чтобы добиться «власти»; а добившись...

«Кто чина важнаго *лисой* добился.
Тотъ *волкомъ* станетъ въ немъ».

Во всякомъ случаѣ побѣдоносному пролетаріату придется позаботиться о томъ, чтобы «народные представители» даже при всемъ ихъ желаніи не могли превратиться въ народныхъ властелиновъ. Парижская коммуна, какъ указываетъ Энгельсъ въ предисловіи къ «Гражданской войнѣ»*) тотчасъ увидѣла, что рабочій классъ, разъ онъ не хочетъ тотчасъ послѣ своей побѣды снова превратиться въ классъ угнетенный, долженъ не только устранить всю «старую государственную машину», «весь механизмъ угнетенія», но и «обезопасить себя противъ своихъ собственныхъ служащихъ и уполномоченныхъ». Но какъ?

«Эти служащіе и уполномоченные могли быть въ каждое данное время и всѣ безъ исключенія лишены своего званія». Такая постановка дѣла можетъ съ перваго взгляда показаться очень демократичной, удачной, вообще, что называется, счастливой, и таковой она дѣйствительно кажется Энгельсу и Марксу. Намъ, напротивъ, она не кажется удачной, и мы думаемъ, что Коммуна, если бы она просуществовала

*) Библ. Русскаго Пролетарія, № 27.

достаточно долго, чтобы испытать ее *на практикѣ*, принуждена была бы отъ нея отказаться; мы думаемъ, что «лишеніе во всякое время и всѣхъ безъ исключенія уполномоченныхъ и служащихъ ихъ званія» можетъ быть очень удобно для демагогіи, но врядъ ли удобно для истинной демократіи.

Не поведетъ ли это на практикѣ къ осуществленію демагогическихъ вожделѣній Плеханова и К°, намѣревающихся по своему усмотрѣнію, то предоставлять парламенту засѣдать безъ новыхъ выборовъ до безконечности, то «разгонять» его каждые двѣ недѣли.

Народъ долженъ обезпечить себя отъ диктатуры своихъ уполномоченныхъ, но въ то же время въ своихъ собственныхъ интересахъ онъ долженъ и ихъ обезпечить не только отъ насилій толпы, но и отъ своихъ капризовъ. Убѣжденные, стойкіе, любящіе свои обязанности и свое дѣло люди — а таковыми должны быть народные уполномоченные и служащіе — врядъ ли согласятся брать на себя какія-бы то ни было полномочія, если не будутъ знать, сколько времени они могутъ разсчитывать выполнять ихъ, если не будутъ увѣрены, что ихъ нельзя въ любую минуту по-просту прогнать.

Право избирателей смѣнять народныхъ уполномоченныхъ въ любую минуту гораздо менѣе въ сущности гарантируетъ народъ отъ ихъ господства, чѣмъ *ограниченность* и *кратковременность* вручаемыхъ имъ *полномочій*, *полная гласность всѣхъ ихъ засѣданій*, *всего ихъ дѣлопроизводства*, *независимость отъ нихъ судей*, *уничтоженіе военной службы* и вся совокупность условій демократическаго общежитія.

Ограниченность полномочій вполнѣ достигается введеніемъ народной иниціативы и референдума. Что касается *кратковременности*, то «идеаломъ» въ этомъ отношеніи уже давно считается одинъ годъ. Однолѣтняго парламента вмѣсто семилѣтняго требовали, какъ извѣстно, еще чартисты. Это требованіе удержано и программой англійской соціалдемократіи. Нѣмецкая соціалдемократія отступила къ *двумъ годамъ*, и намъ кажется, что въ данномъ случаѣ она поступила правильно. Два года — срокъ достаточно краткій, чтобы депутаты не успѣли «забыться», и въ то же время достаточно долгій, чтобы они успѣли прорабо-

тать наиболѣе сложные законопроекты, требующіе иногда обслѣдованій и очень внимательной формулировки: одинъ годъ, какъ показываетъ законодательная практика парламентскихъ странъ, для того не достаточенъ.

Гласность или *публичность* всѣхъ засѣданій и всѣхъ работъ представительныхъ собраній имѣетъ огромное значеніе, какъ въ современномъ, такъ и будущемъ обществѣ. Безъ нея невозможенъ контроль избирателей надъ своими представителями, безъ нея избиратели не будутъ знать, кто изъ ихъ избранниковъ оправдалъ возлагаемыя на него надежды, кто нѣтъ, кого слѣдуетъ вновь выбрать, кого нѣтъ. Для парламентскаго самодержавія гласность также неудобна, какъ для самодержавія монархическаго, и англійскій парламентъ очень упорно боролся противъ гласности своихъ засѣданій и своихъ голосованій. Только съ 1770 г. парламентъ сталъ допускать помѣщеніе въ газетахъ отчетовъ о своихъ засѣданіяхъ, но еще въ 1832 году О'Коннеля обвиняли въ нарушеніи «свободы слова» за то, что онъ сообщилъ въ Ирландіи голосованія депутатовъ.

Лишь въ 1834 году въ залѣ засѣданій была устроена для публики галлерея, но попадать туда для простыхъ смертныхъ и до сихъ поръ очень трудно. Съ 1836 г. палата общинъ стала опубликовывать списки своихъ рѣшеній, т. е. результаты голосованій, но до сихъ поръ въ англійскомъ парламентѣ нѣтъ оффиціальныхъ стенографовъ и онъ не опубликовываетъ отчетовъ о своихъ засѣданіяхъ.

Въ другихъ парламентахъ имѣются оффиціальные стенографы и опубликовываются стенографическіе отчеты или отдѣльно, или въ оффиціальной правительственной газетѣ, но они обыкновенно на столько дороги, что не находятъ широкаго распространенія.

Фактически гласность и публичность парламентскихъ и вообще предоставительныхъ засѣданій находятъ свое выраженіе почти исключительно въ отчетахъ частныхъ газетъ, но такъ какъ газеты эти или «партійныя» или по-просту капиталистическія, т. е. прислуживающія буржуазіи, то ихъ отчеты часто искажаютъ рѣчи депутовъ, особенно представителей пролетаріата.

Чтобы гласность выполняла свое назначеніе, чтобы она дѣйствительно служила средствамъ контроля избирателей надъ представителями, чтобы вообще она соединяла народъ съ его уполномоченными, необходима *даровая доставка всѣмъ избирателямъ оффиціальныхъ стенографическихъ отчетовъ о всѣхъ засѣданіяхъ представительныхъ собраній.*

Въ настоящее время это дѣлается, если не ошибаемся, только въ небольшомъ герцогствѣ Луксембургъ.

Бельгійскій соціалистическій депутатъ Дестрэ предлагаетъ даже вообще замѣнить парламентскія засѣданія *парламентской газетой* *).

«Опубликованіе—говоритъ онъ—все: произнесеніе рѣчей—ничто. Упразднимъ произнесеніе рѣчей. Пусть государство издаетъ большую ежедневную газету, черезъ посредство которой каждый депутатъ будетъ имѣть возможность знакомить общественное мнѣніе со всѣмъ, что у него есть сказать. Если газета окажется слишкомъ разросшейся, пусть опубликовываютъ объективную сводку ея. Пусть эта газета, или по крайней мѣрѣ ея резюмэ, безплатно раздается всѣмъ избирателямъ. Въ этой газетѣ правительство будетъ давать разъясненія, которыя у него будутъ требовать по поводу его правленія; въ этой газетѣ правительство будетъ отвѣчать на предлагаемые ему запросы; въ этомъ журналѣ будутъ формулировать, дополнять и обсуждать законопроекты. Политическая жизнь будетъ развиваться непосредственно передъ всею націей. То, что казалось нѣкогда невозможнымъ, становится чрезвычайно простымъ, благодаря печати и легкости сообщеній! И какимъ чуднымъ орудіемъ гражданскаго образованія и воспитанія явилась бы оффиціальная газета, приходящая каждое утро къ гражданину, чтобы освѣдомить его объ очередныхъ вопросахъ этого дня, приносящая ему не то или другое изолированное мнѣніе, но обширнѣйшіе дебаты всѣхъ выдающихся умовъ страны, защищающихъ самыя противоположные взгляды!»

Подобный парламентскій органъ былъ бы, конечно, очень полезенъ, но онъ можетъ лишь дополнить, но не замѣнить парламентскія работы въ ко-

*) Jules Destre. La fin du parlamentarisme. Bruxelles, стр. 38-39.

миссіяхъ и общихъ собраніяхъ, какъ не можетъ соціалистическая пресса замѣнить соціалистическихъ съѣздовъ или конгрессовъ. Важно уже само пребываніе вмѣстѣ лицъ, призванныхъ обсудить тѣ или другіе общественные вопросы и мѣропріятія: для устраненія недоразумѣній, для болѣе быстраго соглашенія нерѣдко важно видѣть и слышать другъ друга; тонъ, жестъ, выраженіе лица иногда дѣлаютъ болѣе ясными, болѣе доказательными тѣ или другіе доводы. При детальномъ обсужденіи проектовъ въ комиссіяхъ пренія нерѣдко принимаютъ форму дѣлового разговора, бесѣды, гдѣ одно какое-нибудь указаніе помогаетъ уясненію дѣла больше обширныхъ газетныхъ статей. Съ другой стороны обличенія правительства, большинства и пр. дѣйствуютъ опять таки гораздо сильнѣе, когда обличитель стоитъ лицомъ къ лицу съ обличаемымъ: прусскимъ министрамъ было бы, конечно, пріятнѣе читать обличенія хотя бы того же Бебеля у себѣ въ кабинетѣ, чѣмъ ежиться подъ ихъ ударами въ открытыхъ засѣданіяхъ рейхстага, такъ сказать, «на людяхъ», но непріятность, получаемая министрами, обыкновенно очень полезна народу. Нѣтъ, упразднять живое слово, устную рѣчь при обсужденіи общественныхъ дѣлъ было бы большой ошибкой. Жаль, конечно, что кромѣ самихъ депутатовъ лишь ничтожная часть «народа» можетъ *слушать* парламентскія пренія, но было бы еще болѣе жаль, если бы депутаты не могли устно обмѣниваться мыслями, а принуждены были бы переписываться.

Для избирателей, повторяемъ, безплатная разсылка отчетовъ *парламентскихъ работъ* необходима; мы нарочно говоримъ—работъ, чтобы подчеркнуть необходимость гласности всего дѣлопроизводства, а не только общихъ засѣданій, такъ называемаго plenum'а; необходима гласность и для преній и голосованій въ комиссіяхъ, гдѣ часто тотъ или другой вопросъ уже предрѣшается. Это требованіе тѣмъ болѣе важно, что Амстердамскій соціалистическій конгрессъ, этотъ, по мнѣнію многихъ, «парламентъ международнаго пролетаріата» укрылся отъ гласности въ свои комиссіи, главнымъ облазомъ, въ «комиссію тактики»; въ комиссіяхъ происходили самыя интересныя и важныя пренія и предрѣшались всѣ вопросы, но комиссіи засѣ-

дали при закрытыхъ дверяхъ, черезъ которыя, принимая во вниманіе усердіе приставленныхъ къ нимъ церберовъ, не могли проникнуть не только обыкновенные смертные, но даже и большинство представителей соціалистической печати.

Подача голосовъ въ представительныхъ собраніяхъ должна быть, конечно, *открытая* и по возможности *поименная*; это вытекаетъ изъ парламентской гласности, какъ средства *контроля* надъ депутатами со стороны избирателей.

Свободу слова народнымъ представителямъ въ законодательныхъ собраніяхъ гарантируютъ всѣ конституціи, устанавливая, что за рѣчи, произнесенныя въ парламентѣ, депутаты преслѣдоваться не могутъ; но на дѣлѣ свобода слова и въ законодательныхъ собраніяхъ такихъ странъ, какъ Германія, значительно ограничивается *властью предсѣдателя*, который при поддержкѣ большинства всегда можетъ «оборвать» оратора и не дать ему высказаться. Въ германскомъ рейхстагѣ предсѣдатель не позволяетъ, напр., критиковать дѣйствія и рѣчи императора и вообще очень часто «призываетъ къ порядку» соціалдемократическихъ ораторовъ, хотя они, надо отдать имъ справедливость, рѣдко выходятъ изъ границъ умѣренности.

Чтобы представительное собраніе не нарушало и не узурпировало народныхъ правъ, необходимо, какъ мы видѣли, точно опредѣлить и ограничить его полномочія; въ самомъ же представительномъ собраніи особенно важно точно опредѣлить и ограничить власть предсѣдателя во имя правъ меньшинства и отдѣльныхъ представителей. Однимъ изъ самыхъ существенныхъ условій полезности для общества представительныхъ собраній является то, чтобы каждый отдѣльный представитель имѣлъ возможность высказать и обосновать свое мнѣніе и чтобы при всѣхъ парламентскихъ работахъ (подготовкѣ проектовъ, преніяхъ, голосованіяхъ, выборахъ должностныхъ лицъ и т. д.) *строго соблюдались опредѣленныя правила*, составляющія конституцію или *уставъ даннаго представительнаго собранія*.

Уставы большинства современныхъ парламентовъ даютъ возможность болѣе или менѣе значительному меньшинству бороться съ большинствомъ, задерживая

принятіе того или другого законопроекта; они требуютъ, чтобы законопроекты проходили «три чтенія», т. е. три раза обсуждались и три раза голосовались, они даютъ право извѣстному числу депутатовъ (одной десятой части общаго числа и даже меньше) требовать поименнаго голосованія каждой статьи, они устанавливаютъ minimum депутатовъ, присутствіе которыхъ необходимо для того, чтобы собраніе могло принимать рѣшенія, они предоставляютъ право каждому говорить «къ порядку дѣлопроизводства» и т. д. Пользованіе этими правилами для затягиванія преній и голосованій получило названіе *обструкціи*, которая играла большую роль въ парламентахъ англійскомъ, австрійскомъ, итальянскомъ, германскомъ и нерѣдко заставляла большинство идти на уступки, особенно, если оно чувствовало, что за меньшинствомъ стоитъ въ данномъ случаѣ большинство націи.

При существованіи народной иниціативы и референдума обструкція теряетъ почти всякое значеніе, но при ихъ отсутствіи она можетъ помѣшать большинству парламента провести тотъ или другой законъ вопреки волѣ большинства націи. Само собой разумѣется, что обструкція все же очень слабый, ненадежный суррогатъ референдума. Въ серьезныхъ случаяхъ большинство обыкновенно рѣшается измѣнить парламентскій уставъ, выкинуть изъ него формальности, которыми пользуются обструкціонисты, и тѣмъ приходится или подчиняться, какъ это дѣлаютъ законники нѣмцы, или прибѣгать къ обструкціи насильственной, т. е. производить въ залѣ засѣданія безпорядокъ, шумѣть, пѣть, свистать, бить стекла и пр., какъ дѣлаютъ итальянцы, австрійцы и венгерцы.

Мы видимъ такимъ образомъ, что необходимо еще и самый «уставъ» представительныхъ собраній оградить отъ произвола большинства; это можетъ быть достигнуто внесеніемъ его въ основные законы или конституцію страны, при чемъ само представительство не должно имѣть права измѣнить основныхъ законовъ, т. е. долженъ существовать, по крайней мѣрѣ, конституціонный референдумъ.

Огражденіе парламентскаго устава, а вмѣстѣ съ тѣмъ и меньшинства отъ произвола большинства важно и помимо «обструкціи», поэтому даже и при

ществованіи народной иниціативы и референдума надо спеціально позаботиться о томъ, чтобы парламентскій уставъ ни въ коимъ случаѣ не былъ внутреннимъ дѣломъ представительнаго собранія, т. е., чтобы не отъ него зависѣли правила и формы преній, голосованій и всего вообще парламентскаго дѣлопроизводства.

При современномъ строѣ кромѣ всѣхъ этихъ гарантій противъ произвола парламентскаго большинства очень большое значеніе имѣетъ охрана народныхъ представителей отъ произвола государственной власти; эта охрана почти во всѣхъ конституціяхъ находитъ себѣ выраженіе въ требованіи согласія парламента на судебное преслѣдованіе его членовъ за какія бы то нибыло проступки и преступленія. Въ будущемъ обществѣ, гдѣ судъ будетъ выборнымъ и гдѣ государственной власти въ современномъ смыслѣ совершенно не будетъ, спеціальная неприкосновенность личности депутата покрывается «неприкосновенностью личности» вообще.

Мы должны упомянуть еще о *вознагражденіи народнымъ представителямъ*. Многіе этому «требованію» придаютъ исключительно большое значеніе. Искристы, не упоминающіе въ своей программѣ ни о народномъ законодательствѣ, ни о пропорціональномъ представительствѣ, ни о неприкосновенности народномъ представителей, безъ колебаній и вполнѣ единодушно выставляютъ въ ней требованіе «жалованья народнымъ представителямъ».

Нѣмецкіе соціалдемократы довольствуются требованіемъ «вознагражденія» подразумѣвая подъ этимъ «суточныя» или, выражаясь парламентскимъ языкомъ «діэты», т. е. плату за тѣ дни, которые депутатъ посвящаетъ парламентской работѣ. Такой способъ оплаты парламентской работы примѣняется почти во всѣхъ парламентахъ, гдѣ вообще существуетъ вознагражденіе. Противъ требованія вознагражденія при буржуазномъ строѣ возражать не приходится, но врядъ-ли слѣдуетъ вводить для народныхъ представителей чиновничье 20-ое число, такъ какъ обыкновенно около полугода они совершенно свободны отъ парламентскихъ занятій. Не надо также преувеличивать значеніе «вознагражденія». Отсутствіе его врядъ-ли помѣшало хоть одному представителю пролетаріата проникнуть въ германскій рейхстагъ.

Соціалдемократическіе депутаты получаютъ вознагражденіе изъ партійной кассы, и Бебель какъ-то сказалъ въ рейхстагѣ, что отсутствіе діэтъ соціалдемократамъ не страшно, и они могли бы изъ своихъ партійныхъ средствъ вознаграждать всѣхъ депутатовъ рейхстага. Въ Англіи при полученіи депутатскаго мѣста въ палатѣ общинъ денежный вопросъ играетъ очень большую роль, но не потому или во всякомъ не столько потому, что тамъ не существуетъ вознагражденія членамъ парламента, а потому, что тамъ страшно дорого стоятъ кандидату самые выборы.

Англійскіе избирательные обычаи требуютъ отъ кандидата, чтобы онъ заботился о правильномъ занесеніи избирателей въ избирательные списки, а, главное, чтобы онъ ихъ *канвассировалъ*, т. е. располагалъ въ свою пользу. Канвассированье заключается въ разсылкѣ всѣмъ избирателямъ даннаго округа циркуляровъ и манифестовъ, въ визитахъ къ нимъ самого кандидата или его агентовъ и т. д. Все это стоитъ большихъ денегъ. Выборы 1895 года обошлись кандидатамъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ 9.585.310 рублей. Въ 1880 г. Гладстонъ истратилъ на выборы въ своемъ округѣ 26.930 руб., и каждый полученный имъ голосъ обошелся ему въ среднемъ въ 17 руб.*)

Англійскіе соціалдемократы требуютъ запрещенія канвассированья, но этимъ врядъ ли можно помочь горю. Ему можно помочь лишь просвѣщеніемъ народныхъ массъ.

Разъ трудящаяся масса сознаетъ свои интересы, тогда не страшно никакое «канвассированье» кандидатовъ капиталистическихъ партій. Избирательное конвассированье капиталистовъ можетъ быть разбито лишь постояннымъ канвассированіемъ сознательныхъ пролетаріевъ, т. е. постоянной пролетарской пропагандой и агитаціей.

Въ будущемъ обществѣ съ уничтоженіемъ «власти денегъ» исчезнетъ и сила денежнаго канвассированія. Что касается до вознагражденія народныхъ представителей, то при окончательномъ установленіи пролетарскаго строя вообще не будетъ «вознагражденій» —

---

*) См. статью Сатурина въ сборникѣ «Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Европѣ и С.-Амер. Соед. Штатахъ.»

а будетъ равномѣрное удовлетвореніе потребностей. Пока «вознагражденіе» существуетъ, оно съ пролетарской точки зрѣнія должно быть одинаково для всѣхъ видовъ труда, и размѣръ вознагражденія депутата не долженъ превышать средняго заработка фабрично-заводскаго рабочаго.

И Марксъ, и Энгельсъ съ особеннымъ сочувствіемъ указываютъ на то, что въ парижской революціонной коммунѣ всѣ общественныя должности, начиная съ членовъ самой коммуны до послѣдняго чиновника оплачивались заработною платою. «Присвоенные высшимъ сановникамъ привиллегіи и оклады исчезли вмѣстѣ съ этими сановниками.» Энгельсъ считаетъ сведеніе высокихъ окладовъ къ скромной заработной платѣ однимъ изъ «непреодолимыхъ средствъ» «противъ превращенія государственныхъ органовъ изъ слугъ общества въ его повелителей».

«Высшій окладъ при коммунѣ — говоритъ онъ—не превышалъ 6000 фр. Такимъ образомъ карьеризму и погонѣ за мѣстами былъ положенъ конецъ, даже безъ помощи наказовъ, которые получали представители народа отъ своихъ избирателей и которые въ сущности были излишни».

Прекрасно, но все же коммуна въ этомъ отношеніи остановилась на полдорогѣ. У ней были высшіе и низшіе оклады, и высота вознагражденія въ узкихъ, правда, границахъ 6000 фр. опредѣлялась «высотою должности», а не высотою потребности даннаго лица, т. е. главнымъ образомъ, его семейнымъ положеніемъ (числомъ малолѣтнихъ дѣтей). Хорошо, если молодой здоровый человѣкъ получалъ 600 фр., а пожилой, болѣзненный отецъ многочисленнаго семейства получалъ 6000 фр. Съ этимъ можно бы помириться, но на дѣлѣ, навѣрное, были случаи и какъ разъ обратные.

Пролетарско-трудоваго принципа, по которому вознагражденіе опредѣляется не «высотою», «отвѣтственностью» и т. д. занимаемаго «мѣста», а объективно установленной потребностью, не придерживаются, къ сожалѣнію, и современныя соціалистическія партіи.

Въ соціалистическихъ политическихъ и экономическихъ организаціяхъ, въ соціалистическихъ редакціяхъ, типографіяхъ и пр. служащіе и работающіе обы-

кновенно оплачиваются по принципу буржуазному; т. е. вознагражденіе обыкновенно обратно пропорціонально тяжести вознаграждаемаго труда.

Въ связи съ этимъ выпросомъ, требующимъ, какъ намъ кажется, серьезнаго вниманія, стоитъ и вопросъ о «фабрикантахъ, банкирахъ» и вообще богатыхъ людяхъ, вступающихъ въ пролетарскія партіи. Ихъ вступленію можно радоваться только въ томъ случаѣ, если они *сразу* отдаютъ на нужды партіи свое состояніе, оставляя себѣ только самое необходимое, другими словами оставляя себѣ лишь столько средствъ, сколько необходимо для скромной жизни ихъ самихъ и ихъ семей; мѣриломъ скромности должна быть жизнь хорошо поставленнаго фабрично-заводскаго рабочаго.

Было бы уже очень хорошо, если бы соціалистическіе капиталисты оставили себѣ тысячъ по сто франковъ, а остальное отдали своимъ партіямъ; мы увѣрены, что средства партій тогда-бы значительно поднялись, но, главное, усилилась бы связь между выходцами изъ буржуазнаго класса, выходцами, которые, быть можетъ, слишкомъ быстро становятся вожаками, и пролетарскою массою, въ рядахъ которыхъ они хотятъ бороться за осуществленіе идеала свободы и справедливости. Конечно, было-бы самымъ лучшимъ, если бы капиталисты, становясь соціалистами, пролетаризировались до конца, отдавая все свое состояніе въ распоряженіе борющагося пролетаріата и тѣмъ самымъ подвергая себя всей тяжести пролетарскаго существованія, но самого лучшаго никогда нельзя требовать, его можно только желать.

Буржуазныя газеты и вообще представители буржуазныхъ партій очень любятъ указывать на противорѣчіе между пролетарскими идеалами и крупными состояніями носителей этихъ идеаловъ; они дѣлаютъ это изъ самыхъ гнусныхъ, конечно, соображеній, и не имъ говорить вообще о какихъ-то ни было противорѣчіяхъ, но съ другой такъ отдѣлываться отъ этихъ непріятныхъ указаній, какъ отдѣлывается «Vorwärts», по нашему мнѣнію, никакъ нельзя. Соціалдемократія, по его словамъ, стоитъ совсѣмъ не за бѣдность, она стоитъ за повышеніе потребностей, и поэтому не можетъ ничего имѣть противъ вступленія въ ея ряды милльонеровъ.

Это не болѣе, какъ софизмъ, который не хочется даже опровергать. Дѣло совсѣмъ не въ проповѣди «бѣдности» или борьбѣ съ «повышеніемъ потребностей». Дѣло въ томъ, можетъ ли быть правдивымъ, искреннимъ борцомъ за пролетарское дѣло человѣкъ, владѣющій милльономъ и не отдающій его на нужды этого дѣла?

Мы отвѣчаемъ: нѣтъ, не можетъ быть. Соціалдемократъ знаетъ, что деньги, обращенныя на соціалистическую организацію, пропаганду, агитацію и т. д., ускоряютъ наступленіе соціальнаго переворота и, потому не отдавая партіи своего «милльона», онъ сознательно остается равнодушнымъ къ успѣху того дѣла, за которое онъ на словахъ хочетъ бороться.

Хуже всего, если «товарищъ», оставляя капиталъ въ своемъ распоряженіи, по немногу и по своему желанію «помогаетъ» партіи; это имѣетъ несомнѣнно деморализирующее вліяніе, какъ на самого товарища-капиталиста, такъ и на многихъ товарищей-пролетаріевъ, занимающихъ партійныя должности.

Все это лишь небольшая частица того огромнаго вреда, которое приноситъ пролетарскому движенію вторгающаяся въ него *буржуазность*. Однимъ изъ хорошихъ противодѣйствій противъ нея было бы болѣе конкретное представленіе пролетарскаго строя, въ особенности тѣхъ его сторонъ, которыя всѣмъ безъ исключенія обезпечиваютъ совершенно одинаковыя условія для развитія своей человѣческой личности; но объ этомъ намъ придется еще поговорить подробнѣе по другому поводу.

V.

Буржуазная теорія государственнаго устройства требуетъ, какъ извѣстно, «*раздѣленія властей*»: законодательной, исполнительной и судебной; въ этомъ «раздѣленіи» хотѣли видѣть народную гарантію отъ злоупотребленій государственной власти вообще. Во Франціи во время великой революціи, въ Сѣв. Амер. Соед. Шт. и во многихъ другихъ странахъ при выработкѣ конституціи буржуазные политики старались

придерживаться этой теоріи, но на дѣлѣ никакого раздѣленія не получалось, и всѣ власти сливались въ единое орудіе угнетенія и эксплуатаціи народныхъ массъ. Пролетаріямъ, замѣняющимъ государственную власть народнымъ самоуправленіемъ, не приходится, конечно, проводить въ жизнь теорію раздѣленія властей, но и пролетарскій строй предполагаетъ выдѣленіе изъ общей народной массы должностныхъ лицъ, уполномоченныхъ, представителей (названіе не важно), которые, сохраняя тѣсную связь съ этою массою, содѣйствуютъ ей въ выполненіи общественныхъ функцій законодательныхъ, исполнительныхъ и судебныхъ. Раздѣлять въ пролетарскомъ обществѣ функціи законодательныя отъ исполнительныхъ нѣтъ основаній. Этого раздѣленія не знала Парижская Коммуна 1871 г., его нѣтъ и во многихъ современныхъ мѣстныхъ самоуправленіяхъ. Члены представительныхъ собраній могутъ на ряду съ дѣятельностью по выработкѣ законопроектовъ брать на себя завѣдываніе тѣми или другими отраслями управленія, распредѣляя ихъ по взаимному соглашенію и въ зависимости отъ спеціальныхъ способностей и знаній каждаго. Но на ряду съ этими «завѣдующими» изъ среды общихъ представительныхъ собраній — (общинныхъ, областныхъ, союзныхъ) будутъ, навѣрное, спеціальные завѣдующіе, выбираемые для какой-нибудь опредѣленной отрасли общественнаго управленія, напр., для народнаго образованія.

Примѣры такихъ органовъ самоуправленія, выбранныхъ для завѣдыванія спеціально однимъ какимъ-нибудь общественнымъ дѣломъ можно встрѣтить и въ настоящее время. Особенно поучителенъ примѣръ англійскихъ «школьныхъ комитетовъ» (School Boards), введенныхъ въ Англіи закономъ Ферстера въ 1870 г. «Школьные комитеты» выбирались всѣмъ населеніемъ каждаго округа; правомъ голоса и правомъ быть выбранной пользовались и женщины, многія изъ которыхъ сдѣладись очень дѣятельными, очень цѣнными членами комитетовъ. Школьные комитеты уполномачивались строить новыя школы, завѣдывать ими и слѣдить за выполненіемъ закона объ обязательномъ обученіи. Комитеты проявили кипучую дѣятельность не только въ созданіи и прекрасной постановкѣ новыхъ школъ для дѣтей, но и въ устройствѣ вечернихъ классовъ для взрослыхъ. Прос-

вѣтительная работа школьныхъ комитетовъ — одна изъ свѣтлыхъ страницъ современной исторіи Англіи, но, подымая духовный уровень народа, эта дѣятельность была опасна для господства буржуазіи, и въ 1902 г. «школьнымъ комитетамъ» былъ нанесенъ смертельный ударъ извѣстнымъ «образовательнымъ билемъ» (Education Bill), который прошелъ въ парламентѣ большинствомъ 286 голосовъ противъ 134; но противъ него наиболѣе прогрессивная часть англійскаго народа продолжаетъ вести упорную борьбу, прибѣгая даже къ стачкѣ плательщиковъ налоговъ, правда, въ очень незначительныхъ размѣрахъ.

Учрежденія, подобныя этимъ «школьнымъ комитетамъ» и въ пролетарскомъ обществѣ будутъ имѣть большое и благотворное значеніе.

Мы даже думаемъ, что въ процессѣ общественнаго развитія, который послѣ побѣды пролетаріата, разумѣется, не остановится, а двинется ускореннымъ темпомъ, выборныя коллегіальныя учрежденія для соціальныхъ общественныхъ задачъ будутъ постепенно уменьшать кругъ дѣятельности общихъ представительныхъ собраній и, въ концѣ концовъ, можетъ быть сдѣлаютъ ихъ совсѣмъ излишними.

Во время Парижской Коммуны, по словамъ Энгельса, «*всѣ должности* учительскія, судебныя, административныя *замѣщались путемъ выбора*, при чемъ голосовали *всѣ тѣ, которые были заинтересованы въ исполненіи данной функціи*».

Какъ общее правило такой способъ врядъ-ли можно назвать цѣлесообразнымъ. Интересы дѣла потребуютъ въ пролетарскомъ обществѣ, вѣроятно, не одного способа замѣщенія всѣхъ должностей, а нѣсколькихъ.

Кромѣ *выборовъ* при замѣщеніи должностей пролетарское общество найдетъ, можетъ быть, необходимымъ прибѣгнуть къ «*дежурствуу*» или поочередности и назначенію со стороны лицъ, отвѣтственныхъ за правильный ходъ дѣла.

При выборахъ должностныхъ лицъ въ большинствѣ случаевъ должны имѣть право голосовать всѣ члены данной общины или, если дѣло идетъ о должности областной или союзной, то всѣ жители данной области или союза; въ выборахъ, наприм., завѣдующаго школой, судьи и пр. несомнѣнно заинтересованы

всѣ, а не какая-нибудь отдѣльная группа; но возможны и такіе случаи, когда къ голосованію будетъ привлекаться только одна какая нибудь группа гражданъ, спеціально заинтересованная въ исполненіи данной функціи; такъ, напр., выборъ завѣдывающаго той или другой общиной мастерской можетъ быть предоставленъ исключительно работающимъ въ этой мастерской.

«Дежурство» или «поочередность» могутъ оказаться умѣстными при исполненіи обязанностей по наблюденію за порядкомъ и чистотой на улицахъ, назначенія со стороны завѣдующихъ цѣлесообразны при подборѣ преподавательскаго персонала.

«Бюрократизмъ» отъ примѣненія этихъ способовъ замѣщенія не можетъ развиться, если будутъ соблюдаться необходимыя пролетарско-демократическія условія, во-первыхъ: одинаковое вознагражденіе или, вѣрнѣе, одинаковое удовлетвореніе потребностей для всѣхъ должностныхъ лицъ отъ «высшихъ» до «низшихъ» и при томъ такое же, какъ и для обыкновенныхъ работниковъ; во вторыхъ, обязательная выборность на короткій срокъ лицъ, отъ которыхъ зависитъ назначеніе тѣхъ или другихъ должностныхъ лицъ; и въ третьихъ, отсутствіе всякихъ отличій, чиновъ, орденовъ, наградъ.

Остановимся нѣсколько на послѣднемъ условіи, такъ какъ многіе современные соціалдемократы сильно заражены мѣщанскою страстью къ титуламъ и отличіямъ и могутъ, пожалуй, занести эту заразу въ будущее пролетарско-демократическое общество. Казалось бы не только для соціалдемократа, но и просто для демократа не должно существовать никакихъ сословныхъ различій, между тѣмъ нѣкоторые нѣмецкіе соціалдемократы парадируютъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ, ставя передъ своей фамиліей частицу von, о которой такъ мечтаетъ каждый нѣмецкій мѣщанинъ. Непомѣрное значеніе имѣетъ и титулъ «доктора», хотя добиться званія «доктора философіи» или «доктора юриспруденціи» въ Германіи можно съ *очень легкимъ* научнымъ багажемъ,

Въ соціалдемократической печати встрѣчались не разъ указанія, что «товарищъ» съ титуломъ доктора имѣетъ больше шансовъ попасть въ число соціалде-

мократическихъ кандидатовъ въ рейхтагъ, чѣмъ товарищъ безъ всякаго титула.

Орденовъ у нѣмецкихъ соціалдемократическихъ вожаковъ, кажется, нѣтъ, и они не могли получить къ нимъ ни склонности, ни «вкусу»; но среди французскихъ соціалистовъ есть «ситуаэны», которые не прочь пощеголять въ орденахъ.

Достаточно указать, что на одномъ изъ конгрессовъ французскихъ соціалистовъ нѣкоторые делегаты находили необходимымъ для успѣха соціализма выхлопатывать у правительства ордена для вліятельныхъ избирателей тѣхъ округовъ, которые посылаютъ въ палату соціалистическихъ депутатовъ.

Въ Сѣв. Ам. Соед. Штатахъ своихъ настоящихъ орденовъ нѣтъ, но страсть къ орденамъ иностраннымъ и ко всевозможнымъ отличіямъ, титуламъ и «значкамъ» достигаетъ прямо болѣзненныхъ размѣровъ.

Въ виду всего этого очень не мѣшаетъ, чтобы въ соціалистической программѣ опредѣленно требовалась: «*Отмѣна сословныхъ различій, отмѣна чиновъ и титуловъ, отмѣна орденовъ*».

VI.

При замѣщеніи судебныхъ должностей «назначеніе» со стороны законодательныхъ или административныхъ органовъ должно совершенно отпасть, какъ несовмѣстимое съ самостоятельнымъ положеніемъ суда, которому въ пролетарскомъ обществѣ еще болѣе, чѣмъ въ обществѣ буржуазномъ, придется разрѣшать столкновенія гражданъ съ органами управленія и самихъ этихъ органовъ между собою. Остаются выборы и поочередное исполненіе судебныхъ функцій.

Въ современномъ обществѣ выборность судей — явленіе рѣдкое, но принципъ поочередности находитъ себѣ, правда, очень несовершенное примѣненіе въ «судѣ присяжныхъ». Судъ присяжныхъ обыкновенно болѣе человѣченъ, менѣе черствъ, менѣе впадаетъ въ жестокій формализмъ, лучше умѣетъ индивидуализировать преступленія, т. е. замѣчать особенности каждаго изъ нихъ, вообще онъ болѣе «справедливъ», чѣмъ

«судъ коронный», судъ назначенныхъ правительствомъ профессіональныхъ юристовъ, но и судъ присяжныхъ въ современномъ обществѣ является, несомнѣнно, судомъ классовымъ, для котораго охрана интересовъ господствующаго класса въ концѣ концовъ важнѣе «справедливости» и «человѣчности». Классовой характеръ суда присяжныхъ объясняется между прочимъ тѣмъ, что буржуазія старательно исключаетъ изъ круга лицъ, призываемыхъ къ выполненію обязанностей присяжныхъ, всѣхъ настоящихъ пролетаріевъ. Кромѣ того судебныя функціи «присяжныхъ» повсюду очень связаны тѣмъ, что предварительное слѣдствіе, руководство судебными засѣданіями и, наконецъ, назначеніе наказанія во всякомъ случаѣ находятся въ рукахъ судей правительственныхъ. Наконецъ, — и это главное, — все уголовное законодательство, опредѣляющее, какіе поступки считать преступленіями, и вся система наказаній, проникнуты духомъ буржуазнымъ, враждебнымъ духу пролетарскому: справедливость буржуазная съ точки зрѣнія пролетарской является часто несправедливостью, и наоборотъ справедливость пролетарская должна казаться буржуазіи величайшей несправедливостью.

Но съ устраненіемъ всѣхъ этихъ буржуазныхъ элементовъ и условій форма суда присяжныхъ будетъ, вѣроятно, принята и пролетарскимъ обществомъ. Къ выполненію судебныхъ функцій будутъ призываться всѣ граждане въ извѣстной очереди; «судъ» будетъ, конечно, состоять не изъ одного судьи, а изъ цѣлой коллегіи судей или народныхъ засѣдателей, которые будутъ рѣшать вопросъ о виновности, о наказаніи и т. д. по большинству голосовъ. Обвиняемому, какъ и теперь, будетъ предоставляться «отводить» народныхъ засѣдателей, въ безпристрастіи которыхъ онъ имѣетъ право сомнѣваться. Производство предварительнаго слѣдствія, руководство судебными засѣданіями и назначеніе наказанія въ случаѣ признанія даннаго лица виновнымъ, вообще функціи «коронныхъ судей» перейдутъ къ выборнымъ судьямъ, или же и эти всѣ функціи будутъ выполняться тѣми же очередными народными засѣдателями, соотвѣтствующими нынѣшнимъ присяжнымъ. Названіе «присяжные» засѣдатели сохранить будетъ нельзя, такъ какъ проле-

таріатъ несомнѣнно *уничтожитъ* лицемѣрную гнусность — *присягу во всѣхъ ея формахъ*. На ряду съ очередными судьями, которыхъ мы по аналогіи съ присяжными, называемъ народными засѣдателями, или вмѣсто нихъ будутъ существовать судьи выборные. Для дѣлъ, рѣшеніе которыхъ въ болѣе или менѣе одинаковой степени важно для всѣхъ членовъ даннаго общежитія судьи будутъ выбираться всѣми гражданами; для дѣлъ же, носящихъ болѣе частный характеръ, самымъ цѣлесообразнымъ надо признать *третейскій судъ*. Третейскій судъ по мѣрѣ исчезновенія «преступленій», будетъ вытѣснять другія формы суда. Одной изъ задачъ пролетарскаго общественнаго воспитанія является уничтоженіе «преступленія» и «наказанія», но недоразумѣнія, требующія третейскаго суда врядъ-ли когда-нибудь исчезнутъ и въ пролетарскомъ обществѣ.

Точно устанавливать форму суда въ современной пролетарской программѣ нѣтъ надобности; ее установитъ практика; въ началѣ же будетъ разнообразная комбинація; однѣ общины остановятся исключительно на выборныхъ судьяхъ; другія исключительно на народныхъ засѣдателяхъ; третьи соединятъ выборность съ поочередностью; четвертыя попытаются обойтись, быть можетъ, обязательнымъ третейскимъ судомъ и т. д.

Въ программѣ достаточно указать, что пролетаріатъ признаетъ судей или выбранныхъ всѣми, или выбранныхъ заинтересованными сторонами, или, наконецъ, очередныхъ при участіи въ выполненіи судебныхъ функцій всѣхъ гражданъ, т. е. всѣхъ взрослыхъ мужчинъ и *женщинъ*.

Назначеніе и *несмѣняемость* судей пролетаріатъ отвергаетъ, какъ это видно и на примѣрѣ Парижской Коммуны.

«Судьи—говоритъ Марксъ въ «Гражданской войнѣ» —были лишены той мнимой независимости, которая служила только маской подчиненности ихъ всѣмъ послѣдовательно смѣнявшимся правительствамъ; каждому изъ этихъ правительствъ они приносили въ свое время присягу на вѣрность. Подобно другимъ общественнымъ служащимъ, они сдѣланы были выборными и смѣняемыми»,

Смѣняемость мы понимаемъ въ смыслѣ выборно-

сти на короткій срокъ, но не въ смыслѣ отнятія судебныхъ функцій въ любую минуту.

Въ связи съ организаціей суда стоитъ и **неприкосновенность личности**.

«Неприкосновенность личности» многимъ *кажется* чѣмъ то «само собой понятнымъ». «Искристы», напр., какъ гласитъ протоколъ ихъ невиданнаго съѣзда, приняли требованіе «неприкосновенности личности и жилища» «*безъ преній* единогласно». Но, если бы ихъ попросить разъяснить, что они подразумѣваютъ подъ этою «неприкосновенностью», то они, вѣроятно, стали бы путать и въ концѣ концовъ попали бы въ тупикъ, одинъ только развѣ Плехановъ, по «находчивости» стоящій несомнѣнно головой выше всѣхъ своихъ сослуживцевъ*), не задумываясь, отвѣтилъ бы: «Неприкосновенность личности означаетъ то, что мы не повѣсимъ того, кого не можемъ или не хотимъ повѣсить». Такъ понималъ «неприкосновенность личности» и «образецъ» Плеханова Робеспьеръ. Но, если отрѣшиться отъ пониманія Плеханова и Робеспьера, то понятіе «неприкосновенность личности» можетъ быть, болѣе, чѣмъ какое-нибудь другое «понятіе» соціалдемократической программы, требуетъ поясненія, требуетъ «раскрытія».

«Неприкосновенность личности»—это тотъ пунктъ, на которомъ *сходятся и въ то же время расходятся анархисты и соціалдемократы*.

Тѣ и другіе требуютъ «неприкосновенности личности», но понимаютъ неприкосновенность различно! Для анархистовъ она совпадаетъ съ абсолютной независимостью личности отъ коллективной общественной воли, какъ бы эта воля не проявлялась: прямымъ ли народнымъ законодательствомъ, всеобщими ли выборами народныхъ уполномоченныхъ. Они не признаютъ ни законовъ, ни судовъ, они не признаютъ за народомъ или обществомъ права ограничивать свободу

*) Читателямъ, слѣдящимъ не достаточно внимательно за «Искрой», не лишне указать, что терминъ «сослуживцы» для искристовъ введенъ самимъ Плехановымъ. Мы находимъ этотъ терминъ очень удачнымъ. Ихъ взаимныя отношенія очень напоминаютъ взаимныя отношенія департаментскихъ сослуживцевъ, «подкапывающихся» другъ подъ друга. «Товарищами» они теперь могутъ называть себя только иронически.

отдѣльнаго лица поступать такъ, какъ ему заблагоразсудится, они, другими словами, не признаютъ за обществомъ права издавать какія-бы то ни было обязательныя для всѣхъ членовъ постановленія.

Соціалдемократы признаютъ это общественное право, они признаютъ и законы, и суды; они считаютъ необходимымъ извѣстное принужденіе со стороны коллективной воли общества по отношенію къ волѣ отдѣльнаго члена его для огражденія болѣе слабыхъ «личностей» отъ насилія болѣе сильныхъ. Соціалдемократы понимаютъ, что практически приходится имѣть дѣло не съ «личностью», а съ личностями или лицами, изъ которыхъ одни нарушаютъ «неприкосновенность» другихъ. Во имя огражденія слабыхъ отъ сильныхъ они ограничиваютъ волю отдѣльныхъ лицъ коллективною волею всего общества, они признаютъ абсолютную неприкосновенность личности въ смыслѣ охраны одного лица отъ насилія другого, но они отвергаютъ абсолютную неприкосновенность личности въ смыслѣ устраненія всякаго общественнаго принужденія по отношенію къ отдѣльной личности.

«Неприкосновенность личности» со стороны общества сводится для соціалдемократовъ къ ряду гарантій противъ *произвола* и *ошибокъ* какъ всего народа, такъ и должностныхъ лицъ или что то же къ обезпеченію неприкосновенности отдѣльныхъ лицъ, на сколько они не нарушаютъ установленныхъ общественныхъ законовъ. Пролетарская соціалдемократія имѣетъ при этомъ въ виду законы общества пролетарскаго, общества соціальнаго (политическаго и экономическаго) равенства. Въ современномъ буржуазномъ обществѣ «законность» является *по премуществу* орудіемъ угнетенія неимущихъ и охраны привиллегій имущихъ; съ буржуазною «законностью» пролетаріату приходится бороться; но эта борьба, подрывая почву подъ законностью буржуазной, подготовляетъ въ то же время законность пролетарскую: одни законы пролетаріатъ уничтожаетъ, постоянно нарушая ихъ, другіе создаетъ, принуждая буржуазію ограничивать рабочее время, запрещать работу малолѣтнихъ и т. д.

Уже изъ сказаннаго видно, что различіе между анархической и соціалдемократической «неприкосновенностью личности» очень существенно, въ немъ

коренится вообще различіе между воззрѣніями анархическими и соціалдемократическими.

Чтобы сознательно стать на соціалдемократическую или пролетарскую точку зрѣнія, необходимо познакомиться съ обоснованіемъ анархистической точки зрѣнія; это тѣмъ болѣе необходимо, что анализъ анархическихъ доводовъ можетъ предостеречь отъ увлеченія не только анархизмомъ, но и законностью *современнаго* строя.

Философомъ анархизма справедливо считается Максъ Штирнеръ (Каспаръ Шмидтъ), который въ своей замѣчательной книгѣ «Индивидумъ и его собственность» («Der Einzige und sein Eigenthum») съ необычайною силою выдвинулъ самоопредѣленіе личности противъ порабощенія ея «священнымъ», къ которому онъ свелъ церковь, государство, отечество, законность, партійность и т. д.

Для насъ въ данномъ случаѣ особенно важно отношеніе Штирнера къ «преступленію» и «наказанію».

«Лучшимъ государствомъ—говоритъ онъ*)—будетъ очевидно то, которое имѣетъ наиболѣе лояльныхъ гражданъ, и чѣмъ болѣе теряется преданность къ *законности*, тѣмъ сильнѣе теряетъ въ силѣ и достоинствѣ государство, эта система нравственности, эта сама нравственная жизнь. Вмѣстѣ съ «хорошими гражданами» пропадаетъ и хорошее государство, разлагаясь въ анархію и беззаконіе. «Уваженіе передъ закономъ!» Этимъ цементомъ сдерживается государственная цѣльность. «Законъ—*священенъ*, и кто оскверняетъ его тотъ *преступникъ*». Безъ преступленія нѣтъ государства: нравственный міръ,—а онъ и есть государство — полонъ мошенниками, обманщиками, лжецами, ворами и т. д. Такъ какъ государство есть «господство закона», его іерархія, то эгоизмъ во всѣхъ случаяхъ, когда *его* выгода противорѣчитъ выгодѣ государства, можетъ найти себѣ удовлетвореніе лишь путемъ преступленія.

«Государство не можетъ отказаться отъ притязанія, что его *законы* и распоряженія *священны*. При этомъ индивидуумъ считается по отношенію къ госу-

*) M. Stirner: «Die Einzige und sein Eigenthum» Verlag von Reclam Leipzig, стр. 277 и слѣд.

дарству такимъ же *нечестивымъ* (варваромъ, первобытнымъ человѣкомъ, «эгоистомъ»), какимъ нѣкогда считала его церковь; передъ индивидуумомъ государство окружаетъ себя сіяніемъ святости. Такъ, напр., оно издаетъ законъ противъ дуэли. Два человѣка, оба согласны въ томъ, что они хотятъ поставить на карту свою жизнь за какое нибудь дѣло (все равно какое), не должны этого смѣть, такъ какъ этого не хочетъ государство. Гдѣ же тогда свобода самоопредѣленія? Совершенно иначе обстоитъ дѣло, когда какъ, напр., въ Сѣверной Америкѣ, общество заставляетъ дерущихся на дуэли нести извѣстныя непріятныя *послѣдствія* своего поступка, напр., оно лишаетъ ихъ кредита, которыми они до сихъ поръ пользовались. Отказывать въ кредитѣ, это дѣло каждаго и, если общество на томъ или другомъ основаніи хочетъ лишить его, то пострадавшій не можетъ жаловаться на нарушеніе своей свободы: общество осуществляетъ только свою собственную свободу.

Это не наказаніе грѣха, это не наказаніе за *преступленіе*. Дуэль тамъ не преступленіе, а только дѣяніе, противъ котораго общество принимаетъ соотвѣтствующія мѣры, устанавливаетъ *оборону*. Государство, напротивъ, заклеймляетъ дуэль, какъ преступленіе, т. е. какъ нарушеніе своего священнаго закона: оно дѣлаетъ ее *уголовнымъ случаемъ*. Въ то время, какъ это общество предоставляетъ рѣшенію личности, желаетъ ли она навлекать на себя непріятныя послѣдствія и неудобства своимъ образомъ дѣйствій и признаетъ этимъ ея свободное рѣшеніе, государство поступаетъ какъ разъ наоборотъ, отрицая всякое право за рѣшеніемъ личности, но за то все право признавая за своимъ рѣшеніемъ, за государственнымъ закономъ, такъ что кто поступаетъ противъ заповѣди государства, тотъ считается поступающимъ противъ заповѣди Божьей; этого же взгляда придерживается и церковь. Богъ здѣсь священенъ самъ по себѣ, и заповѣди церкви, какъ и государства является заповѣдями этого священнаго, и онъ даетъ ихъ міру черезъ своихъ помазанниковъ и государей Божьей милостью. У церкви были *смертные грѣхи*, у государства имѣются *заслуживающія смерти преступленія*, у ней были *ереси*, у него есть *государственные преступ*

ники, тамъ *церковныя наказанія*, здѣсь *уголовныя наказанія*, тамъ *инквизиціонные* процессы, здѣсь *фискальные*, однимъ словомъ тамъ грѣхъ, здѣсь преступленіе, тамъ грѣшники, здѣсь преступники, тамъ инквизиція и здѣсь—инквизиція. Не падетъ ли святость государства подобно тому, какъ пала святость церкви? Священный ужасъ передъ его законами, преклоненіе передъ его высочествомъ, приниженіе его «подданныхъ» — останется ли все это? не сотрется ли этотъ «ликъ святыхъ»?

Какая глупость требовать отъ государственной власти, чтобы она вступала съ личностью въ частный бой и, какъ выражаются по поводу свободы печати, распредѣляла бы равномѣрно солнце и вѣтеръ. Если государство должно быть при этомъ рѣшающей силой, то оно по необходимости будетъ силой, высшей по отношенію къ личности. Государство — «священно» и не должно быть допущено, чтобы отдѣльныя лица производили на него «дерзкія покушенія». Разъ государство *священно*, то должна существовать цензура. Политическіе либералы признаютъ первое и оспариваютъ слѣдствіе. Во всякомъ случаѣ они признаютъ за государствомъ право репрессивныхъ мѣръ, такъ какъ они стоятъ на томъ, что государство — нѣчто *большее*, чѣмъ личность и выполняетъ справедливое мщеніе, называемое наказаніемъ.

Наказаніе имѣетъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если оно должно служить искупленіемъ за оскорбленіе *священнаго*. Если кому-нибудь что-нибудь священно, то онъ, конечно, заслуживаетъ наказанія, когда нападаетъ на него. Человѣкъ, который предоставляетъ какой-нибудь человѣческой жизни продолжаться, такъ какъ она ему священна и который чувствуетъ *боязнь* покуситься на нее, такой человѣкъ — *религіозенъ*.

Вейтлингъ возлагаетъ отвѣтственность за преступленія на «общественный порядокъ» и живетъ ожиданіемъ, что при коммунистическихъ учрежденіяхъ преступленія сдѣлаются невозможными, такъ какъ отпадутъ искушенія для нихъ, напр. деньги. Такъ какъ между тѣмъ и его организованное общество подымается на высоту священнаго и неприкосновеннаго, то его добросердечное мнѣніе таитъ въ себѣ ошибку. Не будетъ недостатка въ такихъ, которые, объявляя себя

приверженцами коммунистическаго общества, станутъ подъ шумокъ содѣйствовать его разрушенію. Но и безъ того Вейтлингъ долженъ держаться за «цѣлительныя средства противъ естественнаго остатка человѣческихъ болѣзней и слабостей», а «цѣлительныя средства» всегда возвѣщаютъ уже, что личности считаются «призванными» къ опредѣленному «благу», слѣдовательно съ ними и будутъ обращаться въ зависимости отъ этого «человѣческаго призванія».

Цѣлительное средство или *врачеваніе* лишь обратная сторона *наказанія*, *теорія исцѣленія* идетъ паралельно съ *теоріей наказанія;* если первая видитъ въ извѣстномъ поступкѣ прегрѣшеніе противъ права, то вторая считаетъ его прегрѣшеніемъ человѣка *противъ себя*, отступленіемъ отъ его здоровья. Вѣрнымъ же является то, чтобы я смотрѣлъ на свой поступокъ какъ на *правильный* или *неправильный*, какъ дружественный или враждебный по отношенію *ко мнѣ*, т. е. чтобы я къ нему относился, какъ къ своей *собственности*, которую я оберегаю или разрушаю.

«Преступленіе» или «болѣзнь» — и то, и другое не *эгоистическій* взглядъ на вещь, т. е. сужденіе, исходящее *не отъ меня*, а отъ *другого*, о томъ, нарушаетъ ли она право, всеобщее или *здоровье* отчасти личности (больного), отчасти всеобщаго (общества). «Преступленіе» лечится съ безпощадностью, «болѣзнь» съ «любвеобильной мягкостью», «состраданіемъ» и т. п.

За преступленіемъ слѣдуетъ наказаніе. Исчезаетъ священное и падаетъ преступленіе, въ своемъ паденіи оно должно увлечь и наказаніе; ибо и оно имѣетъ значеніе только по отношенію къ священному. Отмѣнили церковныя наказанія. Почему? Потому что, какъ каждый ведетъ себя по отношенію къ «святому Богу», это собственное дѣло каждаго. Но какъ пало это одно наказаніе, *наказаніе церковное*, такъ должны пасть всѣ *наказанія*. Какъ грѣхъ противъ такъ называемаго Бога — собственная вещь человѣка, такъ и грѣхъ противъ всякаго рода такъ называемой святыни (священнаго). По нашимъ уголовно-правовымъ теоріямъ, съ улучшеніемъ которыхъ «соотвѣтственно духу» времени напрасно только мучатся, людей хотятъ *наказывать* за ту или другую «безчеловѣчность» и дѣлаютъ нелѣпость этихъ теорій особенно

ясной, вѣшая мелкихъ воровъ и предоставляя крупнымъ ворамъ спокойно разгуливать. За нарушеніе собственности имѣется каторга, а за «насиліе надъ мыслью», за угнетеніе «естественныхъ правъ человѣка» только—представленія и просьбы.

Уголовный кодексъ держится лишь «священнымъ» и самъ собою исчезнетъ, если уничтожить наказаніе. Повсюду хотятъ въ настоящее время создать новое уложеніе о наказаніяхъ, не сомнѣваясь въ необходимости самого наказанія. Какъ разъ наказаніе должно уступить мѣсто удовлетворенію, которое опять таки можетъ имѣть въ виду, удовлетворять не право или справедливость, а *насъ*. Если кто-нибудь дѣлаетъ намъ то, чего мы *не хотимъ допустить по отношенію къ себѣ*, то мы сламываемъ его насиліе и осуществляемъ свое: мы удовлетворяемъ *себя* на немъ и не впадаемъ въ глупость желать удовлетворять право (призракъ). Не *священное* должно обороняться противъ человѣка, но человѣкъ противъ человѣка, точно также какъ уже и *Богъ* не обороняется болѣе противъ человѣка, Богъ, которому прежде, отчасти, впрочемъ, еще и теперь, всѣ «божьи слуги» предлагали свои услуги, чтобы наказать нечестивца, какъ еще и нынѣ они ссужаютъ свои руки священному. Этою преданностью священному объясняется и то, что не имѣя жизненнаго собственнаго интереса преступниковъ выдаютъ полиціи и судамъ: безучастная передача отвѣтственности начальству, которое «наилучшимъ способомъ управится со священнымъ». Народъ яростно натравляетъ полицію на все, что ему кажется безнравственнымъ, а часто просто неприличнымъ, и эта народная ярость охраняетъ институтъ полиціи болѣе, чѣмъ могло бы его охранить правительство.

Въ преступленіи съ этихъ поръ утверждается эгоистъ и надсмѣхается надъ священнымъ: разрывъ со священнымъ или скорѣе священнаго можетъ стать всеобщимъ.

Революція не возвращается, но могучее, безпощадное, безсовѣстное, гордое — *преступленіе* не грохочетъ ли уже въ отдаленномъ громѣ и не видишь ли ты, какъ небо, полное предчувствія, молчитъ и омрачается?»

Въ этихъ выраженіяхъ Штирнера сжато и сильно

выражена сущность анархизма, какъ теоріи, съ ея слабыми и сильными сторонами. Если вдуматься въ эти разсужденія, то поймешь, почему анархизмъ не сдѣлался главенствующей идеологіей рабочаго класса, почему анархизмъ въ его чистомъ видѣ остается чуждымъ пролетарской массѣ или перерабатывается ею въ соціалдемократическомъ направленіи; съ другой стороны понятно и то, что отдѣльныя сильныя и революціонно настроенныя личности въ извѣстные періоды пролетарской борьбы разочаровываются въ соціалдемократіи и уходятъ въ анархическій лагерь.

Всѣ условія жизни и борьбы ежедневно и ежечастно доказываютъ каждому пролетарію, что онъ можетъ осуществить свои *личные* интересы лишь въ организованномъ союзѣ съ массою другихъ пролетаріевъ, что его личные интересы не всѣ равноцѣнны и что нѣкоторыми изъ нихъ, менѣе цѣнными, онъ долженъ жертвовать для другихъ болѣе цѣнныхъ, совпадающихъ съ интересами всего пролетаріата, пролетаріата, какъ класса. Современный пролетарій съ естественной необходимостью, какъ мы это старались доказать, въ предыдущихъ главахъ, проникается чувствомъ солидарности, изъ которой вытекаетъ положеніе: всѣ за каждаго, каждый за всѣхъ; онъ научается не выставлять впередъ свою индивидуальность, а, напротивъ, подчинять ее общей волѣ товарищей, онъ не признаетъ абсолютной свободы «самоопредѣленія», видя, какое зло и другимъ, и себѣ приносятъ такъ называемые штрейкбрехеры (нарушители стачки), не желающіе подчиняться товарищеской дисциплинѣ. *Въ пролетаріи нараждается новый человѣкъ — человѣкъ-товарищъ, поглащающій въ себѣ человѣка-эгоиста.* Пролетарій не боится подчиненія общей волѣ, онъ видитъ въ этомъ не униженіе личности, а нерѣдко повышеніе ея. Онъ противъ государства не потому, что оно ограничиваетъ свободу личности, а потому, что оно не воля народа, а произволъ привиллегированнаго класса, онъ противъ законовъ, не потому, что они ограничиваютъ свободу личности, а потому, что они въ большинствѣ случаевъ охраняютъ свободу эксплуатаціи, хотя она нерѣдко фигурируетъ подъ названіемъ «свободы труда».

Что касается законовъ противъ дуэли, возмуща-

ющихъ анархическую душу Штирнера, то пролетаріи къ нимъ довольно равнодушны, такъ какъ сами на дуэляхъ не дерутся, но, смотря со стороны, они болѣе сочувствуютъ англійскому закону, приравнивающаго убійство на дуэли къ обыкновенному преднамѣренному убійству, чѣмъ военнымъ приказамъ (прусскому и русскому), поощряющимъ дуэли между офицерами.

Въ Англіи теперь дуэлей не бываетъ, и отъ этого не страдаетъ свобода личности. Никакого свободнаго соглашенія двухъ свободныхъ личностей при дуэли обыкновенно нѣтъ. Вызывая на дуэль и принимая вызовъ, личность подчиняется предразсудку, который вполнѣ можетъ быть отнесенъ въ области «священнаго».

Законъ, уравнивающій дуэль съ убійствомъ или покушеніемъ на него, не ограничиваетъ свободы личности, а помогаетъ ей освободиться отъ одного изъ «священныхъ» предразсудковъ и вступается за неприкосновенность человѣческой жизни. При господствѣ предразсудка священной чести, возстанавляемой дуэлью, человѣкъ нерѣдко принуждается подставлять свой лобъ подъ пистолетъ какого-нибудь ловкаго негодяя-бретера. Пушкинъ, Лермонтовъ, Лассаль пали на дуэли не свободными личностями, а «*невольниками* чести», какъ выразился Лермонтовъ по поводу смерти Пушкина, и «честь» эта была не ихъ *собственная*, а того «общества», которое ихъ угнетало, того общества въ которомъ достаточно «пустыхъ сердецъ.»

«Пустое сердце бьется ровно,
«Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.»

Впрочемъ вопросъ о дуэли, повторяемъ, для пролетаріата не важенъ, и мы коснулись его только потому, что Штирнеръ выставляетъ запрещеніе дуэлей, какъ примѣръ насилія государства надъ личностью. Для насъ важенъ не этотъ побочный вопросъ, а основные вопросы, выдвинутые Штирнеромъ — о соотношеніи между свободою личности, государствомъ, законами, преступленіями и наказаніями.

Вѣрно-ли, какъ утверждаетъ Штирнеръ, а за нимъ и всѣ анархисты, что только при существованіи государства возможны законы, преступленія и наказанія; вѣрно-ли далѣе, что съ уничтоженіемъ законовъ и на-

казаній торжествуетъ свобода и неприкосновенность личности? Съ пролетарской точки зрѣнія это не вѣрно. Пролетаріатъ стремится уничтожить государство, какъ организацію насилія господствующаго класса, но онъ въ то же время стремится и къ созданію общественной организаціи на основѣ дѣйствительной соціальной равноправности.

Такая организація предполагаетъ общеобязательныя правила или постановленія, т. е. другими словами *законы*; такъ какъ законы эти будутъ представлять изъ себя *среднюю* волю народа, то, навѣрное, воля отдѣльныхъ личностей будетъ съ ними иногда сталкиваться, будетъ ихъ преступать, т. е. будутъ и *преступленія*; средняя воля или воля общественная принуждена будетъ ограждать себя противъ воли отдѣльныхъ личностей, и однимъ изъ этихъ огражденій является *наказаніе*.

Но такъ какъ организація пролетарскаго общества кореннымъ образомъ будетъ отличаться отъ современнаго государства, то и законы, преступленія и наказанія будутъ совершенно иными; чѣмъ теперь.

За современнымъ закономъ, преступленіемъ и наказаніемъ господствующій классъ старательно сохраняетъ «религіозный» характеръ, ловко соединяя преступленіе съ грѣхомъ, наказаніе съ искупленіемъ; это прекрасно отмѣчено Штирнеромъ. Законы, преступленія и показанія пролетарскаго общества не будутъ, разумѣется, носить этого религіознаго характера, такъ какъ вмѣстѣ съ уничтоженіемъ господства одного класса надъ другимъ исчезнетъ весь трепетъ передъ всевозможными «святынями». Множество преступленій исчезнетъ вмѣстѣ съ тѣми «учрежденіями», противъ которыхъ они направлены; множество другихъ преступленій исчезнетъ вмѣстѣ съ устраненіемъ условій, необходимыхъ для порожденія преступнаго замысла; достаточно указать на уничтоженіе частной собственности.

Но было бы большой ошибкой предполагать, что съ установленіемъ пролетарской организаціи въ обществѣ сразу исчезнетъ «злая воля» отдѣльныхъ личностей, отъ которыхъ свою свободу, неприкосновенность и жизнь многіе не въ состояніи будутъ ограждать своими личными силами. Какъ, напр., дѣвушка-ребенокъ защититъ себя отъ насилія развратника, а

развратниковъ, не останавливающихся ни передъ ничѣмъ для удовлетворенія своей ненасытной похоти, современное общество передастъ будущему, навѣрное, въ очень большомъ количествѣ.

Многіе перейдутъ изъ буржуазнаго общества въ пролетарское, продолжая нести въ своей душѣ зависть, ревность, властолюбіе и т. д.; установленіе соціальной равноправности не уничтожитъ еще клеветы, насилія, убійства...

И пролетарское общество должно придти на помощь отдѣльнымъ лицамъ, для охраны отъ всѣхъ этихъ проявленій злобы. Здѣсь неизбѣжно придется прибѣгнуть къ наказанію, но *не какъ возмездію, искупленію и даже исправленію, не въ имя возстановленія «оскверненной святыни права», не во имя «свободы» самого преступника* и пр., *а просто во имя спокойнаго пользованія радостями жизни огромнаго большинства людей.*

Какъ *мѣра огражденія* наказаніе приметъ совершенно иную форму, чѣмъ теперь, когда оно носитъ еще характеръ *мести.* Мстить преступнику сознательный пролетаріатъ не можетъ, такъ какъ онъ понимаетъ, что «злая воля» такой же продуктъ общественныхъ условій, какъ и «добрая», что она—несчастіе, несчастная случайность и что всякій преступникъ въ сущности «безъ вины виноватый».

Теряя характеръ мести, наказаніе сохраняетъ характеръ средства *предупрежденія* преступленія, и предупреждать оно можетъ двоякимъ образомъ.

Во-первыхъ преставленіе о немъ, какъ непріятномъ послѣдствіи того или другого поступка, можетъ пересилить желанія, толкающія на этотъ поступокъ. Человѣкъ, напр., можетъ отказаться отъ клеветы, если знаетъ, что онъ будетъ привлеченъ къ суду, который «накажетъ» его, объявивъ клеветникомъ и опубликовавъ этотъ «приговоръ» въ газетахъ.

Во-вторыхъ, «наказаніе» можетъ предупредить повтореніе преступленія однимъ и тѣмъ лицомъ, поставивъ его въ условія невозможности совершить тотъ или другой поступокъ, другими словами, ограничивъ свободу его дѣйствій. Въ этомъ случаѣ «наказаніе» направляется противъ людей ненормальныхъ, съ болѣзненно слабой волей, бѣшено-вспыльчивыхъ, жесто-

кихъ, находящихъ сладострастное наслажденіе при видѣ человѣческихъ мученій и т. д.

Отъ нихъ приходится ограждаться, какъ вообще отъ душевно больныхъ или сумашедшихъ, къ которымъ можно отнести большинство тяжкихъ преступниковъ.

На нихъ пролетарское общество будетъ смотрѣть такъ же, какъ русскій народъ смотритъ на всѣхъ вообще арестантовъ, какъ на *несчастныхъ* и станетъ ограждать отъ нихъ «неприкосновенность личности» своихъ сочленовъ, помѣщая ихъ въ рабочія колоніи, больницы и воспитательныя дома, руководимые врачами и воспитателями по призванію, а не въ тюрьмы съ ихъ жестокимъ и ожесточающимъ режимомъ.

Современныя тюрьмы усиливаютъ, а не ослабляютъ преступныя наклонности заключенныхъ, и преступникъ, прошедшій черезъ тюремный или каторжный режимъ, становится еще болѣе опаснымъ для «неприкосновенности» своихъ «ближнихъ», чѣмъ до «наказанія»; условія тюремной жизни какъ будто нарочно созданы для воспитанія ненормальныхъ, болѣзненно-преступныхъ свойствъ человѣка; пролетаріатъ же долженъ создать для заключенныхъ условія, благопріятныя для развитія нормальной человѣческой личности: Совмѣстныя работы, главнымъ образомъ, на открытомъ воздухѣ, въ полѣ, предоставленіе свободнаго выбора занятій, устройство въ мѣстахъ заключенія общеобразовательныхъ и техническихъ курсовъ. Эти мѣста заключенія должны быть своего рода противоположностью какъ современнымъ тюрьмамъ, такъ и большинству современныхъ «сумашедшихъ домовъ», мало отличающихся отъ тюремъ.

Установленіе закономъ и судомъ опредѣленныхъ сроковъ заключенія при этой новой системѣ «наказанія», какъ «огражденія», вѣроятно окажется не цѣлесообразнымъ. Должны быть установлены лишь сроки, черезъ которые осужденный можетъ требовать обсужденія вопроса, не даетъ ли его поведеніе права на освобожденіе? Суду, даже и убѣдившемуся въ виновности даннаго лица, должно быть предоставлено право оставлять «виновнаго» на свободѣ или безусловно, или подъ условіемъ извѣстнаго контроля за его поведеніемъ. Завѣдующимъ мѣстами заключенія можетъ быть

предоставлено право по собственному усмотрѣнію выпускать заключенныхъ.

Такимъ образомъ, вся современная «лѣстница наказаній» рушится. «Наказанія» сводятся съ одной стороны къ осужденію извѣстнаго поступка, преданію гласности этого осужденія, лишенію осужденнаго тѣхъ или или другихъ удобствъ, связанныхъ съ общественнымъ довѣріемъ, исключенію его изъ участія въ общественныхъ празднествахъ и пр., вообще къ мѣрамъ, аналогичнымъ предлагаемому Штирнеромъ «лишенію кредита», которое, конечно, тоже относится къ категоріи «наказанія»; съ другой стороны къ стѣсненію свободы дѣйствій виновнаго путемъ помѣщенія его въ «мѣста заключенія» съ условіями, благопріятными для развитія лучшихъ сторонъ человѣческой природы, или просто путемъ установленія контроля за его поведеніемъ. «Наказаній» жестокихъ, наказаній преступныхъ — разумѣется, не должно быть. Казалось бы нѣтъ нужды доказывать, что сознательный пролетаріатъ долженъ быть безусловнымъ противникомъ смертной казни и тѣлесныхъ наказаній, но, увы, мы видѣли, что «искристы», мнящіе себя руководителями русскаго пролетаріата, отказались внести въ свою программу отмѣну смертной казни и демонстративно не упоминали ни однимъ словомъ о необходимости вообще измѣнить существующую систему наказаній, мы видѣли также, что среди нѣмецкихъ соціалдемократическихъ органовъ нашлась газета, предлагавшая тѣлесныя наказанія для анархистовъ, мы видимъ, что русскіе революціонеры не безъ гордости называютъ политическія убійства «казнями», мы знаемъ, наконецъ, что въ «правовыхъ государствахъ» для установленія которыхъ, по мнѣнію русскихъ и иностранныхъ «соціалдемократовъ», русскій пролетаріатъ долженъ произвести буржуазную революцію, что въ этихъ государствахъ процвѣтаютъ тѣлесныя наказанія и смертная казнь. Въ «правовой» странѣ Англіи за каждое предумышленное убійство вѣшаютъ, а за грабежъ съ насиліемъ кромѣ каторги *обязательно* наказываютъ плетьми. Какъ бы и у насъ сторонники «правового государства» не ввели вновь тѣлеснаго наказанія, отмѣненнаго государствомъ неправовымъ!

Среди горячихъ сторонниковъ смертной казни,

яко-бы помогающей естественному подбору, мы встрѣчаемъ и такого высоко культурнаго человѣка, какъ знаменитый дарвинистъ Эрнестъ Геккель, недавно предсѣдательствовавшій на Римскомъ конгрессѣ «свободныхъ мыслителей». А для сколькихъ менѣе знаменитыхъ «свободныхъ мыслителей» и «соціалдемократовъ» вопросъ о смертной казни все еще остается спорнымъ! Спорнымъ представляется для многихъ высококультурныхъ людей и вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, за введеніе которыхъ упорно борется *либеральное* министерство Даніи.

Но у насъ, признаемся, не хватаетъ выдержки и хладнокровія, чтобы разбираться въ доводахъ всѣхъ этихъ защитниковъ смертной казни и тѣлесныхъ наказаній. Съ тѣми, у кого еще остаются доводы въ пользу этихъ самыхъ ужасныхъ преступленій противъ человѣческой природы послѣ прочтенія яркихъ описаній смертной казни и тѣлеснаго наказанія, описаній, которыхъ очень много во всемірной литературѣ, съ тѣми спорить нельзя.

Впрочемъ, спокойныхъ опроверженій «пользы» и «необходимости» тѣлесныхъ наказаній и смертной казни можно не мало найти у извѣстныхъ юристовъ, напр., у Миттермапера, Фойницкаго, Кистяковскаго и т. д. Но что стоятъ всѣ эти спокойные юридическіе доводы по сравненію съ той горячей кровью сердца человѣческаго, которой написаны нѣкоторыя страницы въ произведеніяхъ Толстого и Достоевскаго, такъ глубоко прочувствовавшихъ ужасъ смертной казни и тѣлеснаго наказанія. Вспомните «Разсказъ Кривцова», «Экзекуцію», «Стыдно» Толстого, вспомните нѣкоторыя мѣста изъ «Мертваго дома» Достоевскаго *). Смертная казнь, плети, розги, должны бы невыносимо унижать, оскорблять каждаго члена общества какъ бы далеко онъ не стоялъ отъ наказываемаго или его палача. Смертная казнь, розги, плети оскорбляютъ «насъ», какъ это отмѣтилъ Нитше, несравненно сильнѣе, чѣмъ убійство, чѣмъ самое ужасное преступленіе. Жестокость, звѣрство преступленія гораздо меньше, чѣмъ жестокость и звѣрство наказанія, свидѣтельствуетъ объ общественномъ гніеніи.

*) Все это собрано въ NNº 2, 3 и 4 Листковъ «Жизни».

«Общество — говоритъ Достоевскій — равнодушно смотрящее на такое явленіе (тѣлесное наказаніе), уже само заражено въ своемъ основаніи».

Въ современномъ обществѣ, несомнѣнно, «зараженномъ въ своемъ основаніи», пролетаріатъ не долженъ, по нашему мнѣнію, выдавать преступниковъ въ руки полиціи и судовъ, напротивъ, онъ долженъ ихъ спасать, ибо съ его точки зрѣнія въ настоящее время преступны почти всѣ законы, преступны почти всѣ наказанія, и очень печально, что соціалдемократическія газеты съ «Vorwärts'омъ во главѣ такъ заботятся о поимкѣ «преступниковъ», печатая ихъ примѣты и приглашая читателей помочь полиціи отыскать ихъ и «обезвредить». Это печальный признакъ того, что рабье преклоненіе передъ священною собственностью и священною полиціей, вѣками прививаемое народу церковью и государствомъ, еще далеко не вытѣснено классовымъ сознаніемъ.

Безпощадныя нападки Штирнера на «народную ярость» въ преслѣдованіи преступниковъ, «ярость», поддерживающую современную полицію, остаются до сихъ поръ справедливыми. Анархисты вполнѣ освободились отъ «трепета» передъ «святынею» законности, они постигли также *творческую роль преступленія* въ современномъ обществѣ, гдѣ пролетаріатъ постояннымъ, упорнымъ противодѣйствіемъ законамъ, подчиняющимъ его буржуазіи, расшатываетъ основы современнаго строя насилія и подготовляетъ будущій строй взаимопомощи.

Чѣмъ скорѣе пролетаріатъ окончательно освободится отъ священнаго трепета передъ «правомъ» и «законами», чѣмъ яснѣе онъ сознаетъ творческую силу систематическаго нарушенія порабощающихъ его законовъ, тѣмъ скорѣе грянетъ соціальная революція. Буржуазная революція больше не вернется, но уже грохочетъ отдаленный грохотъ революціи пролетарской, которая будетъ великимъ преступленіемъ противъ священнаго закона буржуазіи, признающаго неприкосновенной священную собственность.

Но пока гроза еще далеко, и раскаты грома слышны быть можетъ слабѣе всего въ Англіи и Германіи, гдѣ слишкомъ сильно «чувство законности», гдѣ люди, по

остроумному замѣчанію Штирнера, могли бы говорить: «Не я живу, но законъ живетъ во мнѣ».

Штирнеръ приводитъ при этомъ превосходный афоризмъ одного высшаго прусскаго офицера: «Всякій пруссакъ носитъ въ груди своего жандарма», и добавляетъ отъ себя:

«Почему не развиваются извѣстныя *оппозиціи*? Единственно потому, что онѣ не хотятъ оставить пути нравственности или законности. Отсюда безмѣрное лицемѣріе преданности, любви и т. д., и это такъ отвратительно, что можно ежедневно испытывать самую основательную тошноту отъ подобнаго гнилого и лицемѣрнаго отношенія «законной оппозиціи»".

Штирнеръ имѣлъ въ виду прусскихъ либераловъ, но, къ сожалѣнію, въ настоящее время нѣкоторые прусскіе соціалдемократическіе вожаки наживаютъ на законности румяныя щеки, нося въ груди своего прусскаго жандарма, у прусскаго же пролетаріата щеки остаются блѣдными.

«Неприкосновенность личности» въ узкомъ значеніи слова означаетъ въ настоящее время не болѣе того, что гарантируетъ англійскому гражданину знаменитый Habeas corpus*). Этотъ законъ, изданный парламентомъ въ 1679 г., обязываетъ судей во всѣхъ случаяхъ, за исключеніемъ обвиненій въ государственной измѣнѣ или тяжкомъ уголовномъ преступленіи, дѣлать, по просьбѣ заключеннаго или лицъ, въ немъ заинтересованныхъ, распоряженіе соотвѣтствующему должностному лицу (тюремному смотрителю) о приводѣ арестованнаго въ судъ съ представленіемъ подробнаго отзыва о времени, причинахъ и обстоятельствахъ задержанія. Выслушавъ стороны судъ либо освобождаетъ заключеннаго (совсѣмъ или подъ залогъ или поручительство), либо снова возвращаетъ въ мѣсто заключенія.

Что касается до обвиняемыхъ въ государственной

---

*) Habeas corpus — два первыхъ слова датинской формулы приказа суда о приводѣ арестованнаго въ судъ для выясненія причины ареста и значатъ они въ буквальномъ переводѣ «(Если) имѣешь тѣло (человѣка)»...

измѣнѣ или тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ, то законъ требуетъ, чтобы въ предписаніяхъ о задержаніи ихъ было ясно и точно указано, въ чемъ обвиняется арестуемый. Обвиняемому въ этихъ преступленіяхъ предоставляется кромѣ того право просить судъ, чтобы его дѣло было разобрано въ ближайшую сессію. Если этого не послѣдуетъ, то судъ обязанъ отпустить обвиняемаго на свободу подъ залогъ или поручительство. Если дѣло не будетъ разобрано въ слѣдующую сессію, то обвиняемый вовсе освобождается отъ преслѣдованія.

Въ связи съ «неприкосновенностью личности» стоитъ «неприкосновенность жилища», означающая по законамъ большинства «правовыхъ государствъ» запрещеніе дѣлать домашніе обыски безъ письменнаго распоряженія судебной власти (судебнаго слѣдователя и т. п.), которая должна указать и причину обыска. Такова неприкосновенность личности въ современномъ «правовомъ государствѣ».

Пролетарское общество можетъ, мы думаемъ, обойтись совсѣмъ безъ обысковъ и ограничить право арестовъ, еще несравненно большими гарантіями противъ произвола и ошибокъ должностныхъ лицъ, чѣмъ тѣ, которыя даетъ обвиняемому Habeas corpus: такъ, напр., необходимо, чтобы во всѣхъ случаяхъ арестованный немедленно представлялся суду, гдѣ разбирательство вопроса о законности и необходимости ареста происходило бы при открытыхъ дверяхъ и при участіи въ преніяхъ, какъ самого обвиняемаго, такъ и лица, которое онъ пожелаетъ выбрать въ свои защитники.

Но что особенно важно: гарантіи, ограждающія личность отъ произвольныхъ задержаній, должны быть признаны ни въ какомъ случаѣ ни *отмѣняемыми* и ни *пріостанавливаемыми*. Англійскій Habeas corpus можетъ быть пріостановленъ на годъ постановленіемъ парламента, и это подрываетъ его значеніе. Въ Ирландіи, гдѣ англійскому правительству неудобно было стѣсняться формальностями при арестахъ и преслѣдованіяхъ ирландскихъ націоналистовъ, въ особенности феніевъ, Habeas corpus пріостанавливался очень часто въ теченіе всего прошлаго столѣтія.

Англійскій парламентъ можетъ вообще «пріоста-

новить» дѣйствіе всѣхъ гарантій личной и народной свободы; его власть или воля ограничена лишь физической или фактической невозможностью; иначе должно быть въ пролетарскомъ обществѣ, гдѣ власть или воля народа должна быть ограничена не парламентомъ, конечно, а гарантіями личной свободы.

Народная воля верховна или «самодержавна» въ томъ смыслѣ, что ей принадлежитъ рѣшающее слово при изданіи и отмѣнѣ законовъ, выборѣ уполномоченныхъ и должностныхъ лицъ, но она должна сама себя ограничить рядомъ незыблемыхъ правъ личности, къ которымъ кромѣ расширеннаго Habeas corpus, относится *свобода слова, совѣсти, печати, передвиженія, собраній, сообществъ.* Всѣ эти свободы и вольности стоятъ выше народной воли; передъ ними она должна останавливаться и отступать, такъ какъ только въ такомъ случаѣ можетъ быть обезпечена и дѣйствительная *народная свобода.*

Народная воля, «пріостанавливающая» гарантіи личной свободы, «пріостанавливающая» свободу устнаго и печатнаго слова, вводящая «исключительные» законы и исключительные суды, неизбѣжно становится волею толпы и демагоговъ. этихъ «худшихъ враговъ рабочаго класса» и ведетъ, въ концѣ концовъ, къ уничтоженію народной свободы. Для народа и въ частности для пролетаріата нѣтъ ничего опаснѣе, какъ внушаемая ему вѣра въ его непогрѣшимость, какъ внушаемое ему убѣжденіе въ необходимость *диктатуры*, не останавливающейся ни передъ какими мѣрами «подавленія» «враговъ народа», которые въ дѣйствительности иногда бываютъ его лучшими друзьями. Сознательный пролетарій уже теперь долженъ проникнуться убѣжденіемъ, что лучшей гарантіей прочности пролетарской побѣды является уваженіе къ правамъ личности, уваженіе къ свободѣ слова. Во время первой французской республики именемъ «народной воли» была уничтожена сперва только что завоеванная личная свобода, съ ея «правами человѣка», а затѣмъ и народная свобода.

Въ періодъ робеспьеровскаго террора народъ признавался самодержавнымъ, воля его суверенной, и между тѣмъ свобода личности и «права человѣка» попирались хуже, чѣмъ у насъ при самодержавномъ царѣ; въ

результатѣ воля народа смѣнилась волею честолюбиваго генерала.

Что такое народная воля безъ личной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народной свободы лучше всего выяснилъ одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей этой «воли безъ свободы» якобинецъ Сэнъ Жюстъ въ своей обвинительной рѣчи противъ крайнихъ гебертистовъ и умѣренныхъ дантонистовъ.

«Граждане—говорилъ онъ—вы хотѣли республики. Если бы вы въ то же время не хотѣли того, что составляетъ ея содержаніе, то народъ былъ бы погребенъ подъ ея развалинами. Наказуемо должно быть состраданіе съ арестованнымъ, наказуемо нежеланіе добродѣтели, наказуемо нежеланіе террора.»

И на эшафотъ посылались гебертисты за крайность убѣжденій и не признаніе бога, на эшафотъ посылались дантонисты за умѣренность взглядовъ, за желаніе остановить терроръ. Не было гнусности, которой не придумали бы «люди добродѣтели» и «носители народной воли», чтобы «подавить» своихъ противниковъ.

Пролетарская революція должна быть чиста отъ всѣхъ этихъ надругательствъ надъ свободою, отъ всѣхъ этихъ насилій надъ личностью, отъ всѣхъ этихъ оскорбленій человѣчества и человѣчности...

Уваженіе къ «правамъ личности», хотя бы она казалась «врагомъ народа», неприкосновенность ея свободы пропагандировать свои взгляды, должно войти въ плоть и кровь пролетаріата, тѣмъ болѣе, что его побѣда, если и означаетъ конецъ классовой борьбы, но отнюдь еще не означаетъ конца борьбы индивидуальной, въ особенности борьбы «идейной» между строителями новой жизни. Чѣмъ больше будетъ въ пролетарскомъ обществѣ личной свободы, тѣмъ меньшую роль будетъ играть творческая сила преступленія; но и послѣ пролетарской революціи пройдетъ вѣроятно, не мало времени до того момента, когда преступленіе станетъ только вреднымъ и когда оно сдѣлается совершенно ненужнымъ для прогресса, счастья и свободы, когда исчезнетъ всякое противорѣчіе между народной волей и народной свободой.

Характерно, что такой видный *соціалдемократическій вождь*, какъ Ванъ Коль въ своей уже цитированной нами книгѣ «Соціализмъ и свобода» полагаетъ,

что «босяцкому пролетаріату» придется искать защиты у «анархистовъ» отъ притѣсненій со стороны соціалистовъ.

«Не только—говорить онъ—нельзя считать невозможнымъ, но надо признать историческою вѣроятностью, что подымутся всякого рода недовольные новымъ порядкомъ вещей и въ концѣ концовъ образуютъ соціальный слой еще неизвѣстный до сихъ поръ.

«Тогда могъ бы возникнуть новой классъ, образованный съ одной стороны экспропріированными ворами, которые, отвыкнувъ отъ труда вслѣдствіе богатства и праздности, были бы враждебны выполненію соціальнаго долга; съ другой—наиболѣе несчастными, которые, ослабѣвъ и отупѣвъ отъ нищеты, сдѣлались бы неспособными выполнять свою задачу.

«Какъ образуется этотъ классъ? Это также трудно точно опредѣлить, какъ было трудно въ 1789 году предугадать, какъ побѣда третьяго сословія вызоветъ образованіе рабочаго класса.

«Чтобы предупредить притѣсненіе пятаго сословія или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать это притѣсненіе возможно меньшимъ, критика анархистовъ можетъ быть полезной, тѣмъ болѣе, что они освободились отъ всѣхъ ходячихъ предразсудковъ, привычекъ и условностей, продуктовъ глупости и самомнѣнія, предразсудковъ, которые еще оказываютъ вліяніе на многихъ соціалистическихъ работниковъ.

«Пожелаемъ, чтобы эти новыя партіи нашли протекцію у анархистовъ!»

Мы съ своей стороны можемъ лишь пожелать, чтобы всѣ соціалдемократическіе вожди «освободились отъ всѣхъ ходячихъ предразсудковъ, привычекъ и условностей, этихъ продуктовъ глупости и самомнѣнія», тогда само собой исчезнетъ опасность, что побѣдоносный пролетаріатъ спустится до позорнаго притѣсненія «наиболѣе несчастныхъ», ослабленныхъ нищетой до невозможности трудиться наравнѣ съ другими.

Мы, впрочемъ, представляемъ пролетарскій строй нѣсколько иначе, чѣмъ почтенный предсѣдатель Амстердамскаго конгресса, мы не считаемъ возможнымъ существованія въ немъ никакой *классовой* борьбы; но борьба *индивидуальная*, вѣроятно, будетъ очень сильной, страстной, и чтобы она не повредила, а напро-

тивъ принесла пользу пролетаріату, народу, человѣчеству, *необходимо самоограниченіе народной воли гарантіями свободы личности.*

VII

Къ правамъ личности относится и такъ называемая **свобода совѣсти** или свобода вѣроисповѣданія, составляющая частный случай *свободы слова* вообще. Признавая неприкосновенность свободы слова, пролетаріатъ тѣмъ самымъ признаетъ и свободу вѣроисповѣданія, свободу вѣрить въ кого и во что угодно и пропагандировать свою «вѣру».

Сознательный пролетаріатъ—вѣротерпимъ уже по одному тому, что онъ сознательный, слѣдовательно невѣрующій. Сознаніе предполагаетъ *знаніе* себя и окружающаго міра, *вѣра* же — незнаніе, возведенное на степень высшей истины. Знаніе терпимо, такъ какъ оно можетъ не только утверждать, но и доказывать, такъ какъ оно не можетъ быть разбито вѣрой; напротивъ, вѣра нетерпима, такъ какъ она можетъ только утверждать, но не доказывать, такъ какъ она можетъ быть разбита знаніемъ. Чѣмъ больше знаній пріобрѣтаетъ человѣкъ, тѣмъ меньше остается у него вѣры. Нѣтъ ничего непреодолимѣе объективно доказаннаго факта, и никакая вѣра не можетъ въ концѣ концовъ устоять передъ нимъ, поэтому тѣ, кому вѣра выгодна, стараются не допустить объективнаго доказательства фактовъ, стараются не допустить знанія.

Вѣротерпимость — смерть для вѣры и одно изъ условій торжества знанія. Незнаніе не можетъ быть единымъ, и разъ каждому дана свобода возводить свое незнаніе на степень высшей истины, незнаніе быстро дробится, появляется масса «высшихъ истинъ», пожирающихъ другъ друга и въ концовъ изчезающихъ, «яко дымъ» передъ лицомъ знанія. Знаніе, приведенное въ систему—*наука;* незнаніе, приведенное въ систему, — *религія.* Наука едина, какъ едино знаніе; религій много, какъ много незнаній.

Религія — буквально значитъ «*связанность*», и, дѣйствительно, религія связываетъ человѣка, связы-

ваетъ его умъ, не давая свободно и объективно мыслить. Умъ религіознаго человѣка порабощенъ системою нелѣпостей, въ родѣ трехъ лицъ въ одномъ лицѣ, тѣлеснаго воскресенья изъ мертвыхъ послѣ превращенія тѣла въ «прахъ» и землю», зачатія отъ духа святаго, превращенія этого духа въ голубя, сотворенія свѣта раньше солнца, остановки солнца для окончанія битвы и пр. и пр.

Чѣмъ законченнѣе религія въ своей нелѣпости, тѣмъ труднѣе знанію найти точку наименьшаго сопротивленія, но разъ одинъ стяжекъ религіознаго хитросплетенія разорванъ, все оно быстро рвется, какъ «машинное шитье», по выраженію Елены Альвингъ въ «Призракахъ» Ибсена. Религія—великое благо для класса поработителей, для класса господствующаго и угнетающаго, но она столь же великое зло для класса порабощеннаго и угнетеннаго. Люди, пріученные къ внушеніямъ религіознымъ, воспріимчивы и ко всякимъ другимъ внушеніямъ, въ томъ числѣ государственнымъ; при томъ поработители, сохраняя за собой знаніе, порабощеннымъ же предоставляя религію, сумѣли религіозныя «истины» связать съ «истинами» государственными, бога съ царемъ и вообще съ государственной властью, заповѣди съ законами, грѣхи съ преступленіями, такъ что вѣрующій въ божественную власть вѣритъ и въ государственную власть, вѣритъ и повинуется. За то, если знаніе «превратило» какую нибудь религіозную «истину» въ нелѣпость, то то же превращеніе происходитъ и съ «истиной» государственной.

Соціалдемократія враждебна всякой религіи: классовое сознаніе предполагаетъ вообще сознаніе, т. е. освобожденіе отъ религіознаго внушенія, отъ религіознаго гипноза, но бороться съ религіей соціалдемократія можетъ лишь путемъ пропаганды, а не путемъ преслѣдованій. Преслѣдованіемъ возможно только укрѣпить вѣру, но никакъ не замѣнить ее знаніемъ. Религіи такъ сильны и долговѣчны, въ значительной степени, благодаря взаимнымъ преслѣдованіямъ, взаимной нетерпимости.

Чтобы отмѣтить свою «вѣротерпимость», т. е. свое отрицательное отношеніе къ религіознымъ преслѣдованіямъ, которые, помимо нарушенія свободы лично-

сти, задерживаютъ *процессъ развитія религіи*, или что тоже *процессъ ея уничтоженія**), нѣмецкіе соціалдемократы внесли въ свою программу извѣстное положеніе: «*Религія—частное дѣло!*»

Религія—«частное дѣло» въ томъ смыслѣ, что пролетарская общественная организація не можетъ быть связана ни съ какимъ религіознымъ культомъ, что пролетаріатъ не можетъ, подобно революціонной буржуазіи, устанавливать общественнаго поклоненія ни богинѣ разума, ни робеспьеровскому высшему существу, что пролетаріатъ не станетъ ни поддерживать, ни преслѣдовать никакой религіи, предоставляя всѣмъ гражданамъ одинаковыя общественныя права, не зависимо отъ того, освободились ли они отъ всякой религіи, или вѣрятъ въ бога толстовскаго или въ бога побѣдоносцевскаго, въ святую пятницу или каменнаго истукана, въ іегову Моисея или аллаха Магомета: но религія—*не* «частное дѣло», если подъ этимъ положеніемъ понимать*), что сознательный соціалдемократъ можетъ быть человѣкомъ «религіознымъ», принадлежать къ какому-нибудь изъ существующихъ «вѣроисповѣданій», вѣрить въ «высшее существо», завѣдующее «судьбами человѣчества», и приказывающее «обрѣзываться», «креститься» и т. д. Соціалдемократія не примирима съ религіей, такъ какъ соціалдемократическое міровоззрѣніе, построенное на чистомъ знаніи, не примиримо ни съ одной религіей, всегда построенныхъ на незнаніи. Въ поясненіе позволимъ себѣ здѣсь повторить то, что мы уже два съ половиною года тому назадъ писали въ «Иностранномъ обозрѣніи» четвертой книжки «Жизни».

Признавая религію дѣломъ совѣсти каждаго человѣка, мы конечно, не думаемъ, чтобы совѣсть сознательнаго соціалдемократа могла примириться съ православіемъ, католицизмомъ, магометанствомъ, буддизмомъ, или какой-угодно другой изъ существующихъ религій. Соціалдемократъ по самой своей сущности—человѣкъ ясно, опредѣленно смотрящій, какъ внутрь себя, такъ и вокругъ себя.

---

*) Но это указываетъ между прочимъ нѣмецкій философъ-пролетарій, любимый ученикъ Маркса Іосифъ Дитцгенъ въ очень интересной брошюрѣ: «Die Religion der Socialdemokratie».

Онъ строитъ свое міровоззрѣніе на сознаніи и знаніи, а между тѣмъ въ основѣ всѣхъ существующихъ религій лежатъ предположенія, противорѣчащія современному знанію. Въ міровоззрѣніи соціалдемократа не должно быть ничего, взятаго просто на вѣру или опирающагося исключительно на авторитетъ. Въ основѣ всѣхъ существующихъ религій лежатъ вѣра и авторитетъ.

Существующія религія для поясненія проявленій человѣческой жизни выдумываютъ незыблемыя основы. Соціалдемократъ ищетъ законовъ развитія жизни и, сообразуясь съ этими законами, направляетъ свою дѣятельность на улучшеніе участи современнаго и будущихъ поколѣній. Религіи утверждаютъ незыблемость настоящаго во имя воображаемой незыблемости прошлаго, соціалдемократизмъ или. точнѣе, научный соціализмъ отрицаетъ незыблемость настоящаго во имя дѣйствительной измѣнчивости прошлаго и первыхъ проблесковъ будущаго. Религія — консервативна, научный соціализмъ — прогрессивенъ. Религія успокаиваетъ и примиряетъ съ существующимъ, выдумывая «загробную жизнь», научный соціализмъ возбуждаетъ къ постоянной, непримиримой борьбѣ, отрицая вѣру въ «загробную жизнь», но за то утверждая знаніемъ неизбѣжность измѣненія къ лучшему современнаго строя.

Мы настаиваемъ на несовмѣстности соціалдемократическихъ убѣжденій съ религіозною вѣрою, не смотря на то, что многіе соціалдемократы объявляютъ себя принадлежащими къ тому или другому изъ существующихъ вѣроисповѣданій или уклоняются отъ отвѣта на вопросъ о своемъ отношеніи къ религіи, прячась за «признаніе религіи частнымъ дѣломъ».

Изъ 81 соціалдемократическихъ депутатовъ, выбранныхъ въ нѣмецкій рейхстагъ 16-го іюня 1903 г. 42 объявляютъ себя открыто не принадлежащими ни къ какому «вѣроисповѣданію», но изъ остальныхъ 39 —5 считаютъ себя «свободно религіозными», 4—іудейскаго вѣроисповѣданія, 7 — католиковъ, 1 старокатоликъ, 18 евангелическаго вѣроисповѣданія, 1 лютеранинъ и 3 «принципіально» прячутся за формулу «религія—частное дѣло»*).

*) Данныя о «вѣроисповѣданіи» соціалистическихъ депутатовъ мы заимствуемъ изъ справочной книжки «Kurschner's Deutscher Reich-

Присутствіе столькихъ евангелистовъ, католиковъ, іудеевъ и т. д. среди соціалдемократическихъ депутатовъ, не смотря на то, что германскіе законы предоставляютъ каждому право выйти изъ «своей церкви» и не приписываться ни къ какой другой, доказываетъ только, что можно быть соціалдемократическимъ депутатомъ рейхстага и считаться соціалдемократическимъ вожакомъ и не быть въ то же время *сознательнымъ, искреннимъ и смѣлымъ* соціалдемократомъ.

Всѣ эти господа, вѣроятно, совсѣмъ не религіозны, не вѣрятъ въ своихъ боговъ и нѣ исполняютъ ихъ предписаній, но у нихъ не хватаетъ искренности и смѣлости открыто признать себя не принадлежащими ни къ какому вѣроисповѣданію, такъ какъ это «шокируетъ» и «озлобляетъ» лицемѣрную буржуазную среду, съ которой они связаны тѣсными *личными* связями.

Среди нѣмецкихъ соціалдемократовъ-рабочихъ «вѣрующихъ», можно сказать, почти нѣтъ, но открыто вышедшихъ изъ «своей церкви» очень мало. Простому рабочему выходъ изъ церкви, хотя онъ и допущенъ закономъ, нерѣдко можетъ стоить лишенія заработка, такъ какъ всѣ хозяева, будучи не въ силахъ остановить разрушеніе религіозности знаніемъ, стараются, по крайней мѣрѣ, не позволить рабочимъ открыто заявлять о своемъ освобожденіи, открыто порвать съ церковью, что могло бы повысить личность рабочаго, повысить его способность къ протесту противъ рабской зависимости отъ хозяина.

Кромѣ того выходъ изъ церкви сопряженъ въ Германіи съ извѣстными расходами и формальностями, требующими потери времени, а у простаго рабочаго и денегъ, и времени въ обрѣзъ.

Но что извинительно соціалдемократу-рабочему, то не извинительно вожакамъ-депутатамъ, имѣющимъ независимое положеніе и не страдающимъ отъ недостатка средствъ, необходимыхъ для жизни.

Вообще отношеніе вожаковъ нѣмецкой соціалдемократіи къ религіи очень боязливое и даже двухсмысленное; они боятся, какъ бы атеизмъ не скомпрометировалъ ихъ партію въ глазахъ народныхъ слоевъ,

---

stag», составленной на основаніи свѣдѣній, присланныхъ самими депутатами.

еще не освободившихся отъ поповскаго дурмана, они находятъ необходимымъ для своихъ «избирательныхъ успѣховъ» считаться съ «предразсудками массы», хотя эти предразсудки являются одною изъ главныхъ помѣхъ для его соціальнаго освобожденія.

Въ 70-хъ годахъ прямодушный Мостъ началъ энергичную агитацію въ пользу массоваго выхода изъ церкви, но онъ не только не былъ поддержанъ видными «товарищами», но скорѣе «взятъ на подозрѣніе», какъ человѣкъ для соціалдемократіи не подходящій. Это было одно изъ его первыхъ «недоразумѣній» съ партіей, которыя постепенно вогнали его въ анархизмъ.

Въ 1903 году движеніе въ пользу массоваго выхода изъ церкви возникло среди саксонскихъ ткачей помимо всякой агитаціи подъ вліяніемъ явнаго союза духовенства съ хозяевами во время кримитчаутской стачки, но это движеніе, къ сожалѣнію, не распространилось достаточно широко и заглохло вмѣстѣ съ прекращеніемъ стачки.

Для характеристики отношенія вожаковъ къ агитаціи противъ религіозныхъ предразсудковъ очень цѣнны пренія на Мюнхенскомъ партейтагѣ 1902 г., пренія вызванныя предложеніемъ делегата отъ Висбадена Велькера бороться съ «церковною вѣрою» путемъ «просвѣтительной пропаганды», распространяя летучіе листки, ведя соотвѣтствующія бесѣды и пр., особенно въ католическихъ округахъ, гдѣ господствуетъ католическій «центръ».

Первымъ выступилъ противъ предложенія Велькера фонъ Фольмаръ.

«Предложеніе Велькера — по словамъ фонъ Фольмара—абсолютно противорѣчитъ «нашей» программѣ. Пунктъ программы о религіи точно также обязателенъ, какъ всякій другой, онъ принятъ не изъ тактическихъ соображеній, нѣтъ мы придаемъ серьезное значеніе нашему отношенію къ религіи. И что вышло бы изъ того, если бы мы пустились въ подобную культуръ-авантюру? По нашей программѣ религія частное дѣло, т. е. въ религіозныхъ вопросахъ каждый пользуется полной свободой убѣжденія; его *религіозныя убѣжденія не имѣютъ ничего общаго съ вопросами политическими и хозяйственными.* Это положеніе даетъ,

конечно, каждому право высказывать его собственное частное религіозное или антирелигіозное убѣжденіе, но *соціалдемократъ по отношенію къ этому вопросу долженъ какъ можно больше воздерживаться отъ выраженія своихъ убѣжденій.* Если я даю кому-нибудь право пропагандировать свое частное убѣжденіе, свободную религію, атеизмъ, противоцерковность, то я долженъ естественно дать право пропагандировать свои убѣжденія и тому, кто придерживается положительной (?) религіи. Мы бы тогда пришли къ условіямъ, подобнымъ англійскимъ, и отъ этого пострадалъ бы интересъ партіи. И такъ здѣсь необходимо наложить на себя воздержаніе и ограничиться тѣмъ, что составляетъ содержаніе нашего существованія, экономическими и политическими вопросами».

Фонъ Фольмару горячо апплодировали и ревизіонисты, и радикалы. Радикальнѣйшій Ледебуръ заявилъ, что Фольмаръ сказалъ «необходимое». Крайній радикалъ Адольфъ Гофманъ, извѣстный тѣмъ, что написалъ брошюру «Десять заповѣдей», въ которой съ сомнительнымъ остроуміемъ доказываетъ нарушеніе ихъ буржуазіей, посовѣтовалъ Велькеру «сначала поучиться въ партіи, а потомъ уже выступать на партейтагѣ».

Велькеръ пробовалъ защищаться и высказалъ при этомъ нѣсколько мыслей, которыя, казалось бы, должны были вызвать сочувствіе всего партейтага, но онѣ встрѣчены были ироническимъ смѣхомъ.

«Какъ цѣнна для господствующаго класса зависимость массъ отъ церкви, видно изъ того, что рядомъ съ порфирой находится всегда и ряса и что новыхъ церквей строится еще больше, чѣмъ казармъ. Гдѣ церковь сильна, тамъ взрослые вполнѣ стоятъ подъ ея эгидой. Если мы хотимъ сдѣлать религію частнымъ дѣломъ, то для этого недостаточно отдѣлить церковь отъ государства, нѣтъ, мы должны уничтожить власть церкви надъ умами; мы должны положить конецъ насилію надъ дѣтьми со стороны государства, церкви, школы и родителей. Начнемъ битву по всей линіи, не только противъ церкви, но и противъ безсовѣстныхъ родителей, совершающихъ насиліе надъ духовною жизнью дѣтей, приписывая ихъ къ тому или другому вѣ-

роисповѣданію, когда они еще не научились отличать правой руки отъ лѣвой. Ecrasez l'infame!»*)

Велькеръ сослался, между прочимъ, на авторитетъ Бебеля, который не разъ указывалъ на то, что церковь она изъ главныхъ опоръ буржуазнаго господства, но Бебель поспѣшилъ отречься отъ всякой солидарности съ Велькеромъ и нанесъ ему coup de grace или, говоря по русски, окончательно пристрѣлилъ его.

«Велькеръ — сказалъ Бебель — сослался на нѣкоторыя фразы моей брошюры «Христіанство и Соціализмъ». Я никогда не воображалъ, чтобы эти, по моему мнѣнію, очень ясныя заключительныя фразы могли бы быть такъ поняты. Противъ этого я долженъ протестовать самымъ рѣшительнымъ образомъ. Помимо всѣхъ другихъ словъ Велькера меня къ этому побуждаетъ фраза, которой онъ закончилъ свою рѣчь—«Ecrasez l'infame!» Это—извѣстныя слова, которыми Вольтеръ призывалъ къ уничтоженію католической церкви. Нечего сказать, хорошо бы это вышло, если бы соціалдемократическая партія выступила съ подобнымъ избирательнымъ девизомъ. Велькеръ въ началѣ своей первой рѣчи опредѣленно заявилъ, что необходимо указывать противорѣчія, которыми полны религіозные и церковные взгляды. Наша партія тогда совершенно потеряла бы свой характеръ, и мы превратились бы въ своего рода церковныхъ проповѣдниковъ (совершенно вѣрно!). Не можетъ быть сомнѣнія, что это противорѣчитъ тексту нашей программы. «Религія — частное дѣло», это не (?) стоитъ**) въ нашей программѣ, потому что это само собой разумѣется и при томъ потому само собой разумѣется, что нигдѣ въ программѣ не говорится, что мы спрашиваемъ товарища по партіи, какихъ онъ держится религіозныхъ убѣжденій. Каждый пусть вѣритъ, какъ хочетъ; *онъ, какъ соціалдемократъ, можетъ быть католическимъ христіаниномъ*, онъ можетъ быть и атеистомъ и матерьялистомъ, а это въ партіи никого не касается. Только въ томъ случаѣ, если онъ, какъ соціалдемократъ, за-

*) «Раздавите нечесть!» — слова Вольтера, призывавшаго къ уничтоженію вліянія католической церкви.

**) Здѣсь должно быть въ протоколѣ ошибка, такъ какъ это положеніе стоитъ въ программѣ нѣмецкой соціалдемократіи.

хочетъ пропагандировать свои религіозныя убѣжденія, мы энергично выступаемъ противъ него, такъ какъ онъ нарушаетъ несомнѣнный для насъ принципъ: «религія — частное дѣло». (Очень хорошо!). На основаніи этого программнаго пункта ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ касаться религіозныхъ убѣжденій отдѣльныхъ лицъ, мы стоимъ напротивъ на той точкѣ зрѣнія — и это наше самое святое убѣжденіе, — что *въ религіозныхъ вопросахъ мы должны соблюдать абсолютный нейтралитетъ и ничего болѣе, кромѣ нейтралитета*».

Если понимать положеніе «религія—частное дѣло» такъ, какъ понимаютъ его Фольмары и Бебели, то ему, по нашему мнѣнію, не мѣсто въ соціалдемократической программѣ, и правы тѣ соціалдемократы, которые требуютъ, чтобы оно было вычеркнуто. *)

Мы хотѣли бы видѣть вѣрующаго католика, который былъ бы въ то же время *сознательнымъ* соціалдемократомъ, который примирялъ бы «научный соціализмъ съ «ученіемъ» католической церкви. Хорошъ соціалдемократъ, который вѣритъ въ непогрѣшимость папы, этого высшаго наставника, указывающаго даже какія книги можно и какія нельзя читать, хорошъ соціалдемократъ, который дѣлаетъ судьей всѣхъ своихъ поступковъ іезуита исповѣдника, хорошъ соціалдемократъ, который вѣритъ, что нѣтъ власти не отъ бога и т. д.! Въ концѣ концовъ каждому нѣмецкому соціалдемократу придется носить въ груди кромѣ «своего жандарма», еще «своего попа», «своего фельдфебеля» и т. д.. Не слишкомъ ли это будетъ ужъ много?!

Не мѣсто въ соціалдемократической программѣ и другому извѣстному положенію: «отдѣленіе церкви отъ государства». Этого положенія нѣтъ въ Эрфутской программѣ, такъ какъ — говорилъ Либкнехтъ въ своей пояснительной рѣчи — этою формулировкою «церковь признается учрежденіемъ, существующимъ рядомъ съ государствомъ; а мы этого не хотимъ».

---

*) Это положеніе было внесено нами въ нашъ проектъ программы русскаго пролетаріата; мы его теперь выбрасываемъ. Надо замѣтить, что нѣкоторыя ошибки программы замѣчаешь только тогда, когда пишешь къ ней подробное поясненіе, когда стараешься разобраться во всѣхъ возможныхъ возраженіяхъ противъ каждаго ея слова.

Съ нашей точки зрѣнія этою формулировкою пролетаріатъ какъ бы признаетъ право на существованіе и за государствомъ, и за церковью, а ему слѣдуетъ отказать въ этомъ правѣ имъ обоимъ.

Церковная организація съ ея «духовно»-бюрократической іерархіей такое же орудіе господствующаго класса для угнетенія и эксплуатаціи трудящихся массъ, какъ и организація государственная. Формально ихъ можно раздѣлить, но фактически они будутъ связаны между собою эксплуататорскимъ интересомъ буржуазіи. Они поддерживаютъ ея господство въ «равновѣсіи»; тамъ, гдѣ государство ослабѣваетъ, буржуазія старается усилить церковь, усилить порабощающее вліяніе церкви.

«Чѣмъ меньше — говоритъ Бебель — государственная власть при посредствѣ своей организаціи руководитъ массами, тѣмъ больше это должна дѣлать религія — церковь —, поэтому буржуазія всего благочестивѣе тамъ, гдѣ государственная власть всего слабѣе; на ряду съ Соед. Штат. въ Англіи, Бельгіи и Швейцаріи.» *)

Церковь старается оглушить или одурманить мозгъ человѣка, когда онъ еще не окрѣпъ, когда онъ находится въ періодѣ развитія, — она старается поэтому захватить въ свои руки школу. Пролетаріату надо, разумѣется, не щадить усилій, чтобы защитить своихъ дѣтей отъ поповскаго вліянія, онъ долженъ стремиться къ отмѣнѣ преподаванія догматовъ какой бы то ни было религіи на общественный счетъ и въ общественныхъ зданіяхъ. Но не надо увлекаться современною «свѣтскостью» школъ; если буржуазія въ нѣкоторыхъ странахъ, наприм., во Франціи отмѣнила въ государственныхъ школахъ преподованіе религіозныхъ догматовъ, то за то она ввела преподованіе догматовъ государственной морали, стараясь внушить вѣру въ божественность собственности, законовъ, обязательной военной службы и т. д. О томъ, каковы должны быть пролетарскія школы, мы поговоримъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

---

*) Женщина и соціализмъ» стр. 504 нашего перевода.

VIII.

Одной изъ главныхъ опоръ буржуазнаго владычества и однимъ изъ главныхъ препятствій для созданіи дѣйствительныхъ, а не мнимыхъ гарантій народной и личной свободы является **милитаризмъ**, подъ которымъ мы понимаемъ систему всѣхъ военныхъ или воинскихъ учрежденій и явленій: воинскую повинность, военные расходы, вооруженный миръ, войну и т. д.

Развитіе современнаго милитаризма стоитъ въ непосредственной зависимости отъ развитія капитализма. Характерныя черты милитаризма можно назвать капиталистическими.

Представительница капитализма, современная буржуазія отнюдь не воинственна, она любитъ миръ, *правда, вооруженный*, и всѣ ея политическіе главари, коронованные и не коронованные, стараются заслужить наиболѣе почетное въ настоящее время прозвище «миротворца». Николай II, Эдуардъ VII, Рузвельтъ, Лубэ, Францъ Іосифъ и даже Вильгельмъ, все это — «миротворцы». Миръ славословится на всѣхъ языкахъ и на всѣ лады. Дипломаты устраиваютъ мирныя конференціи, заключаютъ договоры о третейскомъ разрѣшеніи возникающихъ между государствами недоразумѣній, парламентскіе дѣльцы обмѣниваются «международными» визитами, съѣзжаются на «конгрессы мира», одинъ изъ владыкъ Сѣв. Ам. Соед. Штатовъ промышленникъ Карнеджи жертвуетъ нѣсколько милльоновъ на постройку въ Гаагѣ дворца мира и т. д. и т. д. Нельзя сказать, чтобы все это говорилось и дѣлалось неискренно. Современная буржуазія искренно хочетъ *мирно выжимать прибавочную цѣнность* изъ всего рабочаго народа независимо отъ расы, національности, вѣроисповѣданія, пола и возраста. «Настоящей» европейской войны буржуазія боится, какъ огня, понимая, или по крайней мѣрѣ, предчувствуя, что эта война можетъ разрушить всѣ эксплуататорскіе расчеты, что она можетъ не только «разорить» капиталистовъ, но и послужить исходной точкой пролетарскаго переворота, когда всѣ акціи, облигаціи, векселя и проч. будутъ превращены въ бумажную массу, изъ которой выйдетъ прекрасная бумага для напечатанья исторіи первой пролетарской революціи. Когда въ февралѣ этого года

вспыхнула русско-японская война европейская *буржуазная* пресса не могла скрыть трепета и страха, какъ бы это манджурское кровопролитіе не повело за собой войны европейской; миролюбивый тонъ повысился; «дружественныя» отношенія, между правительствами усилились; и никакія «неосторожности» русскаго флота, топившаго нейтральные торговые корабли, нападавшаго на англійскіе рыбацкіе суда и т. д. не могли до сихъ поръ раздуть манджурскій пожаръ въ европейскую войну. Если русскому правительству приходится съ осторожностью выводить войска изъ Западнаго края и другихъ пограничныхъ мѣстностей на Дальній Востокъ, то не изъ опасенія неожиданностей со стороны Германіи, Австріи, Швеціи, а изъ страха передъ «внутреннимъ врагомъ».

Не смотря на эту искреннюю боязнь европейской войны, всѣ современные государства неустанно вооружаются, безпрестанно увеличивая количество войскъ и военныхъ судовъ, вводя все болѣе и болѣе усовершенствованные орудія массового убійства. «Молохъ ростетъ» прогрессивно съ ростомъ буржуазнаго миролюбія и правительственныхъ заявленій въ пользу мира.

Мирный составъ армій превышаетъ въ настоящее время 4 милльона человѣкъ. Ежегодный военно-морской бюджетъ современныхъ государствъ превышаетъ 4 милльярда рублей, не считая огромныхъ процентовъ на государственные долги, значительная часть которыхъ сдѣлана на покрытіе издержекъ по вооруженію, постройкѣ стратегическихъ желѣзнодорожныхъ линій и т. п.

Въ Россіи по росписи 1903 г. на военное министерство приходилось около 330 милльоновъ рублей, на морское около 116 милльоновъ, на платежи процентовъ по государственнымъ долгамъ около 291 милльона рублей.

Лошадей въ европейскихъ арміяхъ занято болѣе 710.000. «Nouveau manuel du soldat» (Новое руководство для солдатъ), изданное французской конфедераціей труда, высчитываетъ, что вооруженный миръ обходится одной Европѣ ежегодно въ 11 милльярдовъ 363 милльона франковъ, если считать цѣнность каждаго рабочаго дня солдата въ 3 франка, лошади въ 2 франка.

Съ трудовой энергіей, выражаемой этой цѣнностью, вѣроятно, можно было бы въ нѣсколько лѣтъ всѣ пустыни земного шара превратить въ плодоносныя нивы, можно было бы создать достаточно продуктовъ для удовлетворенія потребностей всѣхъ жителей земного шара, но миролюбивая буржуазія боится устраненія человѣческой нужды еще больше, чѣмъ европейской войны, такъ какъ, разъ исчезнетъ нужда, исчезнетъ и капиталистическая эксплуатація.

Огромные военно-морскіе расходы давятъ трудящіяся массы, но буржуазія переноситъ ихъ не только легко, но даже съ удовольствіемъ, такъ какъ очень почтенный процентъ этихъ расходовъ попадаетъ въ карманы капиталистовъ, какъ промышленныхъ, такъ и и денежныхъ. *Вооруженный* миръ поддерживаетъ обширную военно-морскую промышленность, гдѣ рабочій трудъ даетъ предпринимателямъ превосходную прибавочную цѣнность. Ни на чемъ нельзя такъ быстро нажиться, какъ на всевозможныхъ доставкахъ военному и морскому вѣдомству. Не даромъ самымъ богатымъ человѣкомъ въ Германіи считался пушечный король Круппъ. Что касается банкировъ и вообще финансистовъ, то они сильно похудѣли бы, если бы правительства не дѣлали постоянныхъ займовъ на новыя вооруженія арміи и флота.

Въ этихъ выгодахъ одна изъ причинъ, что буржуазія любитъ миръ не безоружный, а вооруженный.

Вторая причина въ тѣхъ гарантіяхъ, которыя, какъ думаетъ буржуазія, ей даетъ сильная и хорошо вооруженная армія противъ возстанія эксплуатируемаго пролетаріата.

Это — причины «любви» буржуазіи къ вооруженіямъ, но не причины ихъ прогрессивнаго роста.

Вооруженія безпрерывно возрастаютъ подъ вліяніемъ соревнованія капиталистовъ различныхъ странъ въ отысканіи все новыхъ и новыхъ источниковъ эксплуатаціи и наживы. Капиталисты гоняются за прибылью по земному шару въ перегонку. Эта міровая гонка происходитъ не между отдѣльными лицами, а между группами ихъ, во главѣ которыхъ стоятъ правительства современныхъ цивилизованныхъ государствъ. Невѣрно было бы назвать эти группы «національными». За правительствомъ той или другой страны,

участвующей въ гонкѣ, стоятъ нерѣдко капиталисты самыхъ различныхъ національностей; бываетъ и такъ, что капиталисты одной и той же національности гонятся въ различныхъ группахъ. Все зависитъ отъ того, куда вложилъ капиталистъ свои капиталы, отъ успѣха какого правительства ожидаетъ онъ увеличенія своей прибыли.

Нѣкоторымъ, даже англійскимъ капиталистамъ, хотя бы напр., собственникамъ Юзовскихъ заводовъ, успѣхъ Россіи въ «международной гонкѣ» важнѣе успѣха самой Англіи; но среди англійскихъ капиталистовъ русскіе «патріоты» все же исключеніе; среди же французскихъ и бельгійскихъ собственниковъ «русскіе патріоты», горячо принимающіе къ сердцу или, что то-же, къ карману «международные интересы» Россіи составляютъ большинство.

Успѣхъ въ международной гонкѣ изъ за новыхъ рынковъ для сбыта товаровъ и изъ за новыхъ областей съ дешевыми рабочими руками и богатыми залежами руды, каменнаго угля и т. д. зависитъ отъ силы арміи и флота, и правительства стараются перегнать другъ друга, увеличивая постоянное войско, строя броненосцы и миноносцы, вводя усовершенствованія смертоносныхъ орудій, проводя новыя стратегическія желѣзнодорожныя линіи... «Европейскій миръ» при этомъ не нарушается, «великія державы» ограничиваются взаимнымъ подсчетомъ силъ и въ зависимости отъ результатовъ его уступаютъ или не уступаютъ другъ другу, но «*войны колоніальныя*» ведутся безпрерывно, обильно орошая кровью «цивилизованныхъ» пролетаріевъ и не цивилизованныхъ «варваровъ»—туземцевъ горъ и долинъ Азіи, Африки, Филиппинъ и т. д.

Особенностью и общимъ признакомъ «колоніальныхъ войнъ» является то, что онѣ ведутся въ «колоніяхъ», вдали отъ Европы, вдали отъ центровъ «культуры и цивилизаціи», вдали отъ резиденціи капиталистовъ, вызывающихъ ихъ; сжигаются и разрушаются деревни и города въ Манджуріи, Трансваалѣ, на Филиппинскихъ островахъ; до городовъ же Европы и Сѣверной Америки не доносится пушечнаго гула, и жизнь въ нихъ течетъ обычнымъ порядкомъ: здѣсь мирно играютъ на биржахъ, мирно наслаждаются деликатесами, музыкой, флиртомъ, спортомъ и т. д.; тамъ

же за десятки тысячъ верстъ на манджурскихъ или африканскихъ поляхъ десятки и сотни тысячъ людей, не зная зачѣмъ и почему, колютъ другъ друга штыками, разрываютъ на части бомбами, душатъ руками; здѣсь въ культурно-биржевыхъ центрахъ со смакомъ читаютъ описанія всѣхъ этихъ звѣрствъ, высчитывая на сколько они могутъ повысить или понизить цѣны тѣхъ или другихъ акцій; тамъ, на поляхъ битвы воздухъ зараженъ смрадомъ разлагающихся труповъ, здѣсь въ салонахъ истинныхъ виновниковъ бойни воздухъ напоенъ ароматомъ тонкихъ модныхъ духовъ...

«Колоніальныя войны» ведутся со свирѣпой жестокостью, отъ нихъ страдаютъ не только воюющіе солдаты, но и «нейтральные» жители, битвы принимаютъ характеръ безпощадной бойни; европейскіе солдаты десятками тысячъ гибнутъ не только отъ бомбъ, штыковъ и пуль, но и отъ убійственныхъ для нихъ климатическихъ условій; но для капиталистовъ эти войны совершенно безопасны и безвредны; эта безопасность, эта безвредность можетъ, повторяемъ, считаться ихъ общимъ признакомъ; другимъ общимъ признакомъ является ихъ чисто капиталистическій характеръ, т. е. ихъ возникновеніе исключительно ради матерьяльныхъ интересовъ или всей *) буржуазіи, или части ея.

Къ «колоніальнымъ войнамъ» слѣдуетъ причислить и происходящую въ настоящее время русско-японскую войну. Эта самая кровопролитная и самая значительная изъ всѣхъ колоніальныхъ войнъ, происходившихъ до сихъ поръ; она подготовлена быстрымъ развитіемъ капиталистическаго строя двухъ юныхъ, но могучихъ странъ, она связана съ судьбами капитализма всего міра, она чревата событіями, важными для развитія всего человѣчества.

Въ русской нелегальной печати господствуетъ взглядъ, что эта война ничто иное, какъ «авантюра русскаго самодержавія», подъ которымъ понимается придворная клика съ царемъ во главѣ, ничто иное какъ «его послѣдняя карта» (сколько ужъ было этихъ «послѣднихъ картъ»!) въ борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ.

*) Въ интересахъ всей буржуазіи Европа, Америка, Японія усмиряли Китай въ 1901 г.

Даже Парвусъ, отъ котораго болѣе, чѣмъ отъ кого нибудь другого, можно было ожидать выдержаннаго историко-матеріалистическаго взгляда на эту войну, ставитъ ее въ зависимость отъ «сумасброднаго романтизма дома Романовыхъ!»

«Торговые интересы, которыя въ колоніальной политикѣ Европы — пишетъ онъ*) — играютъ главную роль, въ политикѣ царскаго правительства отступаютъ на задній планъ. Ея цѣль — распространить могущество россійской имперіи: обратить весь міръ въ собственность дома Романовыхъ. Сумасбродный романтизмъ! Весь земной шаръ со всѣми его странами и народами привести къ подножію царскаго трона; всю игру міровой исторіи, промышленность, войны, національную борьбу, классовую борьбу, матерьяльную и духовную жизнь направить къ единой цѣли: къ вящей славѣ династіи Романовыхъ! Это, конечно, глупость, образовавшаяся путемъ историческимъ и потому порождающая абсурды, которые становятся «разумнымъ» факторомъ человѣческой исторіи.»

Послѣ такихъ разсужденій по поводу русско-японской войны со стороны Парвуса нечего удивляться, что какой-нибудь пѣтушекъ въ родѣ г. Т., не научившійся еще хорошенько выводить даже ортодоксально-искровское ку-ку-ре-ку, съ комичнымъ задоромъ налетаетъ на комитеты искровскаго «большинства», не воспринявшіе такихъ, напр., непреложныхъ пѣтушинныхъ истинъ, какъ слѣдующія: «величайшимъ осужденіемъ» комитетскихъ прокламацій служитъ то, что «онѣ могли бы быть безъ измѣненій переведены на японскій языкъ для политическаго вразумленія японскаго пролетаріата»; «война Россіи съ Японіей совсѣмъ не то, что война Японіи съ Россіей»; «со стороны Японіи — это война буржуазной «націи» за условія ея буржуазнаго развитія, т. е. дальнѣйшаго расширенія капиталистической эксплуатаціи; со стороны Россіи — это война самодержавнаго правительства, ставшаго въ непримиримое противорѣчіе съ условіями *буржуазнаго* развитія націи» и т. п.

Все это можетъ показаться истиной лишь для того, кто не можетъ или не хочетъ твердо стоять на

*) «Искра» №59.

почвѣ фактовъ въ ихъ объективной причинной связи. Въ дѣйствительности русско-японская война вызвана совсѣмъ не «сумасброднымъ романтизмомъ династіи Романовыхъ», а закономѣрнымъ позитивизмомъ международнаго капитализма; величайшей похвалой комитетскимъ прокламаціямъ было бы утвержденіе, что они могли бы, будучи переведены на японскій языкъ, служить для политическаго вразумленія японскаго пролетаріата, который въ подобномъ вразумленіи нуждается еще больше, чѣмъ пролетаріатъ русскій;*) война Россіи съ Японіей въ основѣ то же самое, что война Японіи съ Россіей, такъ какъ съ той и другой стороны она ведется во имя прибыли капиталистовъ на счетъ трудящихся массъ пролетаріата. Правда, японскій народъ ведетъ войну, гораздо болѣе опьяненный, одурманенный патріотизмомъ, чѣмъ народъ русскій, но это объясняется совсѣмъ не большою культурностью Японіи,**) какъ думаютъ «искристы», а, напротивъ, ея

*) «Нѣтъ никого — писалъ въ концѣ февраля 1904 г. органъ японскихъ соціалистовъ «Хейминъ Шимбунъ» — никого во всей странѣ, кто бы хоть на моментъ пришелъ въ себя и задумался о томъ злѣ, которое несомнѣнно повлечетъ за собою эта война. Даже рабочее населеніе не видитъ, что война для него событіе, о наступленіи котораго ему нужно сильнѣйшимъ образомъ сожалѣть; и оно серьезно мечтаетъ, что его положеніе улучшится, благодаря современному бѣдствію. Кажется, что всѣ люди одурманили себя алкоголемъ. Кто дрожитъ отъ леденящаго кровь холода, то можетъ, конечно, почувствовать облегченіе, проглотивъ хорошій глотокъ водки, но не почувствуетъ ли онъ свою нужду еще сильнѣе, когда пройдетъ дѣйствіе алкоголя! Мы, соціалисты, (ихъ, увы, *очень* мало! В. П.) хотимъ въ этомъ сумбурѣ *остаться трезвыми* и обсудить дѣло холоднымъ разсудкомъ. Была ли война между Россіей и Японіей дѣйствительно *неизбѣжна?* Правильно ли воззрѣніе, что независимости Японіи грозитъ опасность, если русскія войска не будутъ вытѣснены изъ Манджуріи? Развѣ не вѣрно, что война приноситъ рядъ выгодъ *только немногимъ капиталистамъ*, въ то время какъ *пролетаріату она приноситъ самый горестный жребій?* Пока эти вопросы не получатъ удовлетворительнаго отвѣта, мы *не можемъ одобрить начинающуюся теперь войну*».

**) Чтобы опровергнуть басни о культурности Японіи достаточно указать на рабское положеніе японской женщины, на ужасающія условія фабричнаго труда, почти совершенно не регламентированнаго рабочимъ законодательствомъ. Невольно вспоминаю также одного своего пріятеля японца, нынѣ доктора медицины, который въ началѣ 90-хъ годовъ много разсказывалъ мнѣ о японской жизни и ея быст-

меньшею культурностью по сравненію съ Россіей, взятой въ цѣломъ со всѣми ея окраинами: въ Японіи воинственныхъ феодальныхъ элементовъ гораздо больше, сознательнаго интеллигентнаго и промышленнаго пролетаріата гораздо меньше, чѣмъ въ Россіи; ея политическая свобода чисто кажущаяся; ея конституціонализмъ — чисто «показной» и, какъ таковой, лишь укрѣпляетъ абсолютизмъ *); «добродѣтели Микадо», по словамъ адмирала Того, взрывающія русскіе броненосцы играютъ въ японской жизни большую роль, чѣмъ благословенія царя, отбивающія японцевъ отъ Портъ Артура.

Объяснять русско-японскую войну авантюризмомъ царя столь же ненаучно, какъ объяснять ее авантюризмомъ микадо. Причины лежатъ гораздо глубже, и, дѣйствительно, научную *попытку* выяснить ихъ дѣлаетъ М. Бэръ, сотрудникъ «Die Neue Zeit», въ статьѣ «О русско-японскомъ конфликтѣ», напечатанной въ декабрѣ 1903 г., т. е. еще до начала военныхъ дѣйствій. Эта небольшая статья выясняетъ причину войны несравненно лучше, чѣмъ всѣ статьи «Искры», написанныя на ту же тему послѣ начала военныхъ дѣйствій.

Бэръ указываетъ прежде всего на поразительное сходство борьбы между Россіей и Японіей изъ за сѣвернаго Китая со старою двухсотлѣтнею борьбою Россіи изъ за Турціи. И тамъ и тутъ «основа и двигательныя силы однородны: неспособность Китая и Турціи сбросить устарѣлую соціальную организацію, и принять организацію, подходящую къ общимъ культурнымъ условіямъ или вѣрнѣе къ европейскому типу, имѣющему рѣшающее значеніе; далѣе стремленіе Россіи найти себѣ выходъ къ міровымъ морскимъ путямъ и противодѣйствіе этимъ русскимъ цѣлямъ со стороны нѣкоторыхъ великихъ державъ. На дальнемъ востокѣ дѣло идетъ для Россіи о свободномъ выходѣ черезъ Печилійскій заливъ и Корейскій проливъ, на ближнемъ востокѣ — черезъ

ромъ культурномъ развитіи. Однимъ изъ важныхъ шаговъ по пути прогресса онъ считалъ введеніе «ѣзды на людяхъ»: удешевилось передвиженіе и уменьшилась безработица.

*) Что показной или кажущійся конституціонализмъ укрѣпляетъ абсолютизмъ, хорошо доказывалъ еще Лассаль.

Черное море и Дарданеллы. На ближнемъ востокѣ Россія встрѣтила противниковъ въ самой Турціи и въ отдѣльныхъ европейскихъ великихъ державахъ, на дальнемъ востокѣ на пути Россіи стоятъ Японія, Англія, Соединенные Штаты и, быть можетъ, Китай.»

«Великая дипломатическая руководящая мысль, господствующая уже два столѣтія надъ внѣшней политикой Россіи — хорошо извѣстна», говоритъ далѣе Бэръ. Она выражается въ словахъ: «*Россіи нужна вода*». Ее формулировалъ Петръ Великій... «Петръ Великій не только формулировалъ дипломатическую мысль Россіи, но и указалъ направленіе мечемъ. Онъ бросился на Турцію, чтобы получить доступъ къ Черному морю, онъ уничтожилъ силу Швеціи, чтобы господствовать на Балтійскомъ морѣ и подъ ничтожнымъ предлогомъ объявилъ Персіи войну, чтобы отобрать у нея Каспійское море. Направленіе было дано; оно шло отъ Петербурга къ Босфору; оно было осью, вокругъ которой вращалась русская дипломатія до второй половины XIX столѣтія. Съ этихъ поръ замѣчается все болѣе рѣзкое отклоненіе отъ Босфора къ Печилійскому заливу. Разочарованіе Россіи исходомъ послѣдней восточной войны (1877—78) можетъ быть было одною изъ причинъ этого поворота. Но нельзя разсматривать это, какъ главную причину. *Такъ механически всемірно-политическія событія не совершаются.*

Кромѣ того этотъ поворотъ — явленіе не изолированное. Въ серединѣ XIX столѣтія произошли глубокія измѣненія въ странахъ на Великомъ океанѣ. Въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія Китай пережилъ сильное внутреннее броженіе, нашедшее себѣ выраженіе въ возстаніи Тайпинговъ. Около того же времени Соединенные Штаты ищутъ доступа къ Восточной Азіи; Англія и Франція навязываютъ Китаю войну; Россія утверждается на Амурѣ (1858 г.); Японія начинаетъ искать новую соціальную форму организаціи! Весь этотъ комплексъ явленій заставляетъ придти къ

---

*) Здѣсь мы невольно вспоминаемъ тотъ панегирикъ, который произнесъ Петру Великому Плехановъ на митингѣ въ Амстердамѣ 21 августа. Онъ доказывалъ, что русскому пролетаріату выпадаетъ на долю продолжать дѣло русской цивилизаціи, начатое Петромъ Великимъ.
В. И.

тому заключенію, что міровая торговля передвинулась къ Великому Океану, и это пробудило европейскіе народы и привлекло вниманіе европейскихъ державъ. Причину этого перемѣщенія міровой торговли можно найти въ расширеніи англійской торговой жизни и въ открытіи калифорнскихъ золотыхъ розсыпей, а также въ послѣдовавшемъ за этимъ промышленнымъ подъемомъ Соединенныхъ Штатовъ. Англія, Франція и Соединенные Штаты раскрыли Восточную Азію, и она со второй половины прошлаго столѣтія все болѣе и болѣе втягивалась въ кругъ міровой политики. Уже въ 1866 г. генералъ Богдановичъ *) представилъ царю Александру II планъ желѣзной дороги отъ Москвы къ Великому Океану».

Бэръ излагаетъ затѣмъ извѣстныя событія международной борьбы изъ за Великаго Океана и Китая (Японско-китайскую войну, постройку Сибирской дороги, занятіе Германіей Кіао-Чоу, Россіей Портъ-Артура, Англіей Вей-Ха-Вея, возстаніе боксеровъ и т. д.).

Подойдя къ попыткамъ Россіи утвердиться въ Кореѣ и ея отказу очистить Манджурію, Бэръ указываетъ, что съ одной стороны Японія справедливо видитъ въ этомъ опасность для своего «культурнаго» (понимай — капиталистическаго) развитія, но съ другой «Россія точно также не можетъ допустить сильную враждебную державу утвердиться въ Манджуріи и Кореѣ». «Движеніе Россіи въ Восточную Азію вызывается потребностью въ незамерзающихъ гаваняхъ. Портъ-Артуръ считается одною изъ лучшихъ военныхъ гаваней въ мірѣ и онъ господствуетъ надъ путемъ въ Пекинъ. Корея во владѣніи морской державы—угроза Портъ-Артуру. Если Россія хочетъ господствовать надъ Манджуріей и Печелійскимъ заливомъ, она должна занять Корею. Кто на столько ознакомился съ имперіалистическимъ мышленіемъ, что можетъ перенестись въ него, тотъ долженъ находить смѣшнымъ, что отъ державы, растянувшейся на два континента, ожидаютъ внезапной остановки передъ восточно-азіатскимъ полуостровомъ, именуемомъ Кореей. Такой по-

*) Здѣсь рѣчь идетъ объ извѣстномъ военномъ историкѣ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ «современнымъ» генераломъ Богдановичемъ, извѣстнымъ шутомъ гороховымъ. В. П.

луостровъ, какъ Корейскій, который господствуетъ надъ входомъ въ Печелійскій заливъ, а черезъ Корейскій проливъ и надъ Японіей, имѣетъ для Россіи, какъ восточно-азіатской морской державы, огромное значеніе. Представимъ себѣ, что Германская имперія послѣ большихъ финансовыхъ усилій, послѣ политической и военной борьбы изъ за морского порта, получила бы Любекъ и Киль. Гамбурга и Бремена не существовало бы, и прорытіе канала къ Сѣверному морю и Атлантическому океану было бы невозможно. Любекъ и Киль стояли бы тогда подъ угрозой со стороны датскаго берега и Зунда. Чтобы сдѣлать изъ Любека и Киля безопасныя гавани, политика Германіи должна была бы быть направлена на то, чтобы или Данію держать въ состояніи слабости, или—если бы Швеція была сильна и претендовала на Данію—разбить Швецію и присоединить Данію. Что Любекъ и Киль, Данія и Швеція были бы для Германіи, то Дальній и Портъ-Артуръ, Корея и Японія для Россіи. Но для Россіи надо принять во вниманіе еще одно обстоятельство. Она владѣетъ въ восточной Азіи еще Владивостокомъ и хочетъ имѣть безопасную соединительную линію между нимъ и Портъ-Артуромъ, но между этими двумя гаванями клинообразно врѣзывается Корея, которая со своей южной стороны во всякое время можетъ угрожать русской соединительной линіи. Для охраны своей морской силы Россія принуждена такимъ образомъ завладѣть Кореей и господствовать на ея берегахъ, но на пути къ этому господству стоитъ подымающаяся Японія»...

«Японія хочетъ жить и расширяться; линія ея расширенія идетъ черезъ Корею. Въ Сѣверномъ Китаѣ между тѣмъ нѣтъ мѣста для двухъ сильныхъ державъ. Такимъ образомъ Японія препятствіе для Россіи, Россія — препятствіе для Японіи».

Эти разсужденія гораздо ближе къ истинѣ, т. е. къ дѣйствительности, чѣмъ ссылки «на сумасбродный романтизмъ дома Романовыхъ», на «авантюру придворной клики», на противорѣчіе между буржуазнымъ развитіемъ и самодержавіемъ.

Съ буржуазно-капиталистической точки зрѣнія Россія и Японія совершенно «правы», не желая другъ другу уступать въ такомъ важномъ для ихъ буржуазіи

вопросѣ, какъ владѣніе Манджуріей и Корсей. Стремясь дотянуться до Великаго Океана и занять на немъ «надлежащее» положеніе сильной морской державы, русское «самодержавіе» дѣйствовало въ интересахъ какъ русскихъ капиталистовъ, такъ и иностранныхъ, вложившихъ свои «сбереженія» въ русскія предпріятія и русскіе фонды. Бэръ въ концѣ своей статьи указываетъ, что «представители русской индустріи» требовали отъ правительства, чтобы оно «разъ на всегда присоединило Манджурію и превратило ее въ русскую хозяйственную область». Къ восточной политикѣ русскаго правительства особенно сочувственно относились прогрессивные «иностранные капиталы», и не даромъ именно ихъ главный *политическій* представитель Витте «устроилъ» манджурскую желѣзнодорожную линію, которая непосредственно вела къ войнѣ. Восточно-азіатская политика была также одной изъ причинъ примиренія крупныхъ польскихъ капиталистовъ-предпринимателей съ русскимъ владычествомъ, какъ на это, указываетъ Роза Люксембургъ въ своей книгѣ о «Промышленномъ развитіи Польши». Въ русской и иностранной печати никогда не было недостатка въ краснорѣчивыхъ и «убѣжденныхъ» защитникахъ активной политики Россіи на Дальнемъ Востокѣ, и это совсѣмъ не приверженцы самодержавно-монархическаго режима: въ то время, какъ князь Мещерскій готовъ отказаться и отъ Манджуріи, и отъ Кореи, лишь бы поскорѣе покончить опасную войну, такіе писатели, какъ Луговой и Левъ Толстой-сынъ выполняютъ свой «патріотическій долгъ», съ горячностью проповѣдуя необходимость для Россіи во что бы то ни стало сломить Японію и утвердиться на Великомъ Океанѣ.

Если бы Россія изъ единой и нераздѣльной самодержавной имперіи превратилась въ *единую и нераздѣльную буржуазную республику*, ея «имперіалистская политика» проводилась бы, вѣроятно, еще съ большею настойчивостью, но во всякомъ случаѣ въ томъ же направленіи къ «водѣ», къ выходамъ на великіе морскіе пути, къ «незамерзающимъ портамъ».

Форма правленія не имѣетъ ничего общаго съ этимъ капиталистическимъ стремленіемъ занять хорошую позицію на восточно-азіатскихъ берегахъ Великаго Океана, куда передвинулась ось міровой торговли.

Россія ведетъ теперь кровопролитную войну не потому, что она — абсолютная монархія, а потому, что она буржуазно-капиталистическая страна. Многіе сознательные и безсознательные идеологи буржуазіи стараются, правда, свалить передъ народомъ вину за войну и всѣ ея бѣдствія и неудачи исключительно на самодержавную форму правленія, но сознательные пролетаріи должны употребить всѣ усилія, чтобы раскрыть этотъ сознательный или безсознательный обманъ и указать главнаго виновника — международную буржуазію. Какъ во всѣхъ странахъ, какъ въ Англіи, Японіи и т. д., такъ и у насъ виновниками милитаризма съ его давящимъ народы *вооруженнымъ* миромъ съ его свирѣпыми колоніальными войнами являются капиталисты, которые подъ культурой понимаютъ высокую прибыль, подъ человѣческимъ благомъ высокій процентъ. Только покончивъ съ ихъ міровымъ господствомъ, только замѣнивъ производство товаровъ ради прибыли производствомъ продуктовъ ради потребленія, пролетаріатъ положитъ конецъ милитаризму и сдѣлаетъ невозможной войну со всѣми ея ужасами.

Но, чтобы покончить съ капитализмомъ, пролетаріату нужно ясно понять, что милитаризмъ, необходимый для господства буржуазіи, несовмѣстимъ съ пролетарскою свободою; пролетаріату нужно отвергнуть его рѣшительно и *во всѣхъ формахъ*. Въ современномъ обществѣ милитаризмъ — орудіе угнетенія пролетаріата, въ будущемъ обществѣ не будетъ никакого угнетенія и не нужно будетъ никакихъ орудій угнетенія. Пролетаріатъ долженъ стремиться совершенно уничтожить милитаризмъ, а не *исправить* его замѣною постояннаго войска милиціей, несправедливыхъ войнъ «справедливыми». Часть рабочихъ массъ сознаетъ это вполнѣ ясно, какъ показываетъ, напр., антимилитаристическая дѣятельность французскихъ революціонныхъ синдикалистовъ, но соціалдемократическіе «верхи», пропитанные мелкобуржуазнымъ духомъ, еще крѣпко стоитъ за исправленіе милитаризма».

«Неужели — восклицаетъ авторъ брошюры «Милитаризмъ и рабочій классъ», изданной Лигой русской революціонной соціалдемократіи—соціалистическій про-

летаріатъ хочетъ оставить *отечество* безъ всякихъ средствъ къ оборонѣ?» И спѣшитъ успокоить своихъ читателей: «Нѣтъ. Требуя отмѣны постоянныхъ армій, соціалистическая рабочая партія требуетъ замѣны ихъ *народнымъ ополченіемъ* (милиціей).»

Далѣе идетъ призывъ къ обученію «всѣхъ молодыхъ людей *военному ремеслу*», т. е. массовому убійству и успокоительное указаніе, что тѣмъ «немногимъ теперь странамъ, въ которыхъ нѣтъ постоянныхъ армій, а господствуетъ система народнаго ополченія (милиція), какъ, наприм., Швейцарія, не приходится раскаиваться въ этомъ».

Чего тутъ раскаиваться! *Милиція въ Швейцаріи прекрасно усмиряетъ стачечниковъ*, вполнѣ замѣняя нашихъ «конныхъ городовыхъ», жандармовъ и казаковъ.

Успокаиваетъ авторъ читателей и на счетъ храбрости и дисциплины, въ которыхъ у милиціи недостатка нѣтъ и не будетъ.

«Гражданинъ, знающій за что онъ сражается, всегда будетъ сражаться *лучше*, чѣмъ солдатъ, готовый изъ подъ палки бить направо и налѣво. Такой гражданинъ подчинится и необходимой дисциплинѣ». Такой гражданинъ еще *лучше*, чѣмъ русскіе и японскіе солдаты подъ Мукденомъ и Портъ-Артуромъ, будетъ выполнять основное правило «военнаго ремесла»», формулированное Драгомировымъ въ такихъ приблизительно словахъ: «Коли штыкомъ *твердо*, сломался штыкъ, бей ружейнымъ ложемъ, разбилось ложе, души руками, обрубили руки, кусай зубами»!

Всѣ эти восторги русскаго революціоннаго соціалдемократа по поводу необычайной способности милиціи къ «военному ремеслу» вполнѣ «ортодоксальны» и постоянно встрѣчаются на страницахъ партійныхъ изданій нѣмецкой соціалдемократіи, но русскій революціонный соціалдемократъ впадаетъ въ непозволительную ересь, когда съ одобреніемъ отзывается о пропагандѣ соціализма въ казармахъ. Если бы онъ вздумалъ одобрять подобныя «безтактности» въ нѣмецкой соціалдемократической печати, то вожаки такъ бы на него прикрикнули, что онъ сразу прикусилъ бы языкъ. Но оставимъ пока вопросы о милиціи и пропагандѣ въ казармахъ, присмотримся сначала къ *отечеству*, столь

любезному сердцу революціоннаго русскаго соціалдемократа.

«*Есть нѣчто ужасное въ священной любви къ отечеству*; — говорилъ въ одной изъ своихъ рѣчей «сослуживецъ» Робеспьера Сенъ Жюстъ, — она такъ исключительна, что безъ состраданія, безъ страха, безъ вниманія къ человѣку она всѣмъ жертвуетъ общественному интересу. Она низвергаетъ Манлія въ пропасть; она жертвуетъ своими частными интересами; она ведетъ Регула въ Карѳагенъ, она бросаетъ римлянина въ бездну и помѣщаетъ въ Пантеонъ Марата, какъ жертву преданности общественному дѣлу».

И какъ бы въ отвѣтъ на эти пышныя слова представителя революціонной буржуазіи, раздались полстолѣтія спустя простыя слова представителей революціоннаго пролетаріата: «У рабочихъ нѣтъ отечества».

Слова священной любви къ отечеству раздались подъ шумъ ударовъ ножа гильотины, слова коммунистическаго манифеста объ отсутствіи у рабочихъ отечества грянули подъ шумъ ударовъ трудового молота, кующаго счастье людей, освобожденныхъ отъ вѣры, царя и отечества.

У рабочихъ нѣтъ отечества, но у нихъ есть человѣчество, которое имъ суждено освободить отъ всѣхъ ужасовъ «военнаго ремесла»-

Чѣмъ ненадежнѣе становится «священная любовь» къ царю, чѣмъ рѣшительнѣе вѣру разбиваетъ знаніе, тѣмъ важнѣе для буржуазіи одурманивать пролетаріатъ священною любовью къ отечеству.

— Что такое это отечество?

«Отечество не представляетъ болѣе мнѣа, оно болѣе даже не идея, не чувство, не моральное понятіе, оно — совокупность интересовъ, сгрупированныхъ на опредѣленной территоріи, которую изолируютъ пограничныя заставы въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Отечество, которое опиралось на идеалъ, на абстракцію, опирается нынѣ на матерьяльный интересъ. Идеализированнымъ оно было; матерьяльнымъ оно стало. Оно отождествлялось съ чувствомъ, теперь оно отождествляется съ товаромъ.

Нынѣ патріотъ считаетъ своимъ долгомъ избѣгать всякой военной тягости; онъ боится того, чего искали

предки, но онъ толкаетъ въ опасность наивныхъ, вѣрующихъ въ него, а самъ готовъ бѣжать по первому тревожному сигналу. Онъ озабоченъ единственно тѣмъ, чтобы событія, которыя имъ вызываются, благопріятствовали его самымъ матерьяльнымъ интересамъ. Если онъ видитъ возможность кого-нибудь ограбить и присвоить чужія богатства, онъ толкаетъ событія къ войнѣ, въ которой не принимаетъ участія. Его существованіе слишкомъ драгоцѣнно, чтобы онъ сталъ имъ рисковать. Это — буржуа, хозяинъ, капиталистъ.

Но чтобы вести войну во имя своихъ интересовъ противъ интересовъ такихъ же патріотовъ, какъ онъ, собранныхъ въ другой странѣ, онъ, какъ человѣкъ практическій, пользуется людьми, оторванными отъ земли. Эти послѣдніе по трусости или невѣжеству улавливаются на ложь и, какъ дикіе, бросаются на другихъ людей, толкаемыхъ такими же мотивами. Ихъ столкновеніе причиняетъ опустошенія, которыя послѣ войны они должны будутъ исправлять своимъ трудомъ.

Это — рабочіе, труженники. Въ благодарность за то, что они прикованы къ рабскому труду въ полѣ или на фабрикѣ, они являются послушными боевыми орудіями; кромѣ того они плательщики налоговъ, они уплачиваютъ за разбитыя горшки наличными деньгами, которыя капиталисты соотвѣтствующихъ странъ и виновники войны опускаютъ въ свои карманы.

Ихъ нечего за это осуждать, но рабочимъ не слѣдуетъ давать себя дурачить.

Всегда изъ столкновенія одного народа съ другимъ для имущихъ получается масса выгодъ, прибылей, а для рабочихъ увеличеніе тягостей и нищеты...

...И отечество представляетъ теперь только извѣстную сумму привиллегій для однихъ и тягостей для другихъ...

Отечество превратилось въ естественнаго покровителя сильнаго противъ слабаго; оно сдѣлалось эмблемой спекуляціи, эксплуатаціи и останется таковой, пока рабочіе не освободятся отъ буржуазныхъ софизмовъ, которые представляютъ его, какъ образное выраженіе семьи и кормилицы земли».

Все это пишетъ въ органѣ французскихъ синдикатовъ В. Griffuelles. Увѣренъ, что никто изъ читателей никогда о немъ не слыхалъ, признаюсь, что

и я узналъ о его существованіи только по статьѣ объ отечествѣ, изъ которой я привелъ нѣсколько мѣстъ, но признаюсь также, что мысли этого неизвѣстнаго Гриффюльса объ отечествѣ и защитѣ его доставляютъ мнѣ гораздо больше нравственнаго удовлетворенія, чѣмъ соотвѣтствующія мысли извѣстнаго всѣмъ читателямъ вождя нѣмецкой соціалдемократіи Августа Бебеля.

Мы уже приводили его патріотическое заявленіе о томъ, что нѣмецкія соціалдемократы будутъ бороться до послѣдняго издыханія противъ попытки оторвать отъ Германіи хотя бы клочекъ территоріи, что для защиты отечества они будутъ сражаться до послѣдняго человѣка и т. д.

Эти патріотическія слова, сказанныя отъ имени нѣмецкой соціалдемократіи въ германскомъ рейхстагѣ, такъ сказать передъ лицомъ всего міра, вызвали восторженное одобреніе со стороны реакціонеровъ всѣхъ странъ. Бебеля хвалили не только прусскіе юнкера; его ставили въ примѣръ французскимъ «интернаціоналистамъ» французскіе націоналисты; на него ссылались норвежскіе консерваторы, отстаивая милитаризмъ отъ нападокъ норвежскихъ радикаловъ; его, какъ искренняго патріота, «Московскія Вѣдомости» выставляли противъ «японскаго агента» Струве и т. д.

Для Бебеля всѣ эти похвалы не могутъ быть безразличны, такъ какъ онъ самъ не разъ указывалъ «ревизіонистамъ», что ихъ осуждаютъ похвалы враговъ пролетаріата, что соціалдемократу, которымъ восторгаются представители буржуа, слѣдуетъ задуматься, не сбился ли онъ съ дороги?

Не знаемъ задумался - ли самъ Бебель, но во всякомъ случаѣ его заявленіе на Бременскомъ партейтагѣ показываетъ несокрушимую увѣренность, что онъ съ своимъ нѣмецкимъ патріотизмомъ стоитъ на вѣрномъ пути.

Делегатъ Марбурга Михельсъ очень деликатно и робко коснулся вопроса, не слишкомъ-ли далеко заходитъ Бебель въ своемъ патріотизмѣ?

«Бебель — сказалъ Михельсъ — въ большой парламентской рѣчи заявилъ: соціалдемократы стали бы вмѣстѣ съ другими, защищать отечество, если бы на

на него было совершено нападеніе; мы не уступили бы ни одного клочка земли. Одинъ организованный товарищъ написалъ мнѣ тогда, что должно быть Бебель сдѣлался націоналистомъ (Смѣхъ). Я отвѣтилъ ему: Этого я не думаю. Бебель чудесный скрипачъ, но иногда онъ настраиваетъ скрипку фальшиво, и тогда вырывается нота однимъ тономъ выше (Смѣхъ.) Я во всякомъ случаѣ держусь мнѣнія, что заявленіе: Мы будемъ защищать каждый клочокъ имперіи противорѣчитъ партійной программѣ (Бебель: «Ну, ну!») Я имѣю въ виду положеніе нашей программы о *правѣ самоопредѣленія народовъ*. Да, если бы у насъ было отграниченное національное государство, то Бебель былъ бы правъ. Но мы живемъ въ государствѣ, которое присоединило къ себѣ датскія, французскія, и польскія области.

Представьте себѣ такой случай: гакатисты*) довели польское населеніе до возстанія; не должны ли быть тогда наши симпатіи на сторонѣ поляковъ? Или и тогда мы должны сражаться до послѣдней капли нашей крови, чтобы по царски подавить поляковъ?»

На этотъ прямо поставленный вопросъ Бебель не далъ никакого отвѣта, но еще разъ подтвердилъ свою патріотическую точку зрѣнія.

«Еще одно слово—сказалъ онъ—о моемъ заявленіи, что въ случаѣ наступательной войны мы ни при какихъ условіяхъ не потерпимъ потери нѣмецкой земли. Я удивлялся, что это заявленіе обратило на себя такое большое вниманіе въ партіи и внѣ ея. Это происходитъ отъ того, что у большинства людей слишкомъ короткая память и что въ партіи масса молодыхъ людей, незнающихъ партійной исторіи. Подобное заявленіе я сдѣлалъ въ рейхстагѣ въ первый разъ 24 года тому назадъ, и въ 1880 году намъ пришлось даже поспорить по этому поводу съ Фольмаромъ въ «Соціалдемократѣ». Фольмаръ держался тогда другого мнѣнія, но позже онъ присоединился къ моему взгляду (hat sich bekehrt — букв. «обратился»). Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ мы неоднократно повторяли то же самое при

*) Прусскія націоналисты, сторонники репрессивныхъ мѣръ противъ польскаго населенія въ польскихъ провинціяхъ для сохраненія въ нихъ господства прусскаго меньшинства.

обсужденіи бюджета. Это заявленіе ни въ коимъ случаѣ не противорѣчитъ нашей тактикѣ голосовать противъ военнаго бюджета, такъ какъ мы въ этомъ случаѣ оспариваемъ систему*) обороны страны. Но разъ мы убѣждаемся, что предстоитъ наступательная война съ цѣлью завоеванія нѣмецкой земли, то мы постоянно заявляли готовность защищать ее (Совершенно вѣрно!). Если бы въ 1870 году мы убѣдились въ томъ, что выяснилось впослѣдствіи, а именно, что Бисмаркъ изысканно ловкой политикой такъ перемѣшал [illegible], что Наполеонъ былъ вынужденъ объявить войну въ тотъ моментъ, въ который желалъ этого Бисмаркъ, то мы тогда не воздержались бы отъ голосованія, а голосовали бы противъ кредитовъ. Мы и въ этомъ вопросѣ всегда держались *корректно*».

Эти постоянныя заявленія нѣмецкихъ соціалдемократовъ, что они не потерпятъ обиды нѣмецкому отечеству и не уступятъ ни одного клочка «нѣмецкой» земли вызываютъ въ нашей памяти одну сцену изъ «Тяжелыхъ дней» Островскаго. Московскій купецъ Китъ Китычъ торжественно заявляетъ, что онъ не дастъ себя въ обиду. «Полно, Китъ Китычъ—резонно замѣчаетъ ему жена—кто тебя обидитъ, ты самъ всякаго обидишь.»

Кто самъ въ самомъ дѣлѣ обидитъ современную Германію, она сама всякаго обидитъ!?

Что касается до оправданія Бебелемъ своего нерѣшительнаго отношенія къ франко-прусской войнѣ незнаніемъ того, что Бисмаркъ былъ болѣе ловкій дипломатъ, чѣмъ Наполеонъ и сумѣлъ заставить Наполеона объявить войну въ удобной для себя, а не для него моментъ, то на такую точку зрѣнія становиться представителю сознательнаго пролетаріата, по меньшей мѣрѣ, неудобно. Съ пролетарской точки зрѣнія всякая дипломатія и наполеоновская, и бисмарковская одинакова лжива, одинаково направлена противъ интересовъ трудящихся массъ, которымъ приходится расплачиваться за нее своимъ потомъ и кровью.

Наконецъ, указаніе на многократность патріотическихъ заявленій нисколько не дѣлаетъ фальшиваго

*) Т. е. постоянное войско, которое, по мнѣнію Бебеля, должно быть замѣнено милиціей. В. П.

тона ихъ болѣе правильнымъ. Обѣщать отъ лица нѣмецкаго пролетаріата, что онъ прольетъ до послѣдней капли всю свою кровь, при какихъ бы обстоятельствахъ ни грозила Германской имперіи потеря клочка земли, обѣщать этого не долженъ соціалдемократическій вождь, каждое слово котораго многими встрѣчается, какъ «слово Божіе». Мы сказали бы, что онъ совершаетъ подобнымъ заявленіемъ преступленіе, если бы мы не относились ко многимъ преступленіямъ съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ къ прусскимъ законамъ. Скажемъ лучше—Бебель поступаетъ въ данномъ случаѣ согласно прусскому закону.

Вопросъ о защитѣ отечества возникъ на Бременскомъ партейтагѣ въ связи съ вопросомъ о «воздержаніи» соціалдемократической фракціи при голосованіи кредитовъ на расходы по усмиренію «возстанія Хереро», туземцевъ одной изъ африканскихъ «колоній» Германіи. Соціаллемократія до сихъ поръ всегда заявляла себя принципіальной противницей современной «колоніальной политики», которая въ сущности ничто иное, какъ грабежъ и истребленіе туземцевъ, безсильныхъ противъ скорострѣльныхъ ружей и митральезъ. По временамъ, однако, насилія культуртрегеровъ вызываютъ возстанія или, вѣрнѣе, взрывы отчаянья туземцевъ. Таково возстаніе Хереро. Правительство требуетъ у рейхстага средствъ для посылки въ Африку войскъ, которыя бы усмирили возставшихъ и примѣрно наказали ихъ. Соціалдемократическіе депутаты *не знаютъ*, какъ имъ отнестись къ этому требованію. Часть хочетъ голосовать за ассигнованіе необходимыхъ для усмиренія средствъ, часть—противъ и, наконецъ, большинство съ Бебелемъ во главѣ стоитъ за воздержаніе отъ голосованія. Побѣждаетъ это «среднее», пилатовское рѣшеніе, и при «первомъ чтеніи» противъ «кредитовъ» на усмиреніе не подается ни одного голоса. Совѣсть сознательнаго пролетаріата была возмущена, и въ рабочихъ собраніяхъ поведеніе фракціи подвергалось рѣзкому осужденію. Бебелю на бременскомъ партейтагѣ пришлось объясниться.

«У насъ (депутатовъ)—говоритъ онъ—были очень жаркія пренія. Въ концѣ концовъ большинство, въ томъ числѣ и я, высказалось за воздержаніе отъ голосованія. Почему? Потому что въ періодъ, когда об-

суждалось дѣло, *дѣйствительно доказанныхъ фактовъ о причинахъ возстанія еще не было. Въ народныхъ собраніяхъ, гдѣ не приходится нести никакой прямой отвѣтственности, оратору легко выступить и попросту заявить: мы ни при какихъ условіяхъ не должны соглашаться на это требованіе.* Но мнѣ, какъ народному представителю, приходится взвѣшивать, какъ имѣющійся матеріалъ долженъ повліять на мое рѣшеніе. Поэтому я отъ имени фракціи заявилъ приблизительно такъ: мы очень боимся, что возстаніе въ юго-западной Африкѣ вызвано вашей политикой, но у насъ въ данный моментъ нѣтъ этихъ доказательствъ и, такъ какъ съ другой стороны мы не можемъ думать, что вина лежитъ только на противной сторонѣ, то мы пока воздерживаемся отъ голосованія, но, въ случаѣ, если наше опасеніе оправдается, что возстаніе вызвано вашей политикой, мы будемъ голосовать противъ требованія. Это было заявленіе, *корректнѣе* котораго нельзя было сдѣлать, и ярость нашихъ противниковъ по поводу нашего поведенія доказала, что мы поступили правильно.»

Ахъ, ужъ эта корректность! Какихъ еще Бебелю нужно было «доказательствъ» противъ «колоніальной политики» нѣмецкой буржуазіи?! Не зналъ онъ развѣ, что всѣ «колоніи» ничто иное, какъ хищническій захватъ чужой земли, не зналъ онъ развѣ, что «колонисты» превращаютъ чернокожихъ въ рабовъ и вьючныхъ животныхъ, предварительно отнявъ у нихъ землю и стада?

Онъ хочетъ, чтобы нѣмецкіе соціалдемократы лучше легли костьми, чѣмъ отдали клочекъ нѣмецкой земли, но, вотъ, у хереро нѣмцы отняли и землю, и свободу, и какія же могутъ быть сомнѣнія, на чьей сторонѣ лежитъ вина за вспыхнувшее возстаніе?!

И какъ страненъ для вождя пролетаріата этотъ взглядъ съ высоты отвѣтственнаго положенія народнаго представителя на оратора въ народномъ собраніи, гдѣ какъ-будто можно говорить все, что угодно, безъ всякихъ доказательствъ!?

Съ преніями по поводу защиты отечества и усмиренія хереро вполнѣ гармонировали пренія по поводу предложенія нѣкоторыхъ «товарищей» организовать пропаганду соціалистическихъ идей среди пролета-

ріевъ, призываемыхъ къ выполненію воинской повинской *до вступленія ихъ въ армію.*

«Въ особенности — говорилось въ этомъ «предложеніи» — слѣдуетъ выяснить будущимъ солдатамъ путемъ брошюръ ихъ обязанности по отношеніи къ такъ называемому «внутреннему врагу». Въ этихъ брошюрахъ слѣдуетъ также давать солдатамъ совѣтъ, какъ они должны держать себя по отношенію къ многочисленнымъ истязаніямъ солдатъ».

Вы, можетъ быть, подумаете, что это предложеніе было сочувственно встрѣчено партейтагомъ, по крайней мѣрѣ его «радикальнымъ» большинствомъ; вѣдь заявляетъ же «Искра» въ своемъ отчетѣ о Бременскомъ съѣздѣ, что онъ выполнилъ предстоявшую ему «задачу бороться съ оппортунистическими тенденціями при разрѣшеніи отдѣльныхъ очередныхъ вопросовъ, и затѣмъ, сильнѣе подчеркнуть свою революціонную позицію по отношенію къ существующимъ общественнымъ условіямъ»*).

Если вы это подумаете, то сильно ошибетесь. Предложеніе о пропагандѣ среди будущихъ солдатъ было встрѣчено бурей негодованія, объединившаго ортодоксовъ съ ревизіонистами. Надо удивляться, что молодого Карла Либкнехта (сына покойнаго Вильгельма Либкнехта) не исключили изъ партіи за то, что онъ имѣлъ «дерзость» выступить въ защиту этого непозволительнаго предложенія, занесеннаго въ протоколы подъ № 105.

Уже въ отчетѣ о состояніи кассы партійный кассиръ и вмѣстѣ съ тѣмъ членъ партійнаго правленія Геришъ, говоря о различныхъ предложеніяхъ, касающихся печати, заявилъ, что предложеніе 105 не только неудачно, но «прямо-таки вредно.»

По мнѣнію Гериша брошюрная пропаганда среди молодыхъ людей, призываемыхъ къ военной службѣ, «чрезвычайно затрудняла бы имъ жизнь» въ казар-

*) Кстати сказать искровскій отчетъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ ни о преніяхъ по поводу защиты отечества, ни о преніяхъ о воздержаніи при голосованіи кредитовъ на усмиреніе хереро, ни о предложеніи пропаганды среди призывныхъ, вообще въ этомъ отчетѣ нѣтъ ни слова изъ того, что мы приводимъ на основаніи протоколовъ, изданныхъ партіей. «Искра» и на этотъ разъ «выясняетъ истину, урѣзывая ее.»

махъ. Когда въ заключеніе Геришъ высказался за передачу всѣхъ предложеній относительно печати на усмотрѣніе партійнаго правленія, Бебель крикнулъ: «105 отклонить!» и Геришъ поспѣшилъ поправиться: «Разумѣется, за исключеніемъ предложенія 105, которое мы просимъ отклонить!»

Неизвѣстный Вильгельмъ Фишеръ рѣшился все же просить партейтагъ передать и предложеніе 105 на разсмотрѣніе партійному правленію, но тогда поднялся извѣстный Рихардъ Фишеръ *) и заявилъ:

«Если вы передадите предложеніе 105 партійному правленію но разсмотрѣніе, то вы ставите его передъ задачей, которую онъ по просту не можетъ выполнить. Правленіе, если оно серьезно отнесется къ своей задачѣ, должно будетъ пойти въ разрѣзъ съ желаніемъ конгресса и заявить: я не могу выполнить «предложенія». Вы не можете же требовать отъ правленія, чтобы оно принимало предложенія, относительно которыхъ оно убѣждено, что не можетъ ихъ выполнить (Совершенно вѣрно!) Что мы всѣ заинтересованы въ томъ, чтобы сдѣлать молодежь соціалдемократической, объ этомъ намъ нѣтъ надобности здѣсь толковать, мы должны это дѣлать, это — наша жизненная задача и кромѣ того она — необходимость, обусловливаемая обстоятельствами. Но подобными предложеніями молодежь нельзя сдѣлать соціалдемократической. *До извѣстной степени молодежь все же молодежь, она должна перебѣситься и она еще не годится для серьезности жизни*».

«Подобныя предложенія не слѣдуетъ принимать, такъ какъ они не имѣютъ успѣха. Въ тотъ моментъ какъ мы захотѣли бы привести ихъ въ исполненіе, у насъ отняли бы для этого возможность. Я уже теперь питаю довѣріе къ нашимъ судьямъ, что они помѣшаютъ подобной пропагандѣ соотвѣтствующимъ примѣненіемъ существующихъ законовъ, но если бы это оказалось невозможнымъ, то рейхстагъ въ теченіе двухъ недѣль принялъ бы законъ, который сдѣлалъ бы подобную

*) Въ отчетѣ «Vorwärts'а» указано, что на предложеніе Вильгельма Фишера Бебель реагировалъ восклицаніемъ: «по отношенію къ 105 это невозможно!» Рихардъ Фишеръ успокоилъ его замѣчаніемъ: «Положись ужъ на меня!» Въ протоколахъ этого инцидента нѣтъ.

агитацію невозможной (Совершенно вѣрно!). Вообще, охъ ужъ вся эта агитація среди молодежи! Посмотрите на наши законы о союзахъ и собраніяхъ! Что возможно въ Австріи, Бельгіи и т. д., то у насъ, если бы это и было желательно, невозможно. Это вы попросту играете въ игрушки. (Фольмаръ: «Въ очень опасныя игрушки!»). Я думаю, что партейтагъ отклонитъ предложеніе.» (Бебель: «совершенно вѣрно!»).

Послѣ рѣчи «перебѣсившагося» Рихарда Фишера Либкнехтъ и другіе сторонники предложенія 105, не стали уже настаивать на его принятіи, а попытались провести болѣе «невинное» постановленіе: «Признавая необходимость организовать среди молодежи систематическую агитацію въ пользу соціалдемократическаго ученія; признавая далѣе необходимость ставить при этой агитаціи среди молодежи на первый планъ борьбу съ милитаризмомъ, конгрессъ считаетъ вопросъ о предложеніи 105 покончѣннымъ.»

Но и этому новому «предложенію» посчастливилось не болѣе, чѣмъ предложенію 105.

Противъ него рѣзко высказались докторъ Зюдекумъ, Шёнфлинъ, Молькенбуръ, фонъ Фольмаръ, Фромэ и др. Бебель отказался отъ взятаго было слова, заявивъ, что предложеніе «достаточно хорошо убито.»

Шёнфлинъ, принадлежащій, если не ошибаюсь къ «ортодоксамъ», нарисовалъ картину ужасныхъ послѣдствій принятія предложенія о пропагандѣ среди «призывныхъ».

«Представьте, что дѣло доходитъ до суда, и боязливый рекрутъ — они *всѣ* боязливы, когда стоятъ передъ офицерами — говоритъ, что онъ дѣйствовалъ по нашимъ инструкціямъ. Это была бы хорошая исторія. Генералъ фонъ Эндерсъ, возражая Бебелю въ рейхстагѣ, сказалъ, что соціалдемократы, оказывая на военной службѣ пассивное сопротивленіе, приводятъ этимъ начальниковъ въ нервное состояніе и зызываютъ такимъ образомъ истязанія солдатъ. Генералъ вѣритъ въ это, и это воззрѣніе, если бы мы приняли предложеніе 105, распространилось бы тѣмъ скорѣе, и результатъ проявился бы въ военно-судебныхъ приговорахъ. Молодыхъ рекрутовъ изъ соціалистическихъ округовъ прижимали бы еще сильнѣе, чѣмъ до сихъ поръ, и матерьяльный успѣхъ выразился бы въ сот-

няхъ лѣтъ тюремнаго заключенія. (Оживленное одобреніе).»

Молькенбургъ, несомнѣнный ортодоксъ, указалъ, между прочимъ, что «основная идея предложенія до сихъ поръ всегда рѣшительно отклонялась партіей.» «Когда Домела Ньювенгаусъ велъ свою пропаганду въ пользу военной стачки, противъ этой утопіи рѣшительно выступила нѣмецкая соціалдемократія. Та же мысль скрывается за всѣми изгибами предложенія 105.»

Фонъ Фольмаръ говорилъ противъ злосчастнаго «предложенія» съ большимъ и, видимо, вполнѣ искреннимъ возмущеніемъ.

«Я сожалѣю, что эти пренія были вообще вызваны (совершенно вѣрно!). Ибо чѣмъ меньше говорится о вопросѣ милитаризма въ той странной формѣ, въ какой это начато здѣсь, тѣмъ лучше (совершенно вѣрно!)».

«Искренно признаюсь, меня удивляетъ, какъ кто-нибудь, кто въ состояніи взвѣшивать послѣдствія дѣла и умѣетъ думать нѣсколько дальше того момента, въ который онъ говоритъ, могъ такое дѣло въ такой формѣ поставить здѣсь на обсужденіе (совершенно вѣрно!). Такія предложенія и такія обоснованія могутъ выглядѣть очень сильными, но въ дѣйствительности они ничто иное, какъ игра съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и при томъ насчетъ *другихъ* (совершенно вѣрно!). Прежде всего на счетъ тѣхъ, кто должны идти въ казармы (совершенно вѣрно!) и затѣмъ на счетъ партіи вообще и отдѣльныхъ товарищей, ея ораторовъ въ частности (совершенно вѣрно!). Ибо несомнѣнно, что нужно обладать не только массой знаній, но и чрезвычайною ловкостью, чтобы обсуждать относящіеся сюда вопросы и не быть арестованнымъ» и т. д. въ томъ же духѣ, при такихъ же возгласахъ: «совершенно вѣрно!». Но рѣзче всѣхъ говорилъ самый неумѣренный поклонникъ умѣренности товарищъ Фромэ.

«Послѣ прямо-таки уничтожающей критики, выпавшей на долю предложенія Либкнехта, я не намѣревался еще дополнять эту критику. Меня теперь вынуждаетъ взять слово прямо-таки поражающая наглость, съ которой выступаетъ товарищъ Либкнехтъ, чтобы обходнымъ путемъ добиться того, чего онъ не можетъ добиться первымъ предложеніемъ. Либкнехтъ устраивается чрезвычайно легко съ помощью юридическаго

крючкотворства. Для него дѣло, видимо, въ томъ, чтобы какимъ-то-ни было способомъ достичь того, чего онъ не можетъ добиться первымъ предложеніемъ послѣ услышанной критики. Важнѣйшіе принципы и многообразныя отношенія обязываютъ насъ передъ нашей партіей, какъ это было уже достаточно выяснено, самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергнуть это предложеніе и все, что съ нимъ связано, слѣдовательно, и второе предложеніе. Я прошу васъ и черезъ второе предложеніе перейти къ порядку дня. Этимъ мы наилучшимъ образомъ развяжемся со всей этой непристойной исторіей».

Партейтагъ поступилъ согласно желанію Фроме и перешелъ черезъ оба предложенія, касающіяся организаціи антимилитаристической агитаціи среди молодежи, къ порядку дня.

Мы не станемъ разбираться въ «уничтожающей критикѣ», постигшей злополучное предложеніе 105, намъ важно только подчеркнуть ту ярость, которую оно вызвало въ душахъ нѣкоторыхъ признанныхъ вождей нѣмецкой соціалдемократіи. Такую же ярость до сихъ поръ возбуждали попытки поставить на обсужденіе партіи вопросъ о всеобщей стачкѣ. Въ обоихъ случаяхъ вожди боялись, какъ бы соціалдемократическая армія не сошла съ рельсъ законности, по которымъ она такъ быстро катится..., но куда? Вотъ вопросъ. Во всякомъ случаѣ не къ соціальной революціи. Само слово «революція» для многихъ «соціалдемократовъ» — законниковъ скоро станетъ чѣмъ-то «непристойнымъ»; пока оно лишь «безсмысленно».

«Если не хотятъ отдать народъ *на зарѣзъ* (ans Messer)—заявляетъ одинъ соціалдемократическій товарищъ Іоганнъ Леймпетерсъ*)—если мы убѣдились, что нельзя больше бороться на баррикадахъ, тогда не надо также играть съ огнемъ, ибо пропаганда въ пользу всеобщей стачки была-бы ничѣмъ инымъ, какъ настоящей игрой съ огнемъ. *Мы отвергаемъ революцію, какъ безсмыслицу*, и потому мы должны отбросить всѣ дѣйствія, черезъ которыя наши противники могли-бы насъ вогнать въ революцію».

Но соціалдемократическая масса, но соціалдемокра-

*) Socialistische Mönatschefte, 1904, № 11, стр. 884 и 885.

тія, какъ борющійся рабочій классъ не боится огня, которому суждено спалить буржуазную законность, идея всеобщей стачки съ каждымъ днемъ завоевываетъ все болѣе и болѣе сторонниковъ, и соціалдемократическимъ «руководителямъ» приходится—умѣрить свою ярость, чтобы не остаться съ законностью, но безъ рабочихъ. Ахъ, если-бы они не умѣряли своей ярости!

То же будетъ и съ антимилитаристической пропагандой. Она и въ Германіи изъ фабрики перейдетъ въ казарму: рабочіе не побоятся «тысячъ лѣтъ тюремнаго заключенія», но казарма будетъ уничтожена.

Пропаганда должна прежде всего окончательно разсѣять «военный психозъ», которымъ больны, къ сожалѣнію, очень многіе соціалдемократы, она должна быть направлена на самое «военное ремесло», а не на ту или другую форму его. Требуя «вооруженнаго народа» или «милиціи», требуя *воспитанія* «способности защищаться» соціалдемократія не ослабляетъ, а скорѣе усиливаетъ «военный психозъ», который, несомнѣнно, одно изъ условій господства буржуазіи.

Какъ германская, такъ и австрійская соціалдемократическія программы выставляютъ требованія «воспитанія къ всеобщей способности защищаться и народнаго ополченія вмѣсто постояннаго войска», и нѣтъ ни одной соціалдемократической программы, которая бы требовала уничтоженія вообще военной службы и «военнаго ремесла». Впрочемъ бельгійская программа требуетъ замѣны постояннаго войска милиціей лишь, какъ переходную ступень къ полному уничтоженію военной организаціи, къ полному уничтоженію военной службы.

«Воспитаніе къ всеобщей способности защищаться» или, говоря проще и отступая отъ буквальнаго перевода, *всеобщее воинское воспитаніе*, котораго требуютъ нѣмецкіе, австрійскіе и многіе другіе соціалдемократы, предполагаетъ зараженіе всѣхъ школъ военнымъ психозомъ. Соціалдемократы мечтаютъ о введеніи во всѣхъ школахъ обязательнаго обученія военному ремеслу. Изъ оффиціальнаго комментарія, составленнаго Шенланкомъ, къ Эрфуртской программѣ, видно, что это обученіе должно носить форму гимнастическихъ и военныхъ игръ.

«Руководящей мыслью при установленіи размѣра

и рода гимнастическихъ и боевыхъ игръ — читаемъ мы въ указанномъ комментаріи — является обученіе гражданъ умѣнью сражаться. Свободный народъ долженъ умѣть обращаться съ оружіемъ, его боевая доброкачественность является охраной и защитой мира общежитія. *Уже ребенку необходимо привить представленіе, что никто не заслуживаетъ названія свободнаго, кто не умѣетъ пользоваться оружіемъ* и не умѣетъ пролить свою кровь и умереть за свободу. Если придется удержать вдали отъ отечества дерзкаго врага, то гражданинъ, съ дѣтства занимавшійся физическими упражненіями и обученный пользоваться оружіемъ, станетъ защищать свой очагъ и общее благо съ пламеннымъ рвеніемъ и мужественной отвагой».

Все это очень красиво и невольно переноситъ насъ въ древнюю Спарту, но въ современномъ обществѣ буржуазія прекрасно умѣетъ пользоваться всеобщимъ воинскимъ обученіемъ для усмиренія своего «дерзкаго врага» — стачечниковъ, какъ это показываетъ примѣръ Швейцаріи; въ будущемъ же, пролетарскомъ обществѣ народы будутъ относиться другъ къ другу не какъ «дерзкіе враги» — а какъ вѣрные друзья. Мы знаемъ, что многимъ соціалдемократамъ, въ томъ числѣ Бебелю, какъ онъ самъ замѣтилъ въ рейхстагѣ, очень нравится перспектива соціалдемократическаго войска съ соціалдемократическими вождями въ качествѣ генераловъ, но мы думаемъ, что пролетаріатъ, въ моментъ побѣды проявитъ нѣсколько иной вкусъ. Онъ, я думаю, позаботится, чтобы въ школахъ прививали каждому ребенку воззрѣніе, *что свободнымъ имѣетъ право называться не тотъ, кто умѣетъ обращаться съ военнымъ оружіемъ, съ этимъ орудіемъ убійства, а тотъ, кто умѣетъ обращаться съ орудіемъ труда.*

Воинскій идеалъ соціалдемократическихъ программъ уже почти полностью осуществленъ въ Швейцаріи.

Швейцарская военная организація — идеалъ, къ которому стремятся, между прочимъ, и наши искристы, бундисты и т. д. Программа искристовъ требуетъ «замѣны постояннаго войска всеобщимъ вооруженіемъ народа». Формулировка эта не вполнѣ ясна, но, что подъ «всеобщимъ вооруженіемъ народа» предполагается швейцарская милиція, это видно *изъ искровской*

брошюры «Милитаризмъ и рабочій классъ», а также отчасти изъ протоколовъ «невиданнаго съѣзда».

На «восемнадцатомъ засѣданіи» представитель Бунда Либеръ предложилъ замѣнить слова «всеобщее вооруженіе» словомъ «милиція», такъ какъ «всеобщее вооруженіе можетъ быть обычнымъ, оно можетъ быть объявлено во время войны, но это не то, что существуетъ въ Швейцаріи».

На это Ленинъ возразилъ, что «слово «милиція» ничего новаго не дастъ и вноситъ путаницу: «слова «всеобщее вооруженіе народа» ясны и вполнѣ русскія, и онъ находитъ поправку тов. Либера излишней».

Ни Ленинъ, ни другіе «сослуживцы» не замѣтили Либеру, что они совсѣмъ не желаютъ «того, что существуетъ въ Швейцаріи» и своимъ молчаніемъ показали, что они желаютъ швейцарской милиціи. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ, видимо, не знали, что собственно «существуетъ въ Швейцаріи».

Такъ, наприм., когда Брукеръ и Либеръ предложили уничтоженіе военныхъ судовъ, то Мартовъ, который, видимо, допускаетъ возможность только своихъ собственныхъ «предложеній», тотчасъ «возразилъ», что разъ требуется отмѣна постояннаго войска, то нечего говорить объ отмѣнѣ военныхъ судовъ.

Плеханову пришлось разъяснить, что «введеніе милиціи еще не уничтожаетъ военныхъ судовъ, чему примѣръ мы видимъ въ Швейцаріи».

Что же въ дѣйствительности представляетъ военная организація Швейцаріи?

Военная служба *обязательна*.

Швейцарская армія дѣлится на три класса: отборъ (elite), ландверъ и ландштурмъ *). Каждый изъ здоровыхъ швейцарскихъ гражданъ въ возрастѣ отъ 17 до 50 лѣтъ включительно принадлежитъ къ одному изъ этихъ классовъ. Лица моложе 17 лѣтъ и старше 50 могутъ быть причислены къ ландштурму въ качествѣ добровольцевъ. Въ «отборъ» входятъ граждане отъ 20 до 32 лѣтъ, въ ландверъ отъ 32 до 44 лѣтъ;

*) При изложеніи швейцарской военной организаціи мы пользуемся непосредственно текстомъ соотвѣтствующихъ законовъ, собранныхъ въ двухъ оффиціальныхъ изданіяхъ: «Organisation militaire de la confederation Suisse» и «Les lois etc. concernant l'organisation des troupes de l'armée Suisse».

освобождаются отъ службы въ этихъ двухъ классахъ члены федеральнаго совѣта, чиновники и служащіе почтовой и телеграфной администраціи, директора и часть служебнаго персонала больницъ и тюремъ, лица духовнаго званія, учителя общественныхъ школъ и нѣкоторые желѣзнодорожные служащіе; но всѣ эти лица должны все же пройти курсъ военнаго обученія въ «рекрутской школѣ»; послѣ чего они входятъ въ составъ ландштурма, къ которому причисляются кромѣ того всѣ лица отъ 17 лѣтъ до 20 и отъ 44 до 50.

Обязательное подготовленіе къ военной службѣ начинается съ десятилѣтняго возраста. Оно состоитъ по ст. 81 регламента «военной организаціи» въ курсахъ военной гимнастики, преподаваемой особыми учителями (régents), которые подготовляются въ федеральныхъ рекрутскихъ школахъ и въ кантональныхъ семинаріяхъ.

Кантоны должны принимать мѣры, чтобы молодые люди не только въ школахъ, но и по окончаніи ихъ принимали участіе въ военно-гимнастическихъ упражненіяхъ вплоть до 20 лѣтъ, т. е. до вступленія въ «рекрутскую школу». Въ два послѣдніе года (отъ 18-20 лѣтъ) по требованію конфедераціи, къ гимнастическимъ упражненіямъ присоединяется упражненіе въ стрѣльбѣ.

Въ прививкѣ военнаго духа 13 кантоновъ изъ 22 пошли еще дальше, чѣмъ требуютъ союзные законы; они организовали 52 кадетскихъ батальона изъ гимназистовъ и реалистовъ въ возрастѣ отъ 13 до 16 лѣтъ. Намъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ пришлось видѣть ихъ маневры. Всѣ одѣты въ военные мундиры съ иголочки; артиллеристы маневрируютъ съ настоящими пушками; пѣхота подползаетъ къ редутамъ; изъ главнаго штаба летятъ въ разныя стороны ординарцы на велосипедахъ. Все это можетъ показаться красивымъ, но, если подумать хорошенько, то эта прививка дѣтямъ военнаго духа—вещь очень гнусная.

Въ 20 лѣтъ всѣ граждане вступаютъ въ рекрутскія школы, гдѣ изучаютъ военное ремесло уже не играючи.

Обученіе въ «рекрутскихъ школахъ» для артиллеристовъ продолжается 55 дней, для пѣхотинцевъ 43 дня, для саперовъ — 50 дней, для кавалеристовъ — 80 дней. Затѣмъ артиллеристы, пѣхотинцы и саперы

созываются *каждые два года* для «репетиціи» на 16 дней, кавалеристы же *каждый годъ* на 10 дней.

Эти «созывы» касаются только «отбора», т. е. имъ подвергаются граждане лишь до 32 лѣтъ; ландверъ созывается каждые два года лишь на 1 день.

Но помимо этихъ регулярныхъ «учебныхъ сборовъ» правительство (какъ кантональное, такъ и федеральное) можетъ въ любую минуту созвать и «отборъ» и «ландверъ» «подъ знамена» не только «для защиты отечества», но и для возстановленія порядка; фактически «сборы» происходятъ только для усмиренія» стачечниковъ; *милиція* все болѣе и болѣе *превращается* въ Швейцаріи въ *вооруженную полицію*, дѣйствующую исключительно въ интересахъ хозяевъ-капиталиталистовъ. Съ 1875 года милиція созывалась «подъ знамена», по крайней мѣрѣ, 30 разъ для выполненія обязанностей «полиціи безопасности» при крупныхъ стачкахъ и не разъ показывала стачечникамъ, что «военное ремесло» изучается въ Швейцаріи «хорошо», и солдаты умѣютъ стрѣлять мѣтко и колоть твердо.

При сборахъ «на дѣйствительную службу» войска каждый разъ приносятъ присягу.

Офицеры *назначаются и производятся* въ высшіе чины отчасти кантональными *правительствами*, отчасти союзнымъ совѣтомъ. Предварительно каждый кандидатъ въ офицеры долженъ пройти курсъ въ офицерской школѣ и получить соотвѣтствующій атестатъ; посылаются въ эти школы солдаты и унтеръ-офицеры по выбору кантональныхъ властей, которыя руководствуются указаніями офицеровъ, завѣдующихъ «единствомъ тактики» или «инструкторовъ».

Швейцарская армія-милиція обмундирована и вооружена въ общемъ также, какъ и «постоянныя войска» другихъ государствъ. Мундиры офицеровъ отличаются, конечно, отъ мундировъ солдатъ, имѣются особые значки или нашивки для отличія высшихъ чиновъ объ низшихъ и т. д. Русскій революціонный соціалдемократъ въ своей брошюрѣ «Милитаризмъ и рабочій классъ» вводитъ читателей въ заблужденіе, указывая, что съ замѣной постоянныхъ армій милиціей каждый гражданинъ выполняетъ свой долгъ (защиты отечества) «какъ нельзя лучше, не смотря на то, что *не будетъ въ мундирѣ съ погонами*. Милиція

отнюдь не устраняетъ военнаго мундира, съ погонами или безъ погоновъ, что, конечно, безразлично. Въ военномъ ремеслѣ мундиръ играетъ немаловажную роль.

«Личное оружіе, по правилу, остается въ рукахъ солдатъ въ продолженіе всей его службы», т. е. во все время, пока онъ числится въ «отборѣ», ландверѣ и ландштурмѣ.

Но кантоны могутъ его отбирать у тѣхъ, которые почему нибудь не въ состояніи имъ пользоваться и у тѣхъ, которые проявляютъ при пользованіи имъ небрежность.

Во время нахожденія на дѣйствительной службѣ офицеры и солдаты получаютъ суточныя, разумѣется, не одинаковыя. Главнокомандующій получаетъ 50 фр. въ день и 6 «раціоновъ» фуража для его лошадей, бригадный полковникъ—25 франковъ, лейтенантъ—7 фр., солдатъ—80 сантимовъ; рекрутъ (т. е. солдатъ во время обученія въ рекрутской школѣ) — 50 сант.; такимъ образомъ главнокомандующій получаетъ въ 100 разъ, полковникъ въ 50 разъ, а лейтенантъ въ 14 разъ больше, чѣмъ солдатъ, который обыкновенно неизмѣримо больше нуждается, чѣмъ офицеръ.

За всѣ проступки и преступленія, связанныя съ военной службой, виновные отвѣтственны передъ военнымъ судомъ (изъ офицеровъ), судящимъ на основаніи военно-уголовнаго кодекса.

Такова эта швейцарская милиція, о которой такъ мечтаютъ соціалдемократы всѣхъ странъ, такова эта идеальная швейцарская военная организація!

Милитаризма она во всякомъ случаѣ не убиваетъ. Военные расходы въ Швейцаріи очень значительны, не смотря на то, что швейцарскому народу нечего бояться нападенія «дерзкаго врага».

Относительно милиція Швейцаріи обходится дороже, чѣмъ постоянное войско Россіи.

Военный бюджетъ Швейцаріи въ 30 разъ меньше военнаго бюджета Россіи, а населеніе Россіи почти въ 40 разъ больше населенія Швейцаріи.

Вообще само по себѣ замѣна постояннаго войска милиціей не уменьшаетъ военныхъ расходовъ; этого не оспариваетъ даже такой защитникъ милиціи, какъ Каутскій.

«Отъ проведенія милиціи — говоритъ онъ въ «Аграрномъ вопросѣ» — едва-ли можно ожидать чрезвычайнаго прямого экономическаго облегченія населенія. Въ этотъ отношеніи идея вѣчнаго мира рѣшительно превосходитъ идею милиціи. Идея милиціи ни въ коемъ случаѣ не означаетъ уменьшенія вооруженія народа, скорѣе увеличеніе, такъ какъ она хочетъ привлечь къ оборонѣ каждаго способнаго носить оружіе. Какихъ это потребуетъ расходовъ, это дѣло техническаго развитія, которое нельзя напередъ опредѣлить, и какъ разъ въ военной области оно будетъ одерживать величайшіе и опаснѣйшіе тріумфы до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать противоположности между капиталистическими націями».

Такимъ образомъ одно изъ главнѣйшихъ золъ милитаризма — его экономическая тяжесть, поглощеніе огромныхъ народныхъ средствъ — отнюдь не устраняется «замѣной постояннаго войска милиціей или «вооруженнымъ народомъ».

Не устраняется этимъ и второе зло — война или массовое убійство во славу капитализма; система милиціи скорѣе усиливаетъ опасность войны, вводя военное обученіе въ школѣ, отравляя еще совсѣмъ юныя души «воинственностью», которая неразлучна съ національнымъ шовинизмомъ. Авторъ брошюры «Милитаризмъ и рабочій классъ» съ осужденіемъ указываетъ, что «школы и церковь, государство и магистратура прославляютъ воинское ремесло, какъ наиболѣе благородную дѣятельность на пользу отечества». Но развѣ этого нѣтъ при режимѣ «вооруженнаго народа», когда каждый гражданинъ каждую минуту долженъ быть готовъ взять со стѣны оружіе и идти «подъ знамя», когда знаніе «воинскаго ремесла»—обязанность, «священная обязанность» и мальчика, и старика?!

Что система милиціи не отнимаетъ у господствующаго класса распоряженія военною силою, какъ средствомъ «охраны» своихъ капиталистическихъ интересовъ, это блестяще доказываетъ примѣръ Швейцаріи. Командованье и въ милиціи неизбѣжно сосредоточивается въ рукахъ представителей господствующаго класса; къ безпрекословному повиновенію «въ строю» пріучаются солдаты и при милиціонной системѣ, тѣмъ бо-

лѣе, что обученіе дисциплинѣ начинается очень рано, и повторные уроки даются почти ежегодно.

Не даромъ среди швейцарскаго пролетаріата началось и быстро разростается движеніе въ пользу массоваго неповиновенія въ случаяхъ призыва «подъ знамена» для «возстановленія порядка» во время стачекъ.

Такъ, напр., въ августѣ 1904 г. цюрихская секція швейцарскаго союза металлургическихъ рабочихъ единогласно приняла резолюцію, въ которой требуетъ, чтобы центральный комитетъ немедленно обратился ко всѣмъ рабочимъ Швейцаріи съ призывомъ не повиноваться приказамъ, созывающимъ милицію «на службу» для «охраны порядка» во время стачекъ.

Секція требуетъ, чтобы противъ швейцарскаго милитаризма была начата борьба всѣми средствами и чтобы товарищамъ, отказывающимся повиноваться идти «усмирять стачки», была оказана нравственная и матерьяльная поддержка.

Это воззваніе вызвало, разумѣется, ярость буржуазной прессы, въ союзѣ съ которой оказался на этотъ разъ и оффиціальный органъ швейцарской «соціалдемократіи» «Grütlianer». Онъ издѣвается надъ этимъ движеніемъ противъ милитаризма и защищаетъ необходимость посылки милиціи въ районы стачекъ для охраны порядка.

Издѣвается часть швейцарской соціалдемократической прессы и надъ тѣми швейцарскими пролетаріями, которые вообще отказываются выполнять воинскую повинность, считая, что «военное ремесло» во всѣхъ его формахъ приносить пролетаріату одно только зло. Начало этому движенію въ прошломъ году положилъ соціалдемократъ Нэнъ изъ Шо-де-фонъ. Нэнъ былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія и къ временному лишенію политическихъ правъ. Въ нынѣшнемъ году тюрьму предпочли «рекрутской школѣ» уже не одинъ, а нѣсколько сознательныхъ пролетаріевъ.

Рано или поздно, а придетъ-таки время, когда пролетаріатъ всего міра пойметъ, что военщина, хотя бы и въ формѣ «милиціи» или «вооруженнаго народа», нужна только буржуазіи для поддержанія своего господства.

Онъ пойметъ, что при современномъ строѣ и во-

оруженный миръ, и всѣ войны одинаково порождены капитализмомъ и хищной жадностью буржуазіи, въ будущемъ же строѣ съ уничтоженіемъ капитализма народамъ незачѣмъ будетъ разорять и истреблять другъ друга. Пусть буржуазія старается исправлять милитаризмъ, пролетаріатъ же долженъ безъ колебаній направить свои удары въ самое сердце этого чудовища. Не надо намъ ни вооруженнаго мира, ни справедливыхъ войнъ, не надо намъ ни постояннаго войска, ни народной милиціи!